

Алексей РОСС

ФАРМАКОПЕЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Москва, 2023 г.

18+

Алексей РОСС
Фармакопея

«Автор»

2023

РОСС А.

Фармакопея / А. РОСС — «Автор», 2023

Обстоятельства и шантаж вынуждают Юрия Фадеева, бывшего сотрудника Службы внешней разведки России, согласиться выполнить «грязную» работу для западной фармацевтической компании. Ожидая окунуться в глубины закулисной борьбы глобальных транснациональных корпораций, главный герой даже не подозревает того, что станет участником шпионской игры мирового масштаба, окажется поистине в невозможных местах, будет бороться за жизнь в невероятных ситуациях, и столкнется с настоящими чудовищами.

© РОСС А., 2023

© Автор, 2023

Алексей РОСС

Фармакопея

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и событиями чистая случайность.

ФАРМАКОПЕЯ (pharmakopeia) – греческие слова: Φάρμακο – лекарство и Κάνει-делаю, вместе означающие «Искусство изготовления лекарств».

Глава 1.

о.Мауи, Гавайи, США, 03.02.2019

Оперативный дежурный СТРАТКОМа, майор Джеральд Уитмен, через большое окно своего кабинета увидел, что все десять сотрудников дежурной смены Центра космического наблюдения сгрудились у рабочего места новенького второго лейтенанта Уинстели и активно тычут пальцами в его мониторы. Это означало, что происходит явно что-то неординарное, но сигнала тревоги никто не включил, значит, что-то было совсем не так. Это удивило Уитмена, и он пошел лично разобраться в таком несоблюдении инструкций.

Подойдя сзади ко всей компании офицеров, он тронул за локоть первого лейтенанта Эмми Шрофф, которая стояла ближе всех к мониторам, и взглядом показал ей уступить ему место.

– Что происходит, Уинстели? – громко произнес он, перекрывая гомон остальных. – Что за митинг вы здесь устроили?

– Сэр, – резко повернувшись и поправляя очки, произнес лейтенант. – Кажется, у нас нештатная ситуация, но еще нет полных данных для доклада.

– Докладывайте, что есть, если уже вся смена собралась возле вас, лейтенант.

– Да, сэр. Слушаюсь, – и, повернувшись к мониторам, продолжил, – сэр, примерно сорок пять минут назад объект С61492 нештатно сошел со своей орбиты. Скорость снижения возрастает и, учитывая характер объекта, можно предположить, что он падает.

– Что за объект?

– По каталогу, сэр, объект С61492 – это наш старый спутник связи САТКОМ на геосинхронной орбите, выведенный из эксплуатации в 2002 году из-за выработки ресурса. Все это время он не менял параметры своей орбиты, а сорок пять минут назад все системы зафиксировали его внезапный сход.

– Понятно, старый металлолом. Что еще? – спросил Уитмен, по опыту зная, что этим доклад ограничиться не может. – Спутник же не мог просто передумать висеть в космосе и отправиться на Землю?

– Пока это все, сэр, – промямлил лейтенант, и с надеждой бросил взгляд на сослуживцев. На мгновение повисла пауза.

– Очевидно столкновение с метеоритом, – пришла ему на выручку лейтенант Шрофф. – Мы уже проанализировали данные. За последние тридцать три минуты на прежней орбите этого спутника фиксируется облако обломков, значительного размера, которое продолжает

расширяться. Единственное, что пока не понятно, как мы не засекали метеорит такого размера, что он смог выбить этот крупный спутник со своей орбиты.

– И что, никто не может объяснить такой феномен? – строго спросил майор, а про себя весело подумал «эх молодежь, молодежь, как же не понимать такой элементарщины».

– Хорошо, давайте вместе найдем логичное объяснение этому феномену, – сказал он, отступив на шаг назад, чтобы видеть всю смену. – Космический аппарат, размером с инкассаторский фургон, столкнулся с пока неизвестным космическим объектом, вследствие чего мы имеем огромное облако осколков, и сходящий с этой орбиты сам космический аппарат. При этом ни одна система, которая видела и видит даже мелкие осколки, не видела этот, пока неизвестный объект. Как такое возможно?

Никто не проронил ни слова. «Вот черт, а ведь кому-то из них. через пару лет, мне придется передавать дела», – выругался про себя Уитмен.

– ОК, продолжаем мозговой штурм, – сказал майор, пытаясь немного улыбнуться, чтобы разрядить напряжение у подчиненных. – Если наши системы функционируют исправно, и фиксируют даже мелкие космические объекты, то это означает, что неизвестный объект был...

– Микрометеоритом, – снова подала голос Шрофф.

– Правильно, Эмми, – сказал Уитмен, очередной раз отметив, что она самая смышленная в его команде. – Но как же микрометеорит, размеры которого не превышают одного-двух миллиметров, смог сбить такой большой спутник?

Снова тишина, и десять пар глаз ожидающих от него разгадки этого ребуса.

– Если бы вы, коллеги, внимательно посмотрели в каталоге на описание объекта С61492, то обратили бы внимание, что аппарат был выведен из эксплуатации из-за выхода из строя бортовой аппаратуры, вызванного деградацией аккумуляторных батарей. Это означает, что электроника спутника мертва, но ракетное топливо в баках аппарата, использовавшееся для его выведения на орбиту и поддержания ее параметров, наверняка полностью не израсходовано. Очевидно, что удар микрометеорита пришелся на баки или топливную аппаратуру, что привело к взрыву. На это указывают многочисленные обломки разного размера, разлетающиеся во все стороны, но не равномерно по всей сфере от точки столкновения, а эллипсоидом. Значит, кроме облака осколков, взрыв баков придал импульс останкам аппарата, направленный, увы, к Земле. Это первая версия произошедшего, которая все объясняет.

– Гениально, сэр! – сказал Уинстели, встав рядом с остальными. А вот лейтенант Эмми Шрофф, наоборот не смогла скрыть разочарования на лице, очевидно, потому что сама не смогла найти такое тривиальное решение.

– Ну, а вторая возможная версия выглядит так, – продолжал майор. – Наша аппаратура по какой-то причине не смогла засесть огромный метеорит, даже скорее небольшой астероид, который двигался с постоянным ускорением к Земле, и столкнулся с нашим спутником. После столкновения спутник оказался полностью разрушен, и мы можем наблюдать облако его осколков, а сам астероид, или его большая часть, продолжил движение к Земле, что теперь активно фиксируют наши датчики.

– А теперь, – он указал пальцем на каждого из подчиненных, – логически думаем, какая из версий верная.

– Принимая во внимание, что аппаратура полностью исправна, и постоянно калибруется, верной может быть только первая версия, – ответила лейтенант Шрофф, все еще оставаясь недовольной собой.

– Отлично, коллеги! – сказал Уитмен, – Теперь вопрос, куда упадут обломки спутника?

– Мы уже произвели расчеты, сэр, – включился лейтенант Дин Мартин. – Примерно через четырнадцать часов обломки аппарата, которые не сгорят в атмосфере, могут упасть в районе Северной Дакоты, если долетят. Но, скорее всего, упадут на юге Канады, в районе озера Виннипег.

– «Да уж, повезло этим Канадцам...», – подумал майор, а вслух сказал. – Прекрасно! Мартин, вы, вместе с Шрофф и Уинстели, подготовьте все данные для доклада, а я сейчас связываюсь с центральным командованием, чтобы они принимали меры. У вас пять минут.

Лонгворт, Миннесота, США, 03.02.2019

Чарльз Бикхэм поставил последний штамп в транспортные документы дальнобойщика, и со словами «Удачи на дороге» протянул бумаги водителю.

– Спасибо, офицер, – устало произнес дальнобойщик, отвернулся от конторского окна и направился к выходу из здания таможенного поста, на ходу засовывая бумаги в пластиковую папку.

На мгновение дуло холодом, хлопнула дверь, и Чарльз остался в тишине помещения, нарушаемого только легким гудением вентиляции, и миганием экрана телевизора, с отключенным звуком висящего на стене.

Опять потянуло холодом, хлопнула дверь, и перед окошком его кабинета возникла высокая фигура его напарника Дилана Уэлша, с покрасневшимся от мороза лицом.

– Ну и ветер там поднялся, Чарльз, – сказал Уэлш, стягивая с себя шапку и перчатки. – Этот дальнобой уехал и сделаю себе кофе, чтобы согреться, пока следующие не подъехали. Черт их тянет на ночь глядя в воскресенье, да еще в такую погоду, ездить тут по глухоти.

– Дилан, иди нормально отдохни и погрейся, а я пока пойду покурю и подежурю на улице. Только не делай очень громко звук телевизора, Лаудер еще спит, – сказал Чарльз, поднимаясь с кресла.

Физиономия Уэлша растянулась в благодарной улыбке, и он вместо кофе машины направился к автомату с сэндвичами.

Бикхэм надел свою теплую куртку с шевроном Таможенной службы США, поглубже натянул шапку, сказал напарнику «может и не будет больше никого сегодня ночью», и вышел в морозную ночь. Холодный ветер сразу же хлестнул его по лицу колючими снежинками, заставив на мгновение зажмуриться. Отвернувшись от ветра, он закурил сигарету, спрятал зажигалку в карман и, глубоко затянувшись, вышел из-под навеса на открытую площадку досмотра автомобилей. Северный ветер активно нес снег, и всю площадку уже замело так, что почти не видно было следов колеи последней фуры, уехавшей буквально пять минут назад. Чарльз прошелся до конца площадки, освещенной рядом фонарных столбов, и посмотрел на окрестности. Вокруг стояла крошечная тьма, и только их маленький оазис сиял яркими окнами офиса и огнями гирлянды фонарей освещения периметра. За этим пятном света не было видно абсолютно ничего.

Докурив сигарету и выбросив окурки в сугроб, Бикхэм сделал еще несколько шагов, чтобы выйти в тень из светового пятна фонарного столба, и посмотрел на север. Ветер больно жалил лицо и заставлял слезиться глаза. Показалось, что снегопад еще больше усилился. Со стороны Канады не было видно ни единого огонька фар автомобилей, и даже не было видно огней освещения Канадского таможенного поста, который был всего в миле от них. Значит отсюда пока можно не ждать гостей и расслабиться. Отвернувшись от ветра, он посмотрел на

юг, и увидел несколько тусклых огоньков общины Лонгворт, пробивающихся сквозь скудный подлесок между их домишками. Но на трассе не было видно ни единого отблеска фар.

– Чарльз, – голосом Уэлша прохрипела рация на груди. – Сейчас по ТВ сказали, что завтра «Виннипег Джетс» всей командой поедут в Гранд-Форкс. И если на центральных постах на границе будут очереди, есть шанс, что они поедут через нас. Вот было бы круто! Всегда мечтал взять автограф у Пола Мориса.

– Размечтался, салага. Такой крюк они никогда не сделают, – ответил Бикхэм, наклонив голову к рации. – Для них на любом посту откроют зеленый коридор. А наша участь дальнотбойщики, да индейцы из резервации.

– Все равно, шанс есть, – еще раз прохрипела рация и отключилась.

Постояв еще немного в тишине, Чарльз закурил еще одну сигарету, и сквозь падающий снег стал всматриваться в легкое дрожание огоньков Лонгворта, так как в окружающей темноте глазу совсем не за что было зацепиться. Вдруг, на снегу перед ним, проявилась его бледная тень и из-за спины стал пробиваться желтоватый свет. «Неужели опять кто-то едет», – подумал Бикхэм и обернулся. В первое мгновение он даже растерялся от увиденного, так как ему показалось, что по трассе мчится горящий грузовик. Но в следующее мгновение он осознал, что в темноте потерял ориентиры и это была не трасса, а что-то горящее стремительно неслось по небу со стороны Канады. Ужасная мысль кольнула его мозг – «падает самолет!». Рука дернулась к рации и застыла. Буквально за секунду свет от пылающего нечто стал настолько ярким, что затмил собой все их уличное освещение. Затем, что-то непонятное, с огромным огненным шлейфом и невероятной скоростью, пронеслось у него над головой, и стало удаляться на юго-запад. Через пару мгновений на него навалился ужасающе громкий рев, заставивший его зажмуриться и пригнуть голову, а еще через несколько секунд, когда Чарльз открыл глаза, уже ничего не было видно. В следующий миг, со стороны заповедника Лост Ривер в небо взметнулась огромная вспышка света, которая показалась Бикхэму еще ярче увиденного им ранее света, а через несколько мгновений до него докатилось эхо взрыва, больно ударившего по ушам.

Из дверей офиса с курткой в руке выскочил Уэлш, и стал озираться по сторонам, ища причину шума. Увидев Бикхэма, он кинулся к нему, на бегу пытаясь засунуть руку в рукав.

– Что происходит, Чарльз? – крикнул он на бегу. – Что это был за взрыв?

– Похоже, что в заповеднике упала ракета, Дилан.

– Ракета? – выпучив глаза, громко повторил Уэлш. – Какая ракета? Чья?

– Я не знаю, Дилан, может русская, может китайская. Она летела оттуда, – он ткнул пальцем в небо на канадской стороне, – и улетела туда. Я сначала даже подумал, что падает самолет, но она пронеслась с такой скоростью, на которой самолеты не летают. Я же служил в ВВС, я знаю.

Из офиса показалась фигура старшего их смены Роберта Лаудера. Бикхэм и Уэлш оба пошли к нему.

– Что случилось? – обратился к ним Лаудер, потирая заспанное лицо. – Это у нас так грохнуло?

– Похоже, что у нас в заповеднике упала и взорвалась ракета, шеф, – сказал Чарльз. – Она пролетела со стороны Канады, почти над нашей головой, вся в огне, возможно неисправная.

– Почему ракета, может самолет? – ошеломленный новостью спросил Лаудер.

– Может и самолет, шеф, но не похоже. Мне показалось, что это ракета.

– Ясно. Сейчас позвоню федералам и в национальную гвардию, – сказал Лаудер, и направился к офису.

– Похоже, что скоро у нас тут будет куча гостей, – сказал Бикхэм. – Пойдем, перекусим нормально, а то потом продыху не дадут.

Они еще раз взглянули в ту сторону, где произошел взрыв. Зарево уже полностью пропало, и мир вокруг опять погрузился в темноту, и как будто стало еще холоднее. «Надо домой позвонить, предупредить», – одновременно подумали Уэлш и Бикхэм, и следом за шефом направились в офис.

Вашингтон, США, 08.05.2019

Закончив выступление перед журналистами и гостями, после возложения венка к мемориалу Второй мировой войны, Дональд Трамп вместе с женой Меланией, в окружении охраны, направился к своему кортежу. Ступая по гранитным плитам мемориала к ожидающему их лимузину, он увидел, что рядом с автомобилем его поджидает Рэй Хикс, его советник по национальной безопасности. Это не обещало ничего хорошего. Не доходя нескольких шагов до машины, президент и его жена развернулись к камерам журналистов и, дежурно улыбаясь, несколько мгновений махали зрителям руками, после чего повернулись назад, и охрана заслонила их от объективов.

– Здравствуй, Рэй. – произнес Трамп, протягивая ему руку. – Почему ты здесь сегодня? Что-то случилось?

– Нужно поговорить без свидетелей, мистер президент. Срочно! – ответил Рэй, а его напряженное лицо служило подтверждением самых худших опасений.

– Хорошо, поговорим по пути в Белый Дом. Садись, – ответил президент.

Повернувшись к Мелании и взяв ее за руку, он сказал:

– Дорогая, тебе придется поехать во второй машине, у меня неотложные государственные дела.

– Да, конечно, дорогой, – она поцеловала его в щеку, и сделала шаг назад.

– Гэри! – обратился Трамп к шефу своей охраны, – Первая леди поедет с тобой. А со мной поедет советник Хикс. Всех агентов распредели по другим автомобилям, у меня конфиденциальный разговор.

– Все понятно, сэр! – ответил Гэри Росс, и кивком головы дал указания своим людям, стоявшим рядом, выполнять распоряжение президента.

Шеф Росс лично проводил Первую леди ко второму бронированному лимузину, по пути раздавая указания в свою миниатюрную рацию. Агенты открыли двери президентского Кадиллака, помогли сесть президенту, и его компаньону и только плотно закрыв их и осмотревшись по сторонам, быстрым шагом направились к своим автомобилям сопровождения. Пока кортеж не тронулся и не набрал скорость, президент и его советник сидели в машине молча, смотря через бронированные стекла на горожан, приветствующих президента. Как только автомобиль свернул на авеню Конститушн, Трамп закрыл большое черное бронированное стекло, отделяющее салон от водителя и сказал:

– Давай, Рэй, выкладывай, что там у тебя?

– У нас новый инцидент с проникновением на объекте «Зоопарк». Уже четвертый за три месяца проекта. И если предыдущие три были попытками местного персонала пронести камеры, или вынести какие-то свидетельства, то последний инцидент – это целенаправленная попытка проникновения извне. Самый опасный прецедент!

– Почему? Чем он хуже других?

– Тем, что этот человек не имеет никакого отношения к группе участников проекта, а значит, не должен ничего знать в принципе и, соответственно, интересоваться этим объектом.

– Вы смогли предотвратить проникновение?

– Да, он был задержан еще в пределах первого периметра, но то, что он проник с самого неожиданного направления и продвинулся так далеко, говорит о его серьезной подготовке к акции.

– Известно, кто он такой?

– Журналист местной газеты из Гранд-Форкс.

– Журналист? Не может быть, чтобы газетчики об этом пронюхали, – воскликнул президент, впервые проявив настоящее беспокойство. – Ведь мы приложили столько усилий к дискредитации всех слухов вокруг этой темы. Только за первые две недели на ложные вбросы в прессу ушли десятки миллионов долларов, а в итоге какой-то местный журналюга все же лезет к нам через забор?

– Реакция СМИ на такие сообщения – это отдельная тема, кроме того...

– Постой, – прервал своего советника Трамп, – а почему вдруг Северная Дакота, если событие произошло в Миннесоте? Объясни.

– Журналист живет и работает в северной Дакоте, в Гранд-Форкс, но его родной брат из Салола, Миннесоты. Он фермер и его хозяйство одно из ближайших, от места происшествия, примерно двадцать миль по прямой. Возможно, он мог что-то такое наблюдать в феврале, пока мы зачищали следы, и поделился этим со своими близкими. А уже брат, в силу журналистской работы полез охотиться за сенсацией.

– Какая там может быть сенсация, Рэй? Максимум, что этот фермер мог увидеть, как что-то упало и разбилось далеко в лесу, а потом национальная гвардия это эвакуировала. Так мы же честно по всем новостям рассказали, что во время учений разбился наш конвертоплан. Показали фото обломков, списки раненых военных и интервью с героическими спасателями. Что еще, после этого, там может искать какой-то газетчик? Инопланетян или очередную секретную тюрьму ЦРУ?

– Все так, господин Президент. Это позволило нам быстро снять информационный шум и сместить акценты на другие события. Но то, что мы держали эту зону в карантине больше двух недель, способствовало появлению различных подозрений и слухов. И даже организованный нами теракт в Индии, не полностью затмил собой местные новости.

– Никогда не говорите так, мистер Хикс! – вспыхнул Трамп. – Мы не организовывали этот теракт. Мы только не уведомили индийские власти, что имеются данные о росте террористической активности в этом регионе. В конце концов, у них есть свои спецслужбы.

– Прошу прощения, господин Президент! Я оговорился.

– Тогда говори, Рэй, чего ты, в конце концов, добиваешься? Мы уже подъезжаем, и у меня встреча с Руди, а это намного более важно, чем какие-то деревенские журналисты.

– Я считаю, господин Президент, что нахождение объекта «Зоопарк» на территории США не безопасно с точки зрения секретности. И не смотря на все прилагаемые нами усилия, использование местного персонала в привязке к их регионам проживания, семьям и другим контактам, в конечном итоге приведет к утечке информации, которую уже невозможно будет купировать. Тогда весь проект встанет перед вопросом немедленного закрытия, и даже фактического уничтожения наработок. Кроме того, существует ненулевая вероятность биологической утечки, что может быть еще более опасно, чем разоблачение. Поэтому, я вынужден настаивать на переносе объекта в другой регион, где мы сможем полностью изолировать персонал от внешних контактов, а так же снять угрозу биологического заражения Соединенных Штатов.

– Куда же мы их перевезем? – хмыкнул президент. – В любой другой стране будут те же самые риски, а то и больше, из-за местных нюансов. Не в Антарктиду же их перевозить.

– У меня есть конкретное предложение на этот счет, господин президент! – уверенно ответил Хикс. – На первый взгляд, оно покажется вам совершенным безумием, но поверьте, я его тщательно обдумал, и готов детально аргументировать необходимость его принятия. И сделать это нужно буквально сегодня?

– Сегодня! Даже так? – удивленно произнес Трамп. – И что же это за необыкновенное место, которое по твоему мнению, решит все наши сложности?

– Это...

Агенту, сидящему в автомобиле президента рядом с водителем, в какой-то момент показалось, что он услышал хохот из салона президента. Но так как бронированная перегородка между ними была еще и звуконепроницаема, он отгнул эту мысль. Не мог же президент Соединенных Штатов в беседе с советником по национальной безопасности хохотать так, чтобы это было слышно даже из бронированного автомобиля. «Нужно выспаться», – решил он про себя, и продолжил всматриваться в прохожих, встречающихся на пути президентского кортежа.

Глава администрации Белого дома встречал президента на входе в здание. Он уже знал, что супруга Дональда Трампа ехала отдельно, из-за внезапной встречи президента с советником по национальной безопасности. Но выражение лица, с которым Трамп вышел из автомобиля и, в сопровождении советника, стал подниматься по ступеням, его очень насторожило. Что же такого он мог сообщить президенту за несколько минут поездки от Мемориала, чтобы так озадачить главу государства? Наконец, Трамп поднялся по ступеням и протянул руку Главе администрации. Мик Малвани энергично пожал руку президента, всматриваясь ему в лицо.

– Здравствуйтесь, господин Президент, – произнес он. – Мистер Джулиани уже прибыл и ожидает вас. Проводить его в овальный кабинет?

– Нет, Мик. Извинись от моего имени перед Руди, и отмени все другие встречи на сегодня. А ко мне пригласи Госсекретаря и Директора ЦРУ. Пусть придут максимально быстро.

Не сказав больше ни слова, он двинулся ко входу в здание, жестом пригласив Рэя Хикса следовать за ним.

Глава 2.

Париж, Франция, 11.07.2019

– А на этом графике, уважаемые коллеги, вы можете увидеть сравнение объемов вторичной дистрибуции наших безрецептурных препаратов за первое полугодие текущего года, с аналогичным периодом прошлого года. Общий прирост, увы, пока составил всего только 1,23%, что говорит о некотором отставании наших текущих показателей, от запланированных на первое полугодие 2019 года. Но в большей части, эти показатели зависят от наших зарубежных представительств, особенно в Азии, а у них изначально всегда цифры несколько кривые, как вы знаете. Азия! – с широкой белозубой улыбкой произнес Клод, сделав шуточный интонационный акцент. Но в этот раз никто даже не улыбнулся.

Клод Марел, поджарый мужчина с блестящим лысым черепом и ухоженной стильной бородой, занимал пост директора по маркетингу в головном офисе фармацевтического концерна Зенери Фарм. Он был хорошим маркетологом, очень хорошим директором, и чертовски хорошим оратором, за что Андре Сарду, коммерческий директор этого концерна, всегда

ставил его на общий доклад на советах директоров. Его уверенные презентации, сдобренные шутками и выдающейся графикой, даже если он нес откровенную чепуху, всегда давали положительный результат. Однако, сегодня все шло не так. Напряженное лицо президента компании Патрика Дидьена, последним зашедшего в зал, всех сразу же насторожило. А то, что за все время выступления Марела он не проронил ни единого звука, хмуро разглядывая лица своих сотрудников, а не красочные графики на экране, настроило Андре совсем уж на негативный лад. Он украдкой поглядывал на президента, сидящего справа от него, и внутренне готовился к грозе, которая должна была разразиться с минуты на минуту.

– Все эти Азиатские отклонения отражаются на текущих показателях всей группы компаний, ухудшая их, хотя мы точно уверены, что после итоговых сверок они улучшатся как минимум до 4,4 – 4,5% уже в июле, – продолжал Клод, как заведенный, не обращая внимания на хмурое молчание в зале. – Не смотря на эти кривоватые показатели, мы согласовали с коммерческим директором, – кивок в сторону Андре, – ряд стимулирующих мероприятий и новых маркетинговых программ, благодаря которым рассчитываем подтянуть текущие показатели и, к концу года, выйти на запланированные 7,5% прироста общего объема выручки. На этом, коллеги, первая часть моего доклада окончена, и я готов перейти к ответам на ваши вопросы.

В зале повисла тишина. Так как все пункты общего годового бюджета компании, под руководством коммерческого директора изначально согласовывались всеми департаментами, то общее собрание директоров было в большей степени формальностью. Этаким шоу, для презентации и утверждения его у президента компании. Поэтому и вопросы всегда были только от него. Так было и на Январском собрании, на котором утверждался бюджет 2019 года, где Патрик Дидьен живо реагировал на остроумные замечания Клода и рассматривал разноцветные диаграммы. Сейчас же, на промежуточном собрании по итогам первого полугодия, все было не так. Это и понятно. Таких низких показателей у них не было уже девять лет, и все попытки что-то исправить не принесли никакого результата, кроме дополнительных финансовых потерь.

– На сколько выполнен общий план производства? – после нескольких мгновений тяжелой тишины, произнес Патрик Дидьен, не обращаясь ни к кому конкретно. Андре задумался, вспоминая итоговые цифры, одновременно формулируя ответ...

– На 64%, господин президент, – быстро ответил директор производственного департамента, довольный своей мгновенной реакцией.

– А какой прирост производства закладывался в этом году?

– Плюс 8,5% к фактическому выпуску прошлого года! – отпартовал высокий худой производственник, облегченно посматривая на окружающих коллег.

– Значит, при запланированных 8,5% прироста выпуска готовой продукции, фактический план производства, за шесть месяцев из двенадцати, выполнен уже на 64%, то есть с приростом. А при запланированных 7,5% прироста продаж, за те же полгода работы, фактически имеем только 1,23%, – угрожающе тихо произнес президент компании и повернулся к Коммерческому директору.

Пора брать удар на себя, понял Андре, и откашлявшись произнес: – это только промежуточные результаты, месье. Обобщенные и актуализированные данные будут готовы только через пару недель.

– Эти показатели продаж включают использование стоков, не распроданных в прошлом году? – произнес Дидьен, казалось, не прореагировав на ответ Сарду.

– Да, месье. Эти показатели так же включают в себя продажи прошлогодних стоков, которые мы реализовывали в начале года.

– С существенным дисконтом?

– Да, месье, с существенным дисконтом, – ответил коммерческий директор, понимая, что от тяжелого диалога с президентом уже не уйти, и весь пар Патрик Дидьен будет выпускать на него.

– И после этого вы мне еще говорите о каких-то успехах, о росте и развитии? Фактически, вы уже перевыполнили и без того увеличенный план по расходам на производство и ваши идиотские маркетинговые программы, а с продажами топчетесь на месте, – в ответ повысил голос президент. – Азия у вас виновата? Цифры кривые? Почему вы не остановили все производства еще в феврале, если так сильно отстали в реализации продукции? Я спрашиваю, почему?

– В феврале показатели реализации продукции были еще удовлетворительными, господин президент, – ответил Андре, концентрируясь на ровных интонациях своего голоса, чтобы случайными срывами не подливать масла в огонь.

– Удовлетворительными?! – почти прокричал Дидьен. – Бешенную распродажу прошлогодних неликвидов, по цене ниже себестоимости, вы называете удовлетворительной? Вы в своем уме, Андре?

В первое мгновение, в ответ на такое публичное замечание, гнев всколыхнулся внутри него, но он тут же усмирил себя. Это была не первая, и не вторая, и даже не десятая его публичная порка, и коммерческий директор научился держать себя в руках. Андре Сарду работал с Дидьеном уже восемнадцать лет, и знал все его повадки. В конце концов, у президента есть причины для недовольства. И очень большие.

– Господин президент, я полностью осознаю величину наших потерь, вызванных текущим отставанием от плана, а так же понимаю все причины, повлиявшие на это. Как сказал месье Марел, нами подготовлена программа стимулирующих мероприятий, и во втором полугодии мы нагоним общее отставание и сравняемся с планом.

– Что же это за мероприятия? – так же громко, но уже спокойнее произнес президент.

– Это целый комплекс мероприятий, месье. Он включает в себя дополнительные рекламные блоки, программы специального обучения медицинских представителей, с одновременной инспекцией всех региональных подразделений. Плюс, стимулирующие акции для ключевых дистрибьюторов, в первую очередь участвующих в государственных фармацевтических тендерах. А так же, вывод на рынок нескольких новинок.

– Новинок? – заинтересовано посмотрел на него Дидьен. – У нас есть какие-то новинки?

В этот момент, очень кстати, или очень некстати, в разговор вмешалась директор департамента разработок Николь Вервиль. Низенькая, с грубоватым лицом и полными некрасивыми пальцами, Николь была первым, в истории компании Зенери Фарм, директором по разработкам, вышедшим не из научной среды исследовательских лабораторий, а из простых производственников. Правда, она могла похвастать хорошим фармацевтическим образованием. Ей было всего тридцать девять лет, но полностью отдавшись работе, она выглядела заметно старше своего возраста, безвкусно одеваясь и предпочитая очки с большими круглыми стеклами. Андре недолюбливал ее за резкий голос и яркий цвет маникюра, но держал на этом месте, понимая, что чистые научные исследования сейчас не дают никакой прибыли, а совместные с Марелом маркетинговые примочки, позволяли им демонстрировать хоть какое-то подобие развития.

– Месье президент, – начала Вервиль, встав со своего места. – В текущем году мы уже выпустили два новых препарата – один в группе прокинетики, и еще один в группе иммуномодуляторов. Прирост продаж только этих групп составил более 33%. А на второе полугодие у нас запланирован выход еще одного нового препарата в группе ферментов. С департаментом маркетинга нами согласована масштабная программа поддержки и продвижения, которая позволит удвоить продажи этой группы препаратов.

– Вы что, издеваетесь надо мной, Николь? – растягивая паузы между словами, произнес Дидьен. – Я работаю в этой компании уже тридцать шесть лет, и эти препараты выводились на рынок еще тогда, когда я сам проходил здесь испытательный срок. И то, что вы поменяли дизайн упаковки, перекрасили одни таблетки из белого цвета в желтый, а другие из желтого в белый, не делает их новинками. Еще мой отец, Франсуа Дидьен, участвовал в создании этих препаратов! Где ваши настоящие разработки?

– Но, месье..., – замямила удивленная Николь, не ожидавшая такой реакции шефа. – Это тоже часть разработок, влияющая на потребительские свойства лекарственного препарата и увеличивающая его добавленную стоимость. А что касается действительных разработок, то...

– "Да замолчи же ты, дура" – сокрушенно думал Андре Сарду, понимая что своим скулежом Вервиль только сильнее злит и без того уже заведенного до предела президента.

– ... в прошлом году мы вывели абсолютно новый жаропонижающий и обезболивающий препарат Зенепирин, который стал абсолютным лидером в нашем портфеле обезболивающих и анестетиков, – продолжала защищать свою позицию Вервиль, но уже с мольбой в глазах, обращенной почему-то к Клоду Марелу. Он же спрятал свои глаза в бумагах, делая вид, что пытается найти в них что-то важное.

Патрик Дидьен встал со своего места и отошел к окну. Несколько минут он молча смотрел на парк Планше, ухоженные деревья которого приятно зеленели в лучах летнего солнца, а в конференц-зале стояла абсолютная тишина, нарушаемая только периодическими скрипами отодвигаемого кресла Николь Вервиль, которая так и не решила, садиться ей на свое место или продолжить стоять.

– А вы знаете, мадам Вервиль, причину успеха нашего нового Зенепирина? – спокойно произнес Дидьен, отвернувшись от окна.

Воодушевленная услышанными словами "нашего" и "нового", Николь Вервиль с робкой улыбкой ответила: – Быстрое и эффективное действие, без побочных эффектов!

Это был их рекламный слоган для телевизионных роликов, и она заметила, как Клод Марел одобрительно кивнул ей головой.

– А знаете почему он быстрый и эффективный, мадам? – резко спросил Дидьен, и тут же сам ответил. – Да потому, что это самый обычный Аспирин! Аспирин, который в 1897 году изобрел Феликс Хоффман из компании Байер. Зенери Фарм так же производит его, уже почти шестьдесят лет, сначала просто как ацетилсалициловую кислоту. Потом мы добавили в него кофеин, и получился новый комби препарат. Потом увеличили дозировку и сделали его Форте. Потом перекрасили таблетки и сделали его Нео, и даже стали его предлагать для профилактики рака молочной железы. Потом стали выпускать его в шипучих таблетках, и он стал Инста Экспресс. Теперь у нас его новая форма – Зенепирин, но он остается все тем же Аспирином, изобретенным почти сто двадцать лет назад!

Телефон Дидьена, лежащий на столе, прожужжал сигнал полученного сообщения.

– НО-ВИН-КА?! – громко протопал каждый слог президент Зенери Фарм до своего места во главе большого стола. – Мы ежегодно тратим почти десять миллиардов евро на исследования! – он звонко ударил ладонью по столу. – Вбухиваем в оснащение лабораторий суммы, равные бюджетам некоторых небольших стран, – еще один звонкий удар по столу. – Со всего этого исследовательского пирога кормится целая армия белых халатов, а новинкой у нас считается препарат, изобретенный сто двадцать лет назад на фабрике по производству красок! За последние четырнадцать лет вами не было изобретено ни одной новой молекулы. Ни одной! – снова перешел на крик Дидьен. – Сто сорок миллиардов евро потрачено на перекрашивание таблеток и изобретение новых логотипов. Топчемся десятилетиями вокруг устаревших пре-

паратом, и успокаиваем себя красивыми диаграммами. Где новые передовые разработки? Где серьезные прорывы в лечении рака, ВИЧ, Альцгеймера, Паркинсона? ГДЕ?

Дидьен прочел сообщения на экране телефона, уперся обеими руками в столешницу и обвел всех сидящих грозным взглядом.

– Зенери Фарм стала одной из крупнейших фармацевтических корпораций благодаря своим передовым биотехнологическим разработкам и достижениям в клеточных и генных технологиях, а не переупаковкой антикварных таблеток в новые цветные банки.

– Андре! – обратился Дидьен к коммерческому директору. – Как ты допустил, что мы так скатились? Почему ты не разогнал всех этих шарлатанов, – президент стал тыкать пальцем в каждого сидящего, – если видишь, что они только просиживают свои места и тормозят развитие компании? Почему, Андре? Ты же вице-президент компании!

Андре знал, научился за восемнадцать лет тому, что в этой ситуации нужно просто молчать, поэтому в зале вновь повисла гнетущая тишина. Несколько мгновений было слышно только тяжелое дыхание побагровевшего президента, после чего он сделал большой глоток воды из стоящего рядом с ним стакана и произнес: – господин вице-президент, я недоволен текущим состоянием дел, и тем более вашим сегодняшним докладом. Повторно слушать такую чушь и видеть этих дилетантов – я не намерен! Подготовьте мне трезвую и взвешенную программу исправления ситуации. Доложите мне лично, через три дня.

После этих слов он еще раз посмотрел на экран своего телефона и быстро вышел из зала.

"Легко отделались", – с облегчением подумал Сарду, а вслух сухо сказал. – Пока все свободны, я сообщу дополнительно, когда и кто мне понадобится.

Патрик Дидьен быстрым шагом зашел в приемную своего кабинета и посмотрел в сторону своей секретарши.

– Шарлота, Пьер уже у меня?

– Да, месье. Вице-президент Жене прибыл пять минут назад.

– Отлично! Ни с кем меня не соединяй, никого ко мне не пускай. Можешь побеспокоить только если пожар, – с ухмылкой произнес он и вошел в свой кабинет.

Рабочий кабинет президента Зенери Фарм, в их новом офисе, отстроенном из стекла и бетона в Парижском округе О-де-Сен, занимал большое помещение на предпоследнем этаже здания, и был оформлен в современном стиле, против традиционного интерьера кабинета в прежнем офисе. Три стены кабинета были выкрашены в светлые тона, а четвертая стена была одним огромным окном от пола до потолка, из которого открывался вид на ухоженный парк. Часть комнаты занимал большой четырех метровый серый стол с несколькими креслами. Напротив него был установлен книжный шкаф во всю стену, доверху заставленный книгами, а рядом на изящной подставке стоял большой телевизор. На столе были только светильник, два телефона, монитор компьютера, большая фотография в рамке и глобус. Слева, напротив окна, стоял удобный угловой диванчик и кофейный столик рядом. За ним сидел крупный мужчина, с чашкой кофе в руке. У него было волевое лицо, ежик коротко стриженных волос, подернутых сединой, и острый взгляд холодных голубых глаз. Это был Пьер Жене – вице президент по стратегическим вопросам и личный советник президента. У него не было своего департамента, не было персонала и понятных задач, зато был личный бюджетный фонд, весьма существенный даже по меркам концерна. Никто в компании толком не знал, чем он занимался. Даже финансисты, курировавшие расходы фонда, знали только одно – нужно всегда выделять

столько средств, сколько запрашивает месье Жене, и не задавать вопросы. А занимался Пьер Жене всего двумя вопросами: шпионажем за новыми разработками конкурентов, и охраной секретов собственных научных исследований Зенери Фарм. Никто не знал его прошлого, никто никогда не видел его личного дела. И в кулуарах компании упорно ходили слухи, что Пьер Жене был либо отставным полицейским, либо главарем крупной мафиозной структуры, а для прикрытия своей деятельности – вице-президентом фармацевтической компании.

– Здравствуй, Пьер, – протянул ему руку хозяин кабинета.

– Здравствуйте, господин президент, – сказал Пьер, поднимаясь и пожимая руку Патрика Дидьена.

– Ну, выкладывай, дружище, с чем таким срочным ты приехал, что мне пришлось ограничить себя в удовольствии как следует покричать на сегодняшнем совете директоров, – с довольной улыбкой сказал Дидьен, на мгновение вернувшись мыслями в зал заседаний.

– Вы опять издевались над этими несчастными, Патрик? И как всегда больше всех досталось бедняге Сарду? Так он точно сбежит от нас к конкурентам, – с наигранным беспокойством сказал Жене, снова усаживаясь на диван.

– О-о, Пьер, ничего страшного. Периодически им полезно получать трепку, а то они начинают расслабляться и хуже работать. А Андре крепкий орешек, его такая взбучка только взбодрит. Сейчас он, конечно, расстроен и злится, но потом немного успокоится и сделает все как надо. Как всегда, уволит пару-тройку тунеядцев из тех шарлатанов, что сегодня сидели на собрании. Остальных отутюжит по-своему, и компания снова станет работать, как хорошие часы. Ты же знаешь, что всегда так было, еще даже при моем отце, – Дидьен посмотрел на черно-белую фотографию мужчины на своем столе. – Давай рассказывай, что ты накопал в Италии?

– Если в целом, Патрик, это был самый скучный конгресс, из всех, на которых мне приходилось присутствовать. Онкология меня мало развлекает, вы же знаете. И если бы все это не скрашивали весенние виды моего любимого Рима, я бы точно сбежал. Понравилось это только вашему любимому доктору Шико. Он все три дня с открытым ртом сидел на лекциях, а потом бегал в перерывах, как заведенный, от одного выступавшего к другому и все что-то записывал. Он у вас настоящий маньяк от онкологии, – вымученно сказал Жене и, пододвинув к себе пепельницу, прикурил сигарету.

Выпустив облако дыма, он продолжил.

– Как всегда, все три дня доминировали израильтяне, хотя ничего нового ни по меланоме, ни по лейкозу, ни по раку груди у них нет. Просто треп, вокруг да около этой темы. Так мне Шико сказал, когда мы вместе сидели на итоговом гала-ужине. Но самое главное, – Жене сделал долгую паузу, и поглубже затянулся сигаретой, – мне кажется, я напал на след этих майских слухов из Штатов про чудо-лекарство.

– Это про которое из всех? – хмыкнул президент.

– Ну, про то, которое появилось на фоне слухов об НЛО в США, на их севере, у границы с Канадой. Я вам рассказывал не так давно.

– Боже, Пьер! Я давно выбросил это из головы. Неужели ты веришь во всю эту уфологическую муть.

– Конечно нет, Патрик. Конечно нет, – Жене состроил недовольное лицо. – Это было бы слишком примитивно для меня, учитывая, сколько вы мне платите. Мои люди все это проверяли и, конечно же, никакой мистики и фантастики там нет. Я подозревал, что у американцев был инцидент, связанный с аварией на какой-то их биологической лаборатории. А так как пришлось эвакуировать местное население нескольких ферм, привлечь полицию и национальную гвардию, то полностью избежать утечки информации в СМИ невозможно. А для того, чтобы не поднимать панику, а потом не судиться с разными пострадавшими и не выплачивать им безумные компенсации, запустили этот глупый слух про НЛО. И после этого на каждого пострадавшего,

говорящего про маленьких зеленых человечков, будут смотреть как на сумасшедшего. Отличная тактика, месье президент.

– Ты действительно так думаешь, Пьер?

– Я не просто так думаю, а уверен в этом, потому что нашел этому подтверждение. Очевидно, именно там велась разработка этого супер-препарата, но авария в лаборатории их замедлила. Мы смогли узнать об этом на конгрессе.

– Вот это находка, Пьер? – возбужденно воскликнул Дидьен. – Кто этим занимается? Что же это за лекарство? Как его представили?

– Не все так просто, месье президент. Ничего такого не было. Подобные секреты не валяются под ногами. Но, кое что уже удалось выяснить наверняка. Во-первых, в этот раз все американцы приехали с охраной, и очень непростой. Все эти черные пиджаки, тенью ходившие за профессурой, официально записаны как ассистенты, но по повадкам – явно сотрудники АНБ или ФБР. И следили они больше не за окружающими, а за своими подопечными докторами. Во-вторых, в один из обеденных перерывов, Шико пристал к Мэгту Кларку, профессору Бостонского медицинского. Вы его помните, такой рыжий бородач, который всегда на конференциях перебирал лишнего и начинал приставать к женщинам.

– Кларк... рыжий..., а-а, вспомнил – это тот, что вечно проводил сравнение виски и бренди?

– Да, он. Так вот, на третий день в перерыве мы подсели к нему за столик, где он сидел со своей личной бутылкой и уже изрядно набрался. И когда Шико стал ему пересказывать успехи профессора Шейнермана из клиники "Бейлинсона", тот сначала вяло и неохотно спорил, а потом громогласно заявил, что все это неэффективное дерьмо и ненужное продление агонии пациентов. А вот у них, в Бостоне, уже есть такая разработка, которая будет способна вылечить любой рак всего лишь одной инъекцией.

– Не может быть!? Всего одной инъекцией? Фантастика!

– Шико тут же стал у него все расспрашивать и выпытывать детали, но за соседним столиком сидели Кларковские "ассистенты" в четных пиджаках, и я заметил, как они серьезно напряглись, когда он сболтнул про их новые разработки. Кларк тоже это заметил, резко заткнулся и, с перепугу от выболтанного, прямо протрезвел. А потом, вообще молча встал и, оглядываясь, ушел от нас. После этого я дал задание своим людям наблюдать за Кларком, и уже через полчаса "ассистенты" увезли его в отель, сообщив организаторам, что ему внезапно стало плохо. На гала-ужине он не появился. А когда мы стали выяснять, где он – оказалось, что он уже мертв. Якобы сердечный приступ.

– Мертв? О Боже, ведь он был лет на пять младше меня, – взволнованно произнес Дидьен.

– Вспоминая, как он пил, все могло быть и так, – ответил Пьер. – Но то, что местной полиции не позволили даже осмотреть тело, и люди с дипломатическими иммунитетом из американского посольства сразу же увезли труп в Авиано, на их военную базу, навело меня на подозрения, что он был тихо ликвидирован за то, что не держал язык за зубами.

– Ну, ну, Пьер, что дальше? – нетерпеливо заерзал на своем кресле Дидьен.

– Дальше, я дал задание своим агентам в Штатах, особенно в Бостоне, выяснить есть ли активность между университетскими исследователями и лабораториями их "Большой Фармы". В итоге подтвердилось, что бостонский Ромер Медикал оперативно собирает проектную группу для работы в выездной лаборатории. У меня там есть неплохой внедренный агент, и уверен мы сможем зацепить серьезную рыбу, владеющую информацией.

Жене затушил докуренную сигарету.

– Пока это все, господин президент, но я думаю, мы сели им на хвост. И в любом случае получим доступ к этим разработкам.

Президент беспокойно зашагал по кабинету, крутя в голове какие-то мысли.

– Боже, Пьер! Ты представляешь, что будет, если и вправду у них есть такая технология? Это же будет просто переворот в медицине. Они разом скинут в преисподнюю и нас, и всех остальных, полностью захватив рынок, – сказал Дидьен. – Направь все свои силы в этом направлении. Все, которые есть! Это уже не просто вопрос прибыли, а вопрос выживания.

– Я понимаю, Патрик, понимаю. И сделаю абсолютно все, чтобы обеспечить нашу безопасность.

Глава 3.

Лаборатория, (место засекречено), 20.11.2019

Чарльз О'Браен был человеком компетентным во всех вопросах, и настоящим профессионалом своего дела, заслужившим всеобщее уважение. Он всегда брался за самые сложные задачи и всегда успешно их решал. За что был любим коллективом компании, не смотря свой суровый характер, и особо ценился руководством Ромер Медикал. Он имел уникальную должность второго операционного директора, и жалование на уровне вице-президента компании. Работа была интересом всей его жизни. Высокий, широкоплечий, с уверенной походкой и приветливой улыбкой, он всегда мог сплотить вокруг себя команду единомышленников и организовать их работу на пределе эффективности. При этом, в глубине души, он был несчастнейшим из людей, в жизни которого была только работа и только коллеги. К своим сорока девяти годам он подошел, не создав семьи, не имея верных друзей, и будучи вечно занятым решением чужих проблем. Поэтому, он стал все больше задумываться о том, что в какой-то период своей жизни выбрал не тот путь. А главное, что нужно его срочно менять, пока не поздно.

И сейчас, в секретной подземной лаборатории, сидя за пластиковым столом своего кабинета и молча наблюдая за мечущейся в истерике доктором Хартнет, Чарльз очередной раз задумался о том, что с его стороны было большой ошибкой дать согласие возглавить эту выездную лабораторию. А взглянув на дверь, где, прислонившись к стене и скрестив руки на груди, стоял его заместитель и руководитель этого исследовательского проекта доктор Махер, О'Браен подумал, что согласиться работать в паре с ним, было его второй крупной ошибкой.

Профессор Дэн Махер был выдающимся исследователем в области онкологии, но при этом мелочным, жестоким и совершенно неразборчивым в средствах, которые он использовал для достижения своих целей. Вот и сейчас, не найдя компромисса с О'Браеном в вопросе перераспределения мощностей их вычислительного центра в пользу исследовательского отдела, и без того присвоившего себе почти 80% всех ресурсов, Махер, в качестве тарана, запустил свою истеричку Хартнет. В принципе, Анна Хартнет была очень приятной женщиной, в сорок с лишним лет сохранившей свою природную привлекательность и обаяние. Не говоря еще о ее многочисленных научных достижениях в области медицины, признанных во всем мире, и весомом профессиональном авторитете среди коллег. Но ее тяжелый характер, и вытекающая из этого вспыльчивость, отталкивали от нее людей. При этом, давая некоторым из них возможность использовать вспыльчивость Анны в своих целях. В этот раз, как понимал Чарльз, был именно такой случай, что подтверждалось надменным лицом Дэна Махера.

– Я вам говорю и говорю, но вы меня не слышите, Чарльз, – немного утихнув и снова сев в кресло, продолжила Хартнет. – Я поднимала этот вопрос перед началом командировки, я согласовывала его с вами уже здесь на месте, но вы до сих пор не решили его полностью. И заметьте, это не какая-то моя прихоть, а вопрос безопасности всех сотрудников лаборатории.

– А я так же много раз вам говорил, что этот вопрос окончательно решен, – устало ответил О'Браен. – В конце концов, Анна, вы так же как я, и профессор Махер, принимали участие в оценочной комиссии и подписали протокол о соответствии лаборатории третьему уровню биологической безопасности. Повторяю! Вы, Анна, лично это подтвердили. И я не понимаю, чего еще вы хотите от меня.

При этом, говоря с Анной, Чарльз демонстративно смотрел в сторону Махера, явно адресуя последнее предложение ему.

– Здесь нет никаких "хочу", – снова завелась Хартнет. – Есть требования правил ВОЗ по организации подобных лабораторий, и мы определенно должны провести переоценку рисков нашей деятельности и повысить уровень биобезопасности до четвертого, потому что опасность образования аэрозолей и последующей контаминации чистых, а возможно и административных помещений, определенно выше ранее рассчитанных. Вы ведь тоже так считаете, профессор? – сказала она повернувшись к двери.

Вопрос Анны застал Дэна Махера врасплох. Вообще он рассчитывал, что она будет единолично атаковать О'Браена, и ему не придется вступать в дискуссию, поэтому не ожидал обращения к себе.

– С правилами ВОЗ я не спорю, конечно же, – быстро сориентировавшись, ответил Махер.

– Вот видите, Чарльз, профессор так же требует проведения переоценки, а он глава исследовательского отдела и больше других посещает опытные зоны лаборатории.

Чарльз О'Браен почувствовал, что уже сам закипает от этого разговора, но знал, что стоит только начать повышать голос и в итоге истерика Хартнет дойдет до откровенных рыданий или даже припадков. Поэтому он демонстративно встал и начал перебирать в шкафу папки с документами, пока не достал одну, с логотипом ВОЗ. Сев обратно за свой стол, он широко улыбнулся профессору Махеру, и вернулся взглядом к Хартнет.

– Во-первых, Анна, профессор Махер не сказал, что требует проведения переоценки рисков, а сказал, что не оспаривает правила ВОЗ для организации биологических лабораторий. Ведь так, профессор?

Дэн Махер в ответ лишь скупно кивнул.

– Во-вторых, правила ВОЗ носят рекомендательный, а не обязательный характер, и итоговая оценка рисков находится в зоне ответственности местной оценочной комиссии, а не каких-то офисных бумагомарателей с приставкой «эксперт».

Анна Хартнет уже было открыла рот, чтобы ему возразить, но Чарльз опередил ее.

– Дослушайте, доктор Хартнет. Я процитирую несколько положений правил, на которые вы ссылаетесь, чтобы конкретизировать терминологию и исключить кривотолки.

О'Браен открыл папку, пролистал несколько страниц и, пристально посмотрев в глаза обоим своим оппонентам, стал зачитывать:

– Параграф 4, пункт 2.1. Определение уровня биобезопасности лабораторий производится коллегиальной оценочной комиссией, с учетом их назначения, конструкции, используемого оборудования и средств, а так же практики и оперативных процедур, необходимых для работы с агентами, относящимися к различным группам риска. Иногда ошибочно предполагается, что если микроорганизм отнесен к определенной группе риска, например, к третьей группе риска, для проведения безопасной работы с ним требуется лаборатория с аналогичным уровнем биобезопасности, то есть третьего уровня биологической безопасности. Однако, исходя из требований конкретной выполняемой процедуры и других факторов, может быть

более целесообразным использовать более высокий или более низкий уровень биобезопасности. Дополнения смотри в главе три настоящего руководства.

Доктор Хартнет снова попыталась начать говорить, но Чарльз бесцеремонно остановил ее жестом руки и, перевернув несколько страниц, продолжил читать вслух.

– Параграф 4, пункт 3.6. Решения о том, какие меры обеспечения биобезопасности для конкретной лаборатории являются наиболее целесообразными, должны приниматься с помощью подхода, основанного на оценке рисков, при котором рассматриваются различные виды процедур, выполняемых в лаборатории. Оценка рисков требует тщательно взвешенных выводов, так как недооценка рисков может привести к возникновению опасных биологических факторов, а применение более жестких мер обеспечения безопасности, чем это фактически необходимо, может создать излишнюю нагрузку, на сотрудников лаборатории и органы управления, что может только усугубить риски.

Остановившись, О'Браен еще раз взглянул на докторов и сказал:

– Таким образом, Анна, в правилах ВОЗ, на которые вы ссылаетесь, четко прописано, что оценку рисков нашей конкретной лаборатории проводим мы сами. Так же, мы сами вводим правила безопасности в лаборатории, и мы же несем ответственность за их исполнение. И вы, и доктор Махер, подтвердили все выводы оценочной комиссии, в которую изначально входили. А главное, на протяжении всех месяцев нашей работы ни одного инцидента с биобезопасностью у нас не произошло. Поэтому я не вижу никаких оснований для организации новой комиссии.

Очевидно, что Хартнет не была готова к цитированию ВОЗовских регламентов, и в кабинете повисла тишина. Чарльз понял, что нашел верный способ справиться с претензией докторов, и продолжил развивать успех.

– Кроме этого, коллеги, вы знаете, что в реальности мы даже вышли за рамки ограниченный третьей группы риска. Лабораторная зона у нас отделена от административной двойным воздушным шлюзом с комнатой для контаминированной одежды, что соответствует уже четвертой группе. А в самой лабораторной зоне оборудованы четыре бокса биологической безопасности и две абсолютно чистые комнаты под операционные предельного уровня защиты. Вы действительно считаете, что нужно еще больше ужесточить требования?

Анна обернулась к Махеру, все еще стоящему у двери, в поисках поддержки. Но увидев на его лице подчеркнутое безразличие, видимо решила, что отступать уже поздно и, собравшись с духом, продолжила.

– Все именно так, мистер О'Браен, мы готовились к самым разнообразным ситуациям, и готовились хорошо. Однако тот агент, с которым мы имеем дело, настолько мало изучен и изменчив, что вызывает у нас и всего персонала лаборатории повышенные опасения.

– А разве что-то изменилось в исходном коде агента, что ваши опасения пошли вверх? – сурово спросил Чарльз. – Мы здесь создаем лекарство, а не экспериментируем с Холерой, Эбола или Чумой. На сколько я помню, исходный код почти стерилен! Не так ли, профессор?

– Да, все верно, – раздраженно ответил Дэн Махер, и засунул обе руки в карманы своего белого халата.

– Это все так, мистер О'Браен, – горячо воскликнула доктор Хартнет, – но вы же знаете, где мы берем исходный код!

Сделав упор на слово "где", она даже сжала руку в кулак и прижала его к губам. В комнате вновь повисла тишина.

– Я знаю, где мы берем исходный код, – тихо, но с металлом в голосе ответил О'Браен. – Знал это вчера, знал месяц назад, знал тогда, когда подписывал контракт на эти исследования. – Вы все тоже это знали, когда соглашались на эту работу, – продолжил он уже громче.

– И все же, Чарльз, ситуация совсем неординарная, – защищаясь продолжала Анна. – Поэтому я предлагаю, согласно требованиям ВОЗ начать...

Сдерживавшийся до этого момента О'Браен закипел, вскочил со своего места и почти заорал:

– Слышать не хочу ничего про ВОЗ. Вы, Хартнет, совсем идиотка, или забыли где мы и чем занимаемся? Напомню вам обоим, что здесь и сейчас мы действуем вообще вопреки правилам ВОЗ, а не по их алгоритмам, и ничего менять в регламентах нашей работы не будем. Или вы хотите, чтобы весь персонал сутками жил и работал в скафандрах?

Захлопнув папку с регламентами ВОЗ, он сурово сказал:

– А если вы еще хоть раз упомяните при мне эту организацию, я отстраню вас от работы. В повисшей тишине, он взглянул в ставшие мокрыми глаза Хартнет, немного смягчился и устало произнес:

– В конце концов, все вы знаете где мы находимся территориально. А на этой территории у ВОЗ никогда не было, нет, и скорее всего не будет никакой юрисдикции.

Сев на свое место, Чарльз еще несколько мгновений смотрел на обоих докторов, и продолжил:

– Считаю наше совещание завершенным, коллеги. По итогу оставляем все регламенты без изменений. Благодарю вас, и можете быть свободны, доктор Хартнет. А вас, профессор, я прошу задержаться еще на несколько минут.

Доктор Анна Хартнет встала с кресла, быстрым движением вытерла глаза и, гордо выпрямив спину, направилась к двери. Там она взглядом испепелила отмолчавшегося доктора Махера, который ответил ей такой же ненавистью в глазах, и вышла из кабинета, довольно громко хлопнув дверью.

Несколько долгих мгновений О'Браен и Махер пристально смотрели друг на друга, пока Чарльз не нарушил тишину:

– Присаживайтесь, профессор, в ногах правды нет.

Доктор несколькими широкими шагами подошел к креслу. Резко сел, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, и раздраженно произнес:

– Давайте побыстрее, О'Браен, у меня совсем нет свободного времени.

Чарльз еще раз пристально посмотрел в глаза Махера.

– Зачем вы натравили на меня эту истеричку Хартнет? Чего вы этим добиваетесь, профессор?

– Что?! Что вы себе позволяете, господин директор? Я уважаемый человек с заслуженной репутацией и не потерплю таких грязных и беспочвенных обвинений.

О'Браен улыбнулся. Махера он знал давно, и знал, как он импульсивно реагирует на личные обвинения, и как быстро комкается перед лицом фактов.

– Дэн, мы с вами оба знаем, что причиной этого неприятного инцидента является невозможность получить все 100% вычислительных мощностей в ваше распоряжение.

– Это гнусная инсинуация! – воскликнул профессор, но уже как-то вяло и неуверенно. А почувствовав это, совсем сник.

О'Браен помолчал еще несколько мгновений, потом открыл свой блокнот и быстро написал несколько коротких строчек.

– Давайте договоримся так, профессор. Дать вам больше мощностей я не могу физически, потому что в ваше распоряжение не передано только то оборудование, что участвует в шифровании нашей спутниковой связи и поддерживает безопасность внутри лаборатории. Как раз то, о чем говорила доктор Хартнет.

Профессор нахохлился, но промолчал.

– Но я готов пойти вам навстречу, и для этого прямо сейчас отдам несколько распоряжений. Я сниму с вашего цифрового гения Тилфорда все дополнительные обязанности, и он будет заниматься только вашими задачами. Так же, я выделю ему в помощь Дэвиса, который разгрузит его в области занесения данных. И наконец, в следующую поставку, я запрошу еще один процессорный модуль, если мы найдем место, где его установить. Все это я записал так, как мы с вами всегда делали.

Чарльз О'Браен развернул блокнот и пододвинул его к Махеру. Дав ему прочитать, он вырвал страницу, расписался на ней и сунул в руку доктора.

– Покажите это программистам, и они сегодня же начнут исполнять это распоряжение. А если что-то из этого не будет выполнено, можете приклеить эту бумагу на мою дверь, как мы с вами договаривались.

Дэн Махер оживился, сунул листок в карман, задумался и, тут же скорчив несчастное лицо, сказал:

– Вы же знаете, Чарльз, что этого недостаточно. Мы отстали от запланированного срока сдачи проверочных образцов на полтора месяца. И без увеличения вычислительных мощностей отстанем еще больше. Спасибо вам большое, конечно, за помощь, но одним Тилфордом эту дыру не заткнуть.

– А вот этого не нужно, Махер, – сурово ответил О'Браен. – У нас здесь организовано в два раза больше всех мощностей, чем то, что вы затребовали изначально. И перекладывать с себя ответственность за отставание от графика на компьютеры, пробирки или что-то еще, даже не пытайтесь. Я уже дважды прикрывал вас, продлевая для всех длительность командировки, обосновывая это различными непредвиденными обстоятельствами. Далее будете сами разговаривать с центром, если снова не уложите в сроки.

– Но ведь это правда, Чарльз, – уже жалобно промямлил, недавний грозный профессор. – Доктор Хартнет так же говорила об этом, мы столкнулись с множеством дополнительных, до сих пор неизвестных, явлений и реакций, и вынуждены буквально с нуля изобретать практически новую науку.

– Еще раз скажу вам то, что говорил при докторе Хартнет, – сказал Чарльз, вставая из-за стола. – Вы знали, с чем будете иметь дело, когда подписывались на эту работу. Поэтому делайте ее, а не ищите отговорки.

Протянув руку, он быстро пожал влажную ладонь профессора и, жестом указав на дверь, позволил ему уйти.

– Вот же старая крыса, – тихо произнес О'Браен, вслед закрывшейся двери, и снова задумался о том, что нужно что-то менять в своей жизни, пока еще не стало слишком поздно.

Глава 4.

Бостон, США. 07.06.2020

Сделав последний глоток кофе, Эллис сунула пустой термос в дверной карман и еще раз посмотрела на дисплей часов ее маленькой Хонды. Прямо у нее на глазах цифра сменилась на 6:13 АМ, и она удивлённо отметила, что сидит в машине с включенным двигателем уже более двадцати минут. Глубоко вздохнув и взглянув на дымку раннего Бостонского утра, она аккуратно вырулила с парковки и поехала по Кембридж стрит в сторону левого берега.

После вчерашнего разговора с Аланом, она была сама не своя и всю ночь не сомкнула глаз. Периодически, на неё накатывало сильное чувство решительности, которое подталкивало ее тут же среди ночи отправиться в Уотертаун, в их секретный дом. Но следом за этим, ее охватывала такая дикая паника, что она готова была немедленно мчаться в аэропорт Логан, и улетать первым же рейсом в любом направлении, лишь бы подальше от Бостона и этого жутковатого Диего Санторо.

Она уже давно побаивалась его, и на то были причины. Но конкретно сейчас она боялась его до жути! А ведь в самом начале своей карьеры в главном офисе Ромер Медикал она была в него почти влюблена. Говоря по правде, в него была влюблена почти вся женская половина персонала, даже не смотря на своих мужей и детей. Ещё бы! Молодой красавец с индейскими корнями. В тридцать с небольшим лет уже шеф службы безопасности огромной корпорации. Высокий и атлетичный, уверенный в себе, и с множеством других талантов. А главное – холостой!

Три года назад, только приступив к работе в HR департаменте Ромер Медикал, Эллис влюбилась в него с самой их первой встречи. Хоть эта встреча, при приеме на работу, была посвящена рутинной проверке ее резюме и контактов, и разговаривал он с ней крайне прохладно и сухо, она была очарована его мужественностью и профессионализмом. Эллис было всего двадцать четыре, она была хороша собой, раскрепощена, и уверена, что сможет его завоевать. А тем самым, и устроить свою будущую жизнь. В прошлом, Диего Санторо был помощником окружного прокурора, участвовал в крупных публичных делах и имел много «нужных» знакомств. И его прошлое, и настоящее, и особенно будущее, казались ей именно тем призом, за который стоит побороться. Но, на протяжении нескольких месяцев, он демонстративно не обращал внимания на ее интерес к своей персоне, и держал с ней, как впрочем и со всеми женщинами, почтительную деловую дистанцию. А потом, неожиданные события в ее жизни, развернули этот интерес в противоположную сторону.

И вот теперь, медленно и осторожно проезжая по улицам Бостона, она почти не обращала внимания ни на дорожных рабочих, разбирающих баррикады и завалы с дорог и тротуаров. Ни на сотрудников коммунальных служб, отмывающих надписи BLM и АСАВ со стен и памятников. Ни на пожарных, тушивших еще тлеющие остовы автомобилей и дымящиеся провалы витрин магазинов. Безумные ночные погромы, стрельба и столкновения с полицией, все это прошло мимо неё. Сейчас в голове Эллис, как и всю прошедшую ночь, снова и снова вертелись слова Алана, произносимые вымученно, безэмоционально и с длинными паузами, как плохо выученное школьное стихотворение. И еще постоянные бесцеремонные вклинивания в их разговор этого дьявола Санторо.

Но проехав всего квартал от своего кондоминиума по бульвару Вашингтона, она уперлась в полицейский кордон. Это, наконец, вывело ее из ступора и вернуло в текущие реалии городской жизни. Проезд на левый берег по мосту, с противоположной стороны которого поднимался дым, был закрыт. Усталые полицейские раздраженно разворачивали все машины, оказавшиеся здесь в такую рань, и настороженно заглядывали в окна автомобилей. Ей пришлось

свернуть на Козуей стрит, чтобы по ней добраться до Марта-роуд, и уже дальше доехать до моста Чарльз-Ривер-Дем. Но и здесь на перекрестке, буквально в ста метрах от моста, дорога тоже была перекрыта, а несколько пожарных расчетов тушили догорающую синагогу, ворота которой были исписаны ругательствами и разрисованы свастиками.

Она притормозила, прикидывая как же ей ехать дальше, чем тут же привлекла внимание полицейского, облаченного в шлем и защитную амуницию, всего обвешанного оружием и главное – полностью заляпанного разноцветной краской. Видимо этой ночью ему очень досталось от протестующих любителей пейнтбола.

Жестом он потребовал Эллис прижаться к тротуару и, положив правую руку на пистолет, махнул ей рукой, приказывая опустить стекло. Быстро открыв окно своей двери, она вернула обе руки на руль и попыталась улыбнуться полицейскому.

– Куда вы направляетесь, мисс? – резко и громко рявкнул он в окно, никак не среагировав на ее улыбку, и быстро обшарил взглядом салон автомобиля.

– Я еду навестить свою родственницу, офицер. На левый берег, в Уотертаун. Я очень беспокоюсь за ее здоровье, но вечером и ночью не рискнула ехать через город.

– Да, ночь была никудышной, – в сердцах ответил он, посмотрев на еще дымящееся здание синагоги. – Вы принимали участие в уличных беспорядках? – тут же быстро спросил он, вглядываясь в ее красные от бессонной ночи глаза, и крепче сжимая рукоять пистолета, торчащую из кобуры.

– Нет, нет, я всю ночь провела дома, ожидая окончания всех этих протестов, – испуганно проговорила Эллис. – И как только стихло, я сразу же выехала, но мост Вашингтона перекрыт и меня направили сюда.

– Ах да, точно, мост же еще не разблокировали, – согласился с ней полицейский и немного расслабился, но руку от кобуры не убрал. – Вам нужно ехать по Станифорду, потом по Кембриджу и прямо на мост Лонгфелло. Ближе пути на левый берег сейчас нет.

– О, спасибо вам большое, офицер. Я поеду именно так, – искренне ответила ему Эллис и приготовилась ехать.

– Аккуратнее на дороге, мисс, – сказал напоследок полицейский и, похлопав рукой по капоту, показал ей, что она может ехать. При этом в его взгляде ясно читалась мысль «ты мне еще попадешься». И только отъехав от пожарища, Эллис, в голове которой даже сейчас крутился разговор с Аланом, осознала, что даже не его слова и запинаящийся голос так удивили ее. По настоящему ее смутили его бегающий взгляд и испуганные глаза, которыми он вчера смотрел на неё с экрана. И именно это, до сих пор, не позволяло ей сосредоточиться на дороге и замечать тот хаос, что творился вокруг. А еще, пугающая ухмылка этого Санторо, похожая на собачий оскал, которой он провожал ее из комнаты переговоров. Боже, а ведь когда-то она считала его красавчиком. Какой же душой она себе казалась...

Глава 5.

Алан Тилфорд был бой-френдом Эллис и ведущим программистом отдела разработок Ромер Медикал. А так как он был в долгосрочной командировке с проектной группой нового, еще засекреченного препарата, связь с ним разрешалась только один раз в две недели и всего на пятнадцать минут. Это происходило в специальном изолированном кабинете в подвале офиса компании и всегда в формате видео конференции. Ну и конечно, при обязательном присутствии одного из сотрудников службы безопасности. Ни телефонные звонки, ни электронная почта не были даже предусмотрены. Такой график был установлен для членов семей всех науч-

ных сотрудников, лаборантов и обслуживающего персонала, уехавших в эту командировку. И Эллис уже привыкла периодически наблюдать очередь посетителей в этот кабинет, рутинно присоединяясь к ней дважды в месяц.

Но на прошлой неделе помощник шефа безопасности сообщил ей, что Алан приболел и от своего сеанса связи отказался. А новый сеанс будет организован в следующий раз по уже установленному графику. Ее это хоть и удивило, но не расстроило. Потому что Алан, по правде говоря, был для Эллис всего лишь ступенькой к ее будущей благополучной жизни, и его здоровье для неё не значило ровным счетом ничего. И все же, она смогла изобразить на лице крайнее огорчение и беспокойство, которое сыграла на отлично. Впрочем, как и всегда.

И какого же было ее удивление, когда сам шеф безопасности корпорации позвонил ей в четверг и сообщил, что уже завтра в двенадцать часов будет проведён внеочередной сеанс связи с Аланом, и контролировать его он будет самолично.

– Поверьте, Эллис, даже мне было очень непросто организовать этот сеанс для вас, – произнёс он в телефон, останавливая ее возможные вопросы.

– О да, мистер Санторо, – горячо выдохнула она в ответ, – я вам очень благодарна. Очень!

– Не за что, – ответил он и сразу отключился.

На следующий день в 11.45 она на ватных ногах, но нарядившись в своё самое красивое и провокационное платье, пришла к специальному кабинету связи. Дверь была открыта и Диего уже сидел там со своим специалистом, который настраивал аппаратуру.

– Добрый день, мисс Стейт. Вижу вы пришли пораньше. Очень скучаете по Тилфорду? – произнёс он вставая со своего кресла и жестом приглашая ее войти.

– Здравствуйте, мистер Санторо, – улыбнулась ему Эллис. – Я действительно сильно тоскую без Алана и обеспокоена его здоровьем, сэр.

– Зовите меня просто Диего, – ответил он. – Долой формальности и звания. Ведь это секретный кабинет, – добавил он, заговорщицки подмигнув.

– Хорошо, мисте... Диего, – с запинкой произнесла Эллис, не понимая такого веселого настроения шефа безопасности, и еще более напрягаясь от этого. – Мне сообщили, что Алан заболел. А ведь я уже три недели не слышала и не видела его. Я очень волнуюсь, что это серьезно, – выговорила она под конец, очень правдоподобно взволнованно сцепив руки.

Санторо отодвинул ей кресло и помог сесть, стрельнув глазами в ее декольте, и чуть более тихим голосом сказал:

– Уверен, Эллис, с ним все хорошо, иначе нам бы это сообщили. Просто временное недомогание, – и совсем уже тихо добавил. – Если бы обо мне переживала такая блистательная женщина, я бы не заболел никогда.

Ещё раз стрельнув глазами в вырез ее платья, он повернулся к своему помощнику и спросил:

– Скотт, у тебя все готово? Можно приступать?

– Да, сэр! – ответил тот, не поднимая головы от аппаратуры.

– Тогда включай и можешь идти, как все запустится, – сказал Санторо и сел в своё кресло чуть сбоку и позади Эллис.

Скотт включил большой экран, записывающую аппаратуру, и бросив холодный взгляд на Эллис, вышел из комнаты. Как всегда, на экране высветился тридцати секундный счётчик, идущий назад, и все эти полминуты она сидела в полной тишине и чувствовала, что шеф без-

опасности не сводит с неё глаз. Обычно Эллис не напрягало такое мужское внимание, и она даже получала своеобразное удовольствие, если ее так очевидно рассматривал какой-нибудь интересный мужчина. Но сейчас это было очень дискомфортно, и даже хотелось спрятаться от такого внимания. Наконец, секундомер отсчитал последние секунды, на экране вспыхнула картинка и Эллис, увидев изображение, моментально забыла про все неприятные ощущения от сидящего рядом надзирателя.

На экране, в таком же дурацком кабинете без окон, как и у неё, сидел Алан. В первое мгновение она его даже не узнала – похудевший, осунувшийся, с темными кругами под глазами и болезненным цветом лица, он был больше похож на их соседа по кондоминиуму, недавно тяжело перенёсшего Covid, чем на себя.

– Здравствуй, Эллис, – произнёс он хрипловатым голосом.

– Здравствуй, дорогой. Как ты? – ответила она, и даже почувствовала, что глаза ее увлажнились. Так плохо Алан не выглядел никогда. Даже после отравления газом в их квартире в прошлом году, он выглядел намного лучше. Впервые в их совместной жизни, ей стало по настоящему жалко его.

– Прости меня, детка, – произнёс он и вдруг замолчал. Несколько томительных секунд он, казалось, вспоминал забытый текст, и востроенный продолжил. – Да! Прости меня, родная, что не смог поговорить с тобой в прошлый раз. Что-то я температурил и плохо себя чувствовал. Не мог говорить с тобой в таком хреновом состоянии, – эти слова он выговорил ровно и без эмоций, как ее младший брат первоклассник, когда пересказывал зазубренный, но сложный и непонятный для него текст.

– Ну какие прости, милый, – постаралась она нежно ответить ему. – Я все понимаю. Это усталость, ведь ты так давно уехал и мы долго не виделись. Или это может быть отравлением. Как тебе местная еда? – искренне озаботилась она. – Вас хорошо кормят? Ты что-то очень похудел.

Казалось слово «еда» несколько взбодрило Алана, потому что он тут же живо ответил:

– Нет, с едой здесь все хорошо, и вообще, когда удастся достать местную еду...

– Стоп! – грубо рявкнул Санторо из-за плеча Эллис. – Тема организации местного быта входит в список конфиденциальной информации. Вас об этом предупреждали.

– Да, Диего, конечно. Извините меня, – дрогнувшим голосом произнесла Эллис. Вмешательство шефа безопасности было таким неожиданным, что у неё даже задрожали руки.

– Простите, мистер Санторо, – следом за ней медленно проговорил Алан. И его взгляд, наполнился злобой, заметной даже через разделяющий их экран. А еще мгновением ранее Эллис заметила, как он дернулся на услышанное «Диего».

– "Этого только не хватало", – подумала она.

– Можете продолжать, коллеги, – ответил Санторо, поправляя часы на руке. – У вас осталось ровно десять минут.

Эллис постаралась улыбнуться, чуть расслабила плечи и продолжила: – надеюсь тебе уже лучше, Алан?

– Да, Эллис. Доктор Дэниелз быстро поставила меня на ноги, – ответил он.

– Ты очень устаешь? Как ваши успехи? Уже известно когда ты вернёшься домой? Я очень скучаю по тебе, милый. Очень, – сказала она нежно.

– Я..., – Алан снова завис и на пару секунд замолчал. – Детка, я не уверен, что об этом тоже можно говорить здесь, – выдал он наконец и перевёл взгляд с неё на Санторо.

– Верно, мистер Тилфорд! Информация, касающаяся сроков работы и завершения ее этапов, также является закрытой, – холодно ответил шеф безопасности.

В эту минуту уже и Эллис возненавидела это бывшего прокурорского чурбана и метнула в него злой взгляд. Но он только снова указал ей пальцем на часы.

– «Вот говнюк», – пролетела мысль в ее голове, и она опять постаралась переключиться на Алана.

– Давай я расскажу как у нас дела, родной, – быстро произнесла Эллис, пытаясь наверстать упущенные секунды их короткой онлайн встречи. – У меня все хорошо, и дома у нас полный порядок. Я вчера забегала в твой отдел, и все ребята передают тебе большой привет, а Натан даже приготовил смешной сюрприз к твоему возвращению. Только ты не злись, когда это увидишь, он это делал от души. Просто у него такое странное чувство юмора, ты же знаешь. А еще наши соседи Терек и Сара завели себе собаку, так вот она недавно у нас в общем коридоре...

– Эллис, послушай, – произнёс Алан прерывая ее рассказ.

– Да, Алан! – встрепенулась она.

– Я хотел тебе сказать... – Алан снова сделал паузу и продолжил. – Недавно я перепроверял свой календарь и понял, что в этой командировке пропустил годовщину смерти своей бабушки. Ты же знаешь, она у меня была одна и я очень ее любил. Я так по ней скучаю, Эллис, – сказал он, выдавив слезу.

Услышав про бабушку, Эллис на мгновение показалось, что ее оглушило взрывом, и сердце остановилось. Это было подобно выстрелу из пистолета прямо возле уха. Всё то время, что Эллис была знакома с Аланом, она готовила себя именно к этому моменту. И она была уверена, что в любой ситуации ей с запасом хватит самообладания, чтобы не показывать ее реальные чувства. Но взрыв эмоций, произошедший внутри в это момент, чуть не лишил ее чувств. По факту, все ее силы ушли только на то, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. И если бы не большое и тяжелое кресло, на котором она сидела, Эллис наверняка упала бы на пол.

– Конечно, Алан, я понимаю, – после небольшой паузы только и смогла она выдавить из себя.

– Я очень скучаю по тебе, Эллис, но с тобой я могу видеться хоть иногда, а бабушку Элейн уже не увижу никогда. Ты могла бы навестить ее? Пожалуйста, ради меня... – эти последние слова он произнёс с такой мольбой, что она внутренне содрогнулась от повторного звона в ушах.

Все дело в том, что Алан с самого детства люто ненавидел свою бабу. И тем более не полюбил ее, после того как она умерла. А как только он получил возможность съехать от неё, сразу после университетского выпускного, больше не появлялся у неё ни разу. Ни разу за все семь месяцев, пока она еще была жива. Даже на похоронах не появился. И если бы Элейн сама заранее не позаботилась о приготовлении своей кончины, то и похоронили бы ее одну в общей могиле для одиноких стариков и бездомных. Ее звали Элейн Харди, и она была мамой его отца, но носила свою девичью фамилию, не взяв фамилию его деда Криса Тилфорда. Когда Алану было тринадцать лет, его родители трагически погибли в авиакатастрофе на их частной Цессне, и опеку над ним оформила его бабушка. Не смотря на то, что его семья была довольно обеспеченной, бабушка не пожелала переезжать в их шикарную квартиру в самом центре Бостона. И продав ее, перевезла внука к себе в старый загородный дом в Уотертауне.

Однажды, когда Эллис случайно узнала, что у Алана есть дом в довольно престижном районе пригорода, которым был Уотертаун, она его долго спрашивала почему он живет в этой микроскопической квартирке в кондоминиуме на Вашингтон-стрит, а не в своём пусть и не шикарном, но большом доме. Лично она считала эту убогую квартиру собачьей конурой, и отказалась принимать его отговорки, что из пригорода долго ехать на работу и тому подобную

чепуху. Пожалуй, это была их первая и единственная серьезная ссора. В какой-то момент она его так вывела из себя, что он взорвавшись наговорил ей кучу гадостей, за которые потом долго извинялся. Но при этом, рассказал и обо всех притеснениях, которые в прошлом чинила ему его бабка Элейн.

Перевезя внука к себе в дом, она поселила его на первом этаже в маленькой комнате, с крошечным узким окошком, наспех переделанной из дедушкиного кабинета. При этом, на втором этаже дома остались пустовать две большие комфортные комнаты. И главная причина этого ее решения была в том, что Алан по ее мнению нуждался в постоянном присмотре. И должен был жить рядом, через стенку. В школу, по началу, она возила его сама, но потом бросила это занятие, поручив внуку ездить на школьном автобусе. И при этом, каждый раз встречала его из школы на автобусной остановке, что добавляло поводов для его унижений со стороны новых одноклассников.

В старшей школе, когда почти все его сверстники уже ездили на занятия на своих машинах, Элейн категорически запретила ему купить машину, даже самую дешевую. И хотя по условиям опекуинства с пятнадцати лет Алан уже получил частичный доступ к деньгам, оставшимся в наследство от его обеспеченных родителей, на тайную покупку машины это все равно не хватило бы. А бабуля, которую в душе он называл ни как иначе, чем старой ведьмой, заставила его и дальше ездить в школу на желтом автобусе, где он был самым старшим пассажиром, и даже школьники начальных классов, тихо посмеивались над ним.

Еще хуже было то, что после пятнадцатилетия Алана, когда на свой день рождения он, с приглашенными друзьями, случайно устроил пожар на кухне, бабушка сначала запретила ему приводить друзей в гости, а потом запретила и ему ходить в гости к ним. Дальше вообще всячески не позволяла с ними общаться, открыто называя их малолетними преступниками и наркоманами. А поэтому, заставляла его целыми днями сидеть дома одному, занимаясь уроками. От такой каторги Алан стал замкнутым и угрюмым подростком, стремительно растолстел, по причине чего стал получать дополнительную порцию насмешек и оскорблений со стороны сверстников. Девушки также были у него под бабушкиным запретом, на что он, впрочем, и сам не рассчитывал, осознавая свой лишний вес и статус фрика в среде его одноклассников.

Окончив школу с отличием, а учился Алан действительно прекрасно, он тут же поступил в Массачусетский технологический университет на факультет информационных технологий и радостно объявил своей единственной родственнице, что переезжает в кампус и будет жить отдельно. Но и здесь старая ведьма, используя свой диктаторский авторитет, накопленный за пять лет опекуинства, заставила Алана остаться жить с ней. И пошла лишь на незначительные уступки, позволив ему купить собственную машину, потому что он, уже достигнув совершеннолетия, получил полный доступ к средствам своей семьи. А еще, наконец-то, позволила ему переехать в свободную комнату на втором этаже. Все четыре года обучения в университете, а выпуститься Алан сумел досрочно уже на четвертый год, он почти не появлялся дома, не позавтракав уезжая на учебу рано утром, и возвращаясь только перед самым сном. Часто так он делал и по выходным. И только праздники, типа Рождества, вынуждали его проводить несколько дней дома с Элейн, и эти дни всегда были сущим Адом, для них обоих. Старая карга, под конец жизни, стала совсем невыносимой.

И так же, как и после школы, выпустившись с отличием из университета, Алан моментально устроился на работу в Ромер Медикал. Пусть и на самую младшую должность в ИТ департаменте, но за то без вступительных тестов и тому подобной бюрократии. На одних только

рекомендациях от университетских профессоров. За один день он нашёл микроскопическую квартирку в кондоминиуме в соседнем квартале от офиса компании, и уже на следующий день, насовсем съехал от своей бабки, несмотря на все ее истерики, угрозы и мольбы. А еще через семь месяцев, Элейн Харди умерла, и обнаружили это только на пятый день ее соседи. Алану звонил какой-то служащий из муниципалитета сообщить эту прискорбную новость, но он только сказал «Понятно» в ответ, и положил трубку, оставив на той стороне провода обескураженного человека. Так он стал полным сиротой, а еще через месяц, владельцем старого бабкиного дома, перешедшего ему по наследству. По какой-то необъяснимой причине, он не стал его продавать, уплатив все положенные налоги. И только тогда, при оформлении бумаг, он узнал, на каком кладбище похоронена его бабушка и номер ее могилы.

А еще годом позже, в той самой комнатке с окошком амбразурой, в которой после смерти родителей поселила его бабка, он поставил свой секретный, очень мощный компьютер. Алан собрал его сам, замаскировал все подходы к нему, как в доме, так и в сети, и периодически подключался к нему, чтобы взламывать серверы разных закрытых организаций. Видимо, так он реализовывал свою накопленную за девять лет тягу к свободе и ненависть к притеснениям. Эллис знала об этом компьютере и о том, что Алан делал с его помощью. Однажды, он сам ей все рассказал, и даже отвёз в этот дом и показал как все спрятано и как работает. Да, это было так реально по шпионски, что в тот день она чуть сама не проболталась ему о своей двойной жизни.

И вот таким образом, невинные слова «навестить бабушку», стали у них с Аланом их общим паролем, означающим, что необходимо поехать в Уотертаун и подключиться к этому секретному компьютеру.

Все эти мысли с космической скоростью пролетели у неё в голове, пока ее замершее сердце не продолжило биться.

– Да, конечно, любимый. Я сегодня же съезжу на кладбище к твоей бабушке и оставлю ей большой красивый букет, – собравшись с силами сказала Эллис, чувствуя как у неё запылали щеки. – Ради тебя, мой родной, я сделаю все что ты захочешь. Ты главное больше не болей и поскорее возвращайся. Мне ужасно одиноко без тебя.

– Спасибо большое, Эллис, – заметно расслабившись сказал Алан, – Я очень рад был с тобой повидаться и узнать, что у тебя все хорошо. Извини, но сейчас мне нужно возвращаться к работе. Я очень, очень сильно люблю тебя, – сказал он, быстро придвинулся к камере и поцеловал объектив.

В тоже мгновение трансляция отключилась.

– В принципе, оставалось еще почти четыре минуты, – вставая из своего кресла произнёс Диего. – Но раз так все сложилось, значит все. Этот сеанс закончен.

– Спасибо вам большое, мистер Санторо, – вяло ответила Эллис, и повернула кресло к выходу из комнаты.

– Да не за что, Эллис. В конце концов, это моя работа, знать чем живут наши сотрудники и какие у них могут быть проблемы и сложности, – проговорил он, снова натягивая на лицо свою искусственную улыбку. – Вот теперь я знаю, что Алан Тилфорд очень озабочен проблемой отсутствия общения со своей бабушкой, – и тут же добавил. – Это конечно не мое дело, Эллис, но у меня сложилось впечатление, что ваш Алан скучает по своей умершей бабушке несколько сильнее, чем по вам, – и неприятно ухмыльнулся.

– Действительно, это не ваше дело! – резко выговорила ему в ответ Эллис. – Мы с Аланом любим друг друга, и нам этого достаточно, – почти выкрикнула она, и быстро вышла из комнаты.

Поднявшись к себе в кабинет, она попросила помощницу сделать себе кофе, села за свой стол и уставившись невидящим взглядом в иконки на мониторе компьютера... заплакала. Она понимала, что это всего лишь реакция на долго сдерживаемые переживания и страх, но ничего не могла с этим поделать. Слезы потекли ручьём и она только прикрыла лицо руками, пытаясь скрыть всхлипывания. В этот момент в кабинет вошла ее помощница с кофе и замерла на пороге.

- Ваш кофе, Эллис, как вы просили. Что-то произошло? У вас все в порядке?
- Да, Ребекка, все нормально. Оставь кофе и иди.

Помощница Эллис, стараясь не подходить слишком близко и не вторгаться в личное пространство своей всхлипывающей начальницы, аккуратно поставила чашку на ее стол, но все же так, чтобы она могла дотянуться до неё не вставая со своего места.

- Эллис сидит у себя и плачет, – сказала Ребекка своим коллегам девушкам из отдела, – никогда ее такой не видела.
- Что, так прямо и плачет, со слезами? – задала наивный вопрос самая младшая из них, стажерка Эми.
- Так и плачет. В голос! – подтвердила Ребекка. – Видимо это из-за Алана, и его долгого отсутствия.

Все принялись негромко, но весьма активно обсуждать странный роман своей красавицы начальницы с рядовым программистом из их ИТ департамента. Говоря по правде, в их отделе это была одна из любимых тем для болтовни, которая уже давно не получала новую порцию сплетен.

Раздался звонок и Ребекка, кинувшись к телефону и показывая на кабинет начальницы, одними губами проговорила "Это она".

- Да, Эллис, я слушаю вас.
- Ребекка, пожалуйста, попробуй перенести сегодняшнюю встречу с Патриком Смитом и его сотрудниками на понедельник или на любой день следующей недели, когда им будет удобно. Я что-то неважно себя чувствую, – уже более спокойным голосом проговорила Эллис.
- Да, конечно, мисс Стейт, – официально выпалила Ребекка. – Я все сделаю, и извинюсь перед ними. Не переживайте. Уверена, они тоже будут рады расслабиться под конец дня в пятницу.
- Спасибо, Ребекка, – со вздохом ответила Эллис. – Если не будет ничего срочного и важного, не соединяй меня сегодня ни с кем, – и положила трубку.

Просидев в своём кабинете до конца рабочего дня, и дождавшись когда разойдутся по домам все девушки ее отдела, она собрала все свои самые важные и необходимые вещи, которые держала на работе, и направилась к выходу. Охранник рутинно проверил ее пропуск и, открывая проход, сказал:

- Не самое лучшее время для пешей прогулки, мисс Стейт. Эти гребаные демонстранты уже второй час шляются мимо со своими транспарантами. Может я вызову вам такси?

Такая забота тронула Эллис и, посмотрев на его бейдж, она легонько похлопала его по руке и сказала:

- Спасибо, Рон. Я живу здесь рядом, всего в десяти минутах ходьбы, и такси дольше ждать, чем идти. Все будет хорошо. Я уже большая девочка, да и полиции вокруг много.

Выйдя из дверей офиса, Эллис немного постояла, осматривая улицу. Людей, собирающихся на анонсированную акцию BLM и Антифа, было и впрямь очень много. Кто с транспарантами, кто с флагами, кто с гитарами и фотоаппаратами, все направлялись в сторону Конгресс-стрит и площади мэрии, а значит до своей квартиры на бульваре Вашингтона у неё есть шанс добраться без ненужных ей приключений. Хотя, заметив среди проходящих мимо демонстрантов, людей в мотоциклетных шлемах и защитной экипировке, с палками, самодельными щитами и противогазами, Эллис поняла, что мирной эта демонстрация не будет. А вместе с этим и то, что десять минут дороги до дома могут быть небезопасными. Она уже почти решилась вернуться в офис, чтобы попросить заботливого охранника Рона вызвать ей такси, как из ворот парковки выехал ярко красный Кадиллак Эскалейд и повернув, остановился прямо перед ней.

Все в офисе Ромер Медикал знали этот автомобиль. Красный, как Феррари, с блестящей хромированной мордой и колесными дисками, он резко контрастировал со всем автопарком сотрудников компании, даже из ТОПов. Год назад он приобрел его себе, вместо еще нового чёрного Инфинити, и все были уверены, что специально, дабы выделяться из общей массы даже на парковке. За рулем сидел Диего Санторо и победно улыбался.

– Вас подвезти, Эллис? Вечер обещает быть очень беспокойным, и такой красивой девушке, в сексуальном платье, не стоит идти одной через всю эту заведенную агрессивную ораву.

Несколько лет назад, когда она была безответно влюблена в него, Эллис запрыгнула бы к нему в машину не раздумывая. И была бы еще более рада, если бы он подвёз ее не к ней домой, а к себе. Но не сегодня и не сейчас! Уже давно шеф безопасности стал для неё раздражающим фактором и препятствием в достижении ее жизненных целей. А теперь и настоящим врагом. Особенно сегодня.

– Спасибо, мистер Санторо. Очень лестное предложение, но я все же пройду пешком.

– Опять вы со своим «мистер», Эллис? Просто Диего, я же вас просил. Тем более, что рабочий день закончился, – кивнув на проходящих демонстрантов он продолжил. – Посмотрите какая толпа и на сколько они все агрессивно выглядят.

– Вы правы, мистер Санторо, – ответила Эллис, сделав акцент на «мистер». – Но толпа уже запрудила почти всю проезжую часть, и я пешком доберусь намного быстрее, чем любая машина. И поверьте, что к вашему красному автомобилю у всех будет больше внимания, чем к моему платью. Счастливого пути, Диего.

Сказав это, Эллис обошла перегораживавший дорогу Кадиллак, и не оглядываясь уверенно пошла по привычному маршруту домой. Хотя, все же старалась держаться поближе к полицейским и группам телерепортеров, так же массово вышедших на улицу в этот вечер.

Дорога домой, увы заняла намного больше времени, чем десять минут. Сначала она задержалась на Юнион стрит, где на брусчатых тротуарах под деревьями, большая группа чернокожих феминисток устроили митинг с радикальными лозунгами. Ей пришлось долго проталкиваться сквозь толпу кричащих про неприкосновенность их вагин девушек, внешний вид которых ясно давал понять, что никто и никогда на их вагины, в принципе, не претендовал и не собирается. Выбравшись оттуда, буквально через сто метров она снова застряла, уже у мемориала жертвам Холокоста, где похожая толпа скандировала, что белые и евреи присвоили себе Холокост и получают за это компенсации. А несчастные потомки чернокожих рабов до сих пор влачат убогое существование в нищете. Наконец, Эллис вырвалась и из этой толпы, и смогла прибавить шаг на относительно свободной Хановер-стрит. А потом, свернув налево на

Кросс-стрит, выходящей прямо к их с Аланом дому, пошла привычным ей быстрым шагом. Но здесь, оставив позади кричащие толпы демонстрантов, она еще сильнее почувствовала надвигающуюся угрозу протестов, наблюдая как спешно закрывают фанерой свои витрины, работники магазинчиков и ресторанов, вдоль всех пройденных улиц.

Глава 6.

Все это было только вчера, но сейчас, благополучно миновав реку Чарльз по мосту Лонгфелло, как и советовал полицейский, ей казалось, что все это произошло очень давно и ей нужно напрягаться, чтобы вспоминать детали. Сказывались усталость и бессонная ночь. Проехав по Мейн-стрит и выехав на Бродвей, Эллис спокойно покатила по еще пустой дороге до площади Гарвардского университета. А оттуда на Маунт-Оберн-стрит и все время прямо до самого Уотертауна, где на углу Палфри и Хилл-стрит стоял, заросший плющом и кустами, дом старой ведьмы Элейн. От ее квартиры до этого дома с секретным компьютером был более короткий и быстрый маршрут, но Эллис специально сделала такой крюк, чтобы возможным наблюдателям казалось, что она едет на кладбище Маунт Оберн, где похоронена бабушка Алана. И не заметив за собой никаких подозрительных машин, она спокойно проехала мимо кладбища, даже не притормозив. Сам Алан никогда не ходил на могилу к своей безумной бабке, тем более Эллис не будет этого делать, чтобы и когда она ему ни обещала.

Специально припарковав машину на соседней Уайт-авеню, которая была в пяти минутах ходьбы от дома Алана и не пересекалась ни с Хилл, ни с Палфри-стрит, Эллис прошла в обратную сторону еще один квартал, тихий и безлюдный в утренние часы, чтобы убедиться, что за ней никто не следит. А потом вышла на Палфри-стрит, дошла до их дома и незаметно прошмыгнула во внутренний дворик. Там она открыла дверь заднего входа, сделанную в прачечной, прошла по скрипучим половицам коридора в гостиную, и из неё сразу вошла в бывшую комнату Алана.

Компьютер стоял на большом столе, занимавшем почти половину маленькой комнатки, и едва слышно гудел. Алан никогда его не отключал, постоянно имея с ним контакт, когда работал в Бостоне. И безропотно оплачивал счета за электричество, регулярно приходящие на его почту. Эллис села на потрепанный офисный стул, который наверное остался здесь еще со времён школьного детства Алана и включила монитор. На нем высветилось сообщение о получении новой папки с файлами с названием «Карамель». Этим словом он всегда отмечал самую важную и ценную информацию, которую удавалось достать со взломанных чужих серверов. В папке было девяносто восемь файлов, с номерами от 1 до 98, и дата указывала, что они загружены двенадцать дней назад. Самым первым был видео файл, который Эллис сразу же открыла.

На экране возникло дёргающееся изображение Алана, который небольшой открытой пачкой с печеньем укреплял шатающуюся камеру, уже запустившую запись. Он находился в крохотной темной комнате с двухъярусной кроватью за спиной. Наконец, изображение стабилизировалось, Алан отступил на шаг и сел на стул перед камерой.

– Здравствуй, Элисс, – очень тихо произнёс он. – Если ты сейчас смотришь это видео, значит мой способ передачи данных из этой гребаной подземной норы, в которой мы сидим уже семь месяцев, сработал, – тут его глаза «зажглись» как у маньяка и он громко, почти истерично проговорил. – Это поистине гениально, я работал над этим почти три месяца, и сумел вставить

в их регулярный эфир свой сжатый пакет зашифрованной информации так, что они даже не заметили. Я знаю, тебе на это наплевать, но это реально круто! Такого метода шифрования еще никто не...

Алан замолчал, повернул голову к двери и долго прислушивался к каким-то звукам, доносящимся снаружи. Выглядел он хоть и неопрятно, но заметно лучше, чем на вчерашнем сеансе связи. Правда было заметно, что он очень напряжен и нервничает.

– Гребаная дыра! – произнёс он в сторону двери и сплюнул прямо на пол. – У меня уже реально едет крыша.

Повернувшись, он прямо со стулом пододвинулся ближе к камере, и более тихим голосом продолжил.

– Здесь творится какая-то непонятная херня. Мы вроде бы разрабатываем новое лекарство, и каждый выполняет свою работу. Но никто толком не понимает, чем именно он занимается, а особенно чем занимаются другие, и вообще мы все. Я понимаю, секретность, интеллектуальная собственность и тому подобное дерьмо, но это все ширма! Никаких лекарств здесь нет! Я почти уверен, что мы тут создаём какое-то новое химическое оружие, или вирус или еще какую-то херню, которая походу уже вылезла из пробирки и потихоньку кончает нас. Как в дерьмовых фильмах ужасов, – закончил он кривой усмешкой. И даже слюна капнула на футболку из нервно перекошенного рта. Он попытался вытереть губы рукавом футболки, но не смог так повернуть голову. Потому смахнул слюну ладонью, а ее вытер о лабораторный халат с фамилией Нильсен, висящий рядом на стене.

– Доктора и лаборанты уже несколько месяцев почти ни с кем нормально не разговаривают, а со мной вообще только сообщениями обмениваются через внутренний мессенджер. Иногда я вижу, как они сидят и плачут в столовой или курилке. Только охрана еще нормальные ребята и могут потрепаться, иногда. А этот лысый хрен, профессор Махер, только задания мне присылает по электронной почте. Даже не задания, а какой-то настоящий бред сумасшедшего. Там такая безумная мешанина, Эллис, ты бы только видела его требования составлять новые модели соединения молекул. Вчера он вообще мне написал, что ему нужна модель совокупления карбоксильной и гидросильной группы аминокислот. Представляешь – совокупления! Он реально сошёл с ума, этот старый пердун. Хотя, мы все тут сошли с ума, – сказал он после паузы.

– Каждое четное число О'Браен, как руководитель всего проекта, устраивает планерки для всего персонала, типа что-то обсуждать. Так вот уже третий раз он тупо что-то бубнит со своего места, но никто ничего не говорит. Все молча сидят разглядывая потолок, а потом так же молча расходятся с этого тупого совещания. И Glenn, мой сосед, тоже стал странно себя вести – постоянно во сне вслух несёт какую-то чушь про глаза, и царапает стену ногтями. Я тебе сейчас покажу, – Алан опять сделал паузу и попытался повернуть камеру в сторону кроватей, но из-за скудного освещения в комнате, ничего не было видно.

– Суки, мать их...! Я не подписывался на такую каторгу, даже за те бабки, что они мне начисляют. Суки! И главная жопа в том, что уехать отсюда невозможно. Суки, суки, суки! – выпалил Алан в камеру и снова затих.

– Эллис, значит так! Я тут взломал всю их сеть, которую для О'Браена строил и шифровал этот дебил Полсон, и сумел скачать кучу данных и по самой базе, где мы сидим, и по тому дерьму, которое они тут сочиняют. Плюс еще какую-то важную хрень, которую они тщательно прятали, но я так и не понял что это такое. А еще, я сумел подключиться к камере внутренней системы слежения и заснять, как они выходят в эфир, чтобы передавать данные в офис – без всяких там специальных комнат для переговоров. Так вот, всю эту «карамель» я перекачаю на бабушкин компьютер и постараюсь сообщить тебе об этом. Должно получиться, – он уверенно покивал головой.

– Обещай мне, Эллис, – стал говорить Алан, вплотную приблизившись к камере так, что в экран помещалось только его лицо. – Обещай, что если я перестану выходить на связь, или приключится еще какая-то херня, ты передашь все эти файлы CNN, BBC, FOX News и вообще всем телевизионщикам. Пусть раструбят на весь свет об этом, пусть присылают сюда Рейнджеров, Дельту, авианосцы с самолетами и вытягивают меня из этой дыры. Суки! Я на это не подписывался! Вытащи меня отсюда, Эллис. – сказал он еще тише и отодвинулся от камеры.

На этом запись заканчивалась.

Посидев еще несколько мгновений, Эллис сделала вдох полной грудью и поняла, что сидела затаив дыхание все это время, пока смотрела видео Алана. Она вздохнула еще несколько раз, посмотрела на список файлов «карамельной» папки и погрузилась в чувство полнейшей эйфории, какого она, пожалуй, не испытывала никогда. «Вот оно!» – выстроилась четкая мысль в ее голове. Ее заветная мечта почти осуществилась, и скоро ее жизнь станет намного, намного лучше. А точнее – совсем другой.

Глава 7.

В принципе, сравнивая себя со своими подружками из Денвера, откуда она была родом, Эллис устроилась очень хорошо. Будучи самой старшей из детей, а у ее родителей, инженеров из местной энергетической компании, их было четверо, она не могла рассчитывать на хорошее дорогое образование. Зарабатывали они не много, а траты на семью были большие, и новый кредит на ее обучение они вряд ли бы смогли получить. А оставаться в Денвере, подрабатывая на складе у их двоюродного брата, и продолжать нянчиться с младшими братьями и сестрой, вместо вечно занятых на работе отца и матери, она просто не хотела. Поэтому Эллис, еще в предпоследнем классе старшей школы, решила уехать от родителей, и вообще из Денвера.

Но, в отличие от своих подружек, которые рвались в Нью-Йорк или Лос Анджелес, она не мечтала стать моделью или актрисой, или выйти замуж за какого-то известного музыканта или спортсмена. В своей большой семье, в которой она часто была и за маму и за папу, Эллис быстро повзрослела. И прекрасно понимала, что большинство ее подруг вместо актерской и модельной карьеры в Нью-Йорке и Голливуде ждёт тяжелый низкооплачиваемый труд официанток и операторов колл-центров. Или даже хуже – танцовщиц и проституток.

Поэтому, весь последний год школы она усердно рассылала свои документы – аттестаты, дипломы олимпиад и характеристики от учителей, во все университеты и колледжи всех штатов страны, в надежде хоть где-нибудь получить бесплатное место со стипендией. И получив приглашение от Бостонского муниципального колледжа Банкер Хилла, она больше двух недель поскандалила с родителями, но все таки выбила у них деньги на билет на самолёт и даже небольшую сумму на траты на первое время. Папа и мама, конечно, были очень расстроены, особенно тем, что теперь им придется дополнительно тратиться на няню для младших. Но это были их проблемы, и Эллис они уже не сильно волновали. Ее ждала новая самостоятельная жизнь, которую она решила построить правильно, в отличие от родителей, и тем более ее недалеких подружек.

Она еще не определилась с будущей специальностью, но точно знала, что не хочет заниматься тем, что было ее обязанностями все годы присмотра за детьми. Поэтому она отвергла

все предложения поступить на факультеты сестринского дела, кулинарии, педагогики и общественных наук. А сразу же записалась на менеджмент, бизнес-администрирование и право. Однако, полностью отдавшись учебе, уже в первые полгода Эллис поняла, что не эти специальности будут работой ее мечты, а ее конёк все же в управлении и коммуникациях. Поэтому она добилась, так же бесплатно, перевода на другие специальности, где, благодаря ее талантам и усидчивости, сразу же показала выдающиеся результаты и стала любимицей преподавателей.

На второй год учебы ей, как одному из лидеров в своём направлении, уже стали предлагать места для стажировки, где она могла набраться практического опыта. Эллис с радостью принимала их все, и нарабатывала своё портфолио для будущей настоящей работы. В итоге, она закончила колледж с отличием, и сразу же получила приглашение на работу в небольшое кадровое агентство. Это был серьезный успех, который она отпраздновала вместе со своей теткой Тамарой, младшей сестрой ее отца, которая удачно вышла замуж за одного голландского бизнесмена и переехала жить к нему в Амстердам. Первый свой настоящий отпуск Эллис провела у Тамары, которая устроила ей потрясающее совместное путешествие в Бельгию и Люксембург, и тем самым поселила в ее сердце любовь к Европе. А еще через два года, Эллис уже сама организовала своего тогдашнего бой-френда Яна, совершить автомобильное путешествие через всю Европу.

Тогда она как раз получила повышение на должность Руководителя отдела развития в HR департаменте крупной и успешной фармацевтической компании Ромер Медикал. Туда она устроилась через год работы в кадровом агентстве, согласившись на почти самую базовую должность в HR департаменте этой компании. Ниже были только менеджеры по подбору, но эту должность она перешагнула благодаря накопленному опыту работы и своему умению договариваться. Быстро освоившись на новом рабочем месте, она активно стала демонстрировать руководству департамента свои умения, а еще более активно промахи своей непосредственной начальницы Джинны Ли. Не просто так, и не за красивую мордашку, а благодаря ее систематическим усилиям, Эллис скоро стала старшим менеджером отдела, а затем и заместителем руководителя. В итоге, крупный прокол с переводом персонала из одного подразделения в другое, в результате чего люди числились одновременно в двух департаментах и получали двойную оплату, привело к увольнению Джинны, и повышению Эллис в должности. Это изменение своего рабочего статуса она и решила отметить большим европейским вояжем.

Они с Яном прилетели в Лондон, и взяв там на прокат, с большим трудом, машину с левым рулем, за три недели объехали почти все Европейские страны, завершив своё путешествие в Париже. Вернее за две недели, так как третью неделю она уже путешествовала в одиночку. Ян быстро насытился постоянным круглосуточным общением с Эллис, ведь до этого они встречались только изредка по выходным, стал конфликтовать из-за поведения Эллис, непривычной еды, лишних денежных трат и даже погоды, в общем – абсолютно по любому поводу. А где-то между Чехией и Польшей, когда их остановили на проверку документов, он окончательно психанул, из-за совершенно невинного флирта Эллис с офицером пограничником, пересел в местный автобус и уехал назад в Краков. Там он купил билет на ближайший самолёт до Нью-Йорка, и написал Эллис сообщение, чтобы она больше никогда ему не звонила.

Это сообщение застало ее уже в Вене, и совершенно не расстроило. Она получала настоящее удовольствие от путешествия, и его не могло омрачить расставание с Яном, тем более, что он сам так и не научился доставлять ей удовольствие. Поэтому, оставшись одна, Эллис, почти без остановок, проехала Чехию и Австрию, и еще раз заехала в Италию, где за время этого путешествия ей понравилось больше всего. Маленькие деревушки в Южном Тироле, почти

на границе с Австрией, буквально влюбились в себя, и она твёрдо решила в будущем купить здесь дом и окончательно переехать жить в Европу, как ее тетка Тамара. В итоге, через два дня, с такими радужными мечтами, Эллис поздно утром добралась до Парижа, где планировала провести оставшиеся сутки до ее рейса в Америку. Именно там и тогда, ее жизнь круто изменилась.

Долгое сидение за рулем и периодические ночевки в автомобиле порядочно ее утомили, и напоследок она решила расслабиться и шикануть, взяв хоть и небольшой, но очень уютный номер в отеле Jardins Eiffel, с видом на Эйфелеву башню и запахом свежей выпечки с улицы. Первым делом Эллис приняла ванну, провалявшись в ней почти час, потом заказала обильный ленч и бутылку вина прямо в номер, решив после этого немного поспать, ну или просто полежать в постели и отдохнуть. Гулять по Парижу ее совсем не тянуло – город ей не понравился уже в самом начале ее путешествия, когда на второй день она, еще вместе с Яном, проехав по туннелю под Ламаншем заехали во Францию. Париж был переполнен арабами и африканцами всех мастей, большими группами сидящих на площадях, автомобильных парковках, и даже просто на тротуарах. Это ей живо напомнило ее родной Денвер, наводнённый мексиканцами и другими нелегалами. А еще, огромное количество женщин, с ног до головы закутанных в чёрную паранджу, напомнили ей пугающие новости про террористов смертников, и отбили всю охоту смотреть на знаменитые достопримечательности французской столицы.

И вот, когда Эллис допивала уже второй бокал вина, любуясь видом из открытого окна и прислушиваясь к звукам улицы, зазвонил телефон стоящий на тумбочке у кровати.

– Алло, я слушаю.

– Добрый день, мадемуазель Стейт, это Жозефин с ресепшн, – услышала она в трубке речь девушки администратора. – К вам пришёл посетитель.

– Посетитель, ко мне? Вы наверное что-то напутали, у меня нет друзей в Париже.

Эллис услышала, как Жозефин отодвинувшись от трубки заговорила с кем-то по-французски и получив ответ, опять быстро заговорила с Эллис:

– Этот месье говорит, что он ваш партнёр по работе в компании Ромер Медикал, и у него для вас важное сообщение.

– «Какое еще важное сообщение для меня может быть с работы?» – подумала Эллис. – «Они что не могли сами позвонить мне на телефон, вместо того чтобы присылать курьера?»

– Этот месье спрашивает, мадемуазель, вам было бы удобнее спуститься в лобби или ему подняться к вам.

– Пусть поднимается сам, – без раздумий ответила Эллис, решив не прерывать свой отдых из-за каких то курьеров, и не шагать с пятого этажа по неудобной крутой лестнице.

Запахнув банный халат, в котором она сидела и завтракала после ванной, Эллис быстро расчесала еще влажные волосы и накрасила губы. «Вдруг он красавчик француз», – подразнила она себя веселой мыслью.

В дверь трижды постучали и приятный мужской голос из-за двери произнёс на английском:

– Это Пьер, с сообщением для мисс Эллис Стейт.

Она открыла дверь и увидела стоящего перед ней плотного мужчину лет пятидесяти, в дорогом костюме и галстук с золотой булавкой. Он никак не походил на курьера, хотя кто их знает, какие курьеры в Париже, но все же Эллис растерялась. И красавчиком он тоже не был, увы.

– Здравствуйте, Эллис. Меня зовут Пьер, и у меня для вас есть перспективное предложение, касающееся вашей работы в Ромер Медикал. Вы ведь новый руководитель отдела развития HR?

– Да, это я, – ответила Эллис. – Какое предложение у вас для меня?

– Если вы позволите войти, я бы рассказал вам все подробно, – тепло и доверительно улыбнувшись сказал Пьер. – Разговор не на одну минуту, и было бы неудобно продолжать его стоя на пороге.

– Хорошо, проходите, – сказала Эллис освобождая проход и возвращаясь к своему недопитому бокалу. – Не хотите выпить вина, как там вас... Пьер?

– Благодарю вас, мадемуазель, но я на работе. А вы можете продолжать, – ответил мужчина с еще более добродушной улыбкой и добавил, – извините, что помешал вашему отдыху.

– Да ладно, – выдохнула Эллис и уселась на кровать. – Кресло здесь только одно, так что присаживайтесь в него вы, Пьер.

Спустя три с лишним часа, мужчина называвший себя Пьером, вышел из комнаты Эллис, спустился на улицу и, сев в ожидавший его Рейндж Ровер, быстро укатил по улице, на которую уже начали спускаться первые сумерки. Эллис, со своего маленького гостиничного балкончика, проводила его машину взглядом, и еще немного постояв и полюбовавшись видом знаменитой Парижской башни, стала быстро одеваться, чтобы пойти в ближайший Банк.

Этот Пьер, свою фамилию он так и назвал, сказав «сейчас моя фамилия вам ничего не скажет, а потом эта лишняя информация может стать для вас проблемой, впрочем как и для меня, поэтому просто Пьер», по-английски говорил совершенно без акцента. Эллис не очень поверила в то, что Пьер – это его настоящее имя, и даже в то, что он француз. Мужчина заявил, что представляет интересы некоей фармацевтической компании, которая была заинтересована в специфических услугах Эллис. Каким-то образом они узнали о ее карьерном продвижении и предложили ей... шпионить за сотрудниками своей компании. Разумеется, Пьер это так не называл, настаивая на термине – сбор и передача информации, но по мнению Эллис это называлось – шпионить.

Отдел развития Эллис занимался оптимизацией штатного состава всех подразделений компании. И по запросу руководителей этих подразделений осуществлял приём новых или перевод действующих сотрудников внутри компании, организовывал адаптацию персонала при переходе в другие подразделения, а так же занимался всей сопутствующей кадровой работой. Она обладала доступом ко всей информации по штатной структуре компании Ромер Медикал, включая филиалы и представительства за рубежом, а главное, к личным делам всех служащих компании, кроме самой верхушки руководства. Такая информация почему-то являлась очень ценной для той компании, которую представлял Пьер, и за передачу этих данных его людям, он обещал ей щедро платить.

– Если я верно информирован, мадемуазель Эллис, с этого года вы зарабатываете тридцать восемь тысяч американских долларов в год. За те сведения, которыми вы владеете и выборочно будете пересылать нам, мы будем платить вам еще по двадцать тысяч евро каждый месяц. От вас потребуется только предоставлять отчеты о перемещениях сотрудников между подразделениями, особенно научного персонала, и обо всех принятых на работу и уволенных из компании людях. Плюс, личные дела тех людей, на которых мы укажем. Согласитесь, Эллис, за такие серьезные деньги работа совсем простая, – сказал Пьер уже без той добродушной улыбки, с какой начинал разговор.

– «Двадцать тысяч евро – это почти двадцать четыре тысячи долларов, ее доход больше чем за полгода», – думала про себя Эллис. – «Такие деньги были бы для неё очень кстати. И за пару-тройку лет такой «двойной» работы она смогла бы незаметно накопить на домик в Италии, а потом и переехать туда по тихому». Эта мысль быстро оформилась в ее голове, но не вытеснила другую, более важную мысль – что это противозаконно и грозит ей тюрьмой и другими проблемами.

– Заманчивое предложение, Пьер, – сказала Эллис заглядывая ему в глаза, – но у меня с самого начала нашего разговора есть два главных вопроса: во-первых, почему вы решили, что я на это соглашусь, ведь это противозаконно, а во-вторых, почему вы решили, что я вас не сдам нашей службе безопасности, после возвращения в Соединённые Штаты?

Она тут же пожалела, что произнесла второй вопрос вслух – глупо было так говорить, учитывая то, что она абсолютно ничего не знает о том, кто перед ней и чем он занимается. И теперь может случиться так, что она не доберётся до штатов. Пьер погладил волосы у себя на голове и внимательно посмотрел на Эллис.

– Вы правы, мадемуазель, наверняка внутренние регламенты вашей компании запрещают разглашать ту информацию, которой мы интересуемся, и за это они платят вам деньги в виде заработной платы. Я же предлагаю вам другие, ощутимо большие деньги за то, что вы, все же передадите эту информацию мне. За год вы получите от нас сумму, которую на своей работе вы сможете заработать в лучшем случае лет за семь-восемь. Та информация, которая нас интересует – это не интеллектуальная собственность компании, ученых или что-нибудь в этом роде, и никак не преследуется законами США. Одни только инсайды из ФБР про всех ваших конгрессменов, которые бесконечно всплывают на вашем телевидении, являются более серьезным шпионажем, как вы это называете, и никого при этом не затаскали по судам и тем более не посадили в тюрьму, – спокойно произнес француз. – Поэтому, Эллис, если вы сами не будете никому ничего рассказывать, вам не грозит абсолютно ничего. У нас с вами будет своего рода коммерческий договор, который для вас более выгоден, по моему мнению, чем трудовой договор с Ромер Медикал. Но, даже если предположить, что об этом кто-то узнает в вашей компании, максимум что они смогут сделать – вас уволят. Больше ничего.

– А что касается второго вопроса, – сказал он после небольшой паузы, – то я за все свои годы научился заглядывать в души людей и безошибочно понимать, кто передо мной и чего от него ожидать. И я уверен, что вы не побежите в полицию или вашу службу безопасности, потому что в вас я сразу рассмотрел человека, способного...

– На подлость? – перебила его Эллис, оскорбившись, – или на трусость?

– Нет, нет, Эллис. Совсем нет, – сказал он снова улыбувшись. – Только человека, способного правильно оценить ситуацию и правильно себя в ней повести – либо принять предложение, если оно выгодно, либо отказаться, если выгода не очевидна, и при этом забыть о том, что такое предложение было. Умный, предприимчивый и осторожный человек – вот кто вы, мадемуазель.

Он замолчал, и Эллис тоже не находила слов в ответ. Пауза затягивалась, и тогда Пьер достал из внутреннего кармана пиджака серебристый бумажный конверт и положил его на столик, где еще оставались тарелки с остывшими остатками ее ленча.

– В качестве демонстрации серьезности наших намерений, и гарантий вашей безопасности, как финансовой, так и личной, мы открыли в банке Люксембурга конфиденциальный счет на сто тысяч Евро, коды доступа к которому находятся в этом конверте. Эти деньги ваши, и вы можете ими воспользоваться в любое время и абсолютно анонимно. Эти деньги ваши, Эллис, даже если вы не примете наше предложение. Так сказать, это наш гарантийный взнос.

Достав ручку, Пьер написал на задней стороне конверта номер телефона и встал.

– А когда вы примите наше предложение, Эллис, именно когда, а не если, на этот же счет будут поступать те двадцать тысяч вашего вознаграждения, о которых я говорил. Каждый месяц! – француз кивнул на календарь, висящий у входа. – Я вас нисколько не тороплю с ответом, мадемуазель. Вы можете думать и день, и месяц, и год. Когда решение все же сформируется у вас в голове, просто позвоните по этому телефону. Было приятно с вами познакомиться.

Слегка кивнув головой, он развернулся и вышел из номера.

Долгих раздумий ей не потребовалось. Найдя на соседней от отеля улице офис HSBC банка, за пятнадцать минут она удостоверилась, что такой счёт, реквизиты которого были в конверте, существует и на нем действительно сто тысяч Евро. Окончательное решение у неё сформировалось еще в самолете, и позвонила она по номеру на конверте прямо из аэропорта Бостона, как в шпионских боевиках – из таксофона, не снимая солнцезащитных очков.

Через пару дней в своём почтовом ящике она обнаружила конверт, с инициалами Э.С., в котором были подробные инструкции, как получать задания, как передавать информацию, и специальная разборная микрофлешка большой емкости. Так началась новая «двойная» жизнь «шпионки» Эллис. В первые недели, после возвращения из отпуска, ее одолевала паранойя и ей казалось что все уже всё знают и специально за ней следят. Однако, работа шла своим чередом, Эллис выкладывалась как обычно и получала одобрения от руководства. И вскоре, все беспокойства отошли на задний план, проявившись только один раз, когда она впервые скопировала рабочие файлы, и передала их через специального курьера. В этот же день ее анонимный счёт пополнился на двадцать тысяч, и все тревоги Эллис отступили, оставив место только мечтам о будущей комфортной и беззаботной жизни.

Так продолжалось почти два года, и Эллис уже сама стала понимать тренды интересов ее «секретных» работодателей, и специально налаживала отношения с сотрудниками других отделов, чтобы заранее выяснять какие организационные мероприятия планируются. За такую важную информацию, ей трижды повышали гонорар до тридцати тысяч и она, уже всерьёз, занялась подыскиванием дома своей мечты, где-нибудь в районе Больцано или Трентино. И как раз прошлым летом, когда она планировала будущий отпуск в Италию, чтобы посмотреть несколько роскошных домов, выставленных на продажу почти по миллиону Евро – ей поступило новое задание. Нужно было выяснить состав формируемой выездной научной группы, которая будет заниматься разработкой перспективного онко-препарата и постараться получить доступ к их данным. За эту информацию ей предлагали утроенный гонорар.

Так как работа таких проектных групп не была большой редкостью в компании, Эллис знала, что в них набирают ограниченное число специалистов, а их работе почти всегда присваивается максимальный гриф секретности. Для этого, научный и остальной вспомогательный персонал, обслуживающий ученых, временно переезжал в специальную «секретную» лабораторию, обычно где-нибудь в странах третьего мира. Таким образом пытались избежать даже случайной утечки информации к конкурентам, ограничивая работников в коммуникациях со всем окружающим миром, включая родных и друзей. Исключения делались только для самых близких родственников, и только после тотальных проверок. Эллис знала, что информацию по такой группе и тем более темы, над которыми они работают, ей не получить из своих баз

данных. Поэтому она решила, во что бы это не стало, войти в круг самых близких людей кого-либо из этой группы, чтобы иметь хоть какой-то допуск.

Увы, но с научным персоналом у неё было очень мало знакомств – эти яйцеголовые очкарики обсуждали между собой только валентные связи и виды аминокислот, а эрудиции и интереса Эллис не хватало даже, чтобы толком поддержать разговор во время ленча в их местном кафетерии. Что уж тут говорить о серьезной заинтересованности и дружбе. Но, покопавшись в архивных файлах со списками участников других подобных групп, уже давно завершивших свои научные командировки, она обратила внимание на то, что почти половина группы всегда состояла из вспомогательного персонала. А самой большой их частью, кроме лаборантов и инженеров, были программисты. Их всегда брали по шесть-восемь человек, еще и так, чтобы они могли дублировать друг друга.

Это был ее шанс! У неё были неплохие отношения со всеми сотрудниками этого департамента, а главное, с их руководителем Марком Хиллером. Вообще-то это было не сложно – все сотрудники сплошь молодые мужчины, а многие и неженатые. И когда Эллис появлялась у них, по делу или без серьезной причины, ее всегда встречали приветливо, даже если она отвлекала их от важной работы. На эффектную и улыбчивую девушку они реагировали как правильные мужики, особенно когда она появлялась у них в облегających нарядах. Эллис в ответ легко улыбалась им всем, радостно смеялась их странным шуткам, и даже немного флиртвала. Впрочем, как интересных мужчин и потенциальных партнеров, она их не рассматривала никогда, ибо по ее меркам они все были скучные зануды, безвкусно одетые и не следящие за собой. Все, кроме их руководителя Марка. Он единственный из них был интересным собеседником, умел остроумно шутить и хорошо одевался. Хотя это, скорее всего, было заслугой его жены, так как на его холостых фотографиях он был так же безвкусно одет, как и все его коллеги.

Пользуясь своими хорошими отношениями с Марком и его ребятами, Эллис всегда быстро, если не сказать моментально, решала все возникающие технические проблемы и на работе и дома. Без очереди, и в любое время суток. Пару месяцев назад, когда она пролила кофе на свой ноутбук срочно дописывая отчет для руководства, Стюарт, один из мальчиков Марка, по ее просьбе приехал к ней в начале третьего ночи и до утра ремонтировал его. И все ради того, чтобы потом месяц рассказывать всем коллегам, как он быстро смог восстановить почти мертвый ноутбук, а главное, провёл ночь у красавицы Эллис. Пусть на кухне, пусть с отвертками и паяльником, но все же у неё.

Поэтому, свой потенциальный контакт с будущей группой перспективных разработок Эллис решила искать там. Она целый день потратила на пересмотр личных дел всех сотрудников в департаменте Марка, чтобы выяснит их семейное положение и побольше узнать об их жизни. Здесь ей и улыбнулась удача – во всем большом айтишном департаменте было много программистов, но программистов с квалификацией в биохимии и фармакологии было всего двое – Алан Тилфорд и Эдди Пауэлл. И значит один из них точно будет включён в состав группы. Вопрос только – кто? Такие группы набирались из добровольцев, и насильно туда никого не затаскивали. Повышенное в три раза денежное содержание, плюс специальные командировочные и другие бонусы от компании, практически исключали сомнения. Ехать в длительную командировку соглашались почти все и почти всегда. Хотя, по слухам, в редких случаях компания могла и надавить на сомневающегося, намекнув на трудности с карьерным продвижением, или необходимостью сокращения раздутого штата.

Эллис была знакома с ними обоими, но никогда не выделяла их из массы других коллег, потому что ничего интересного в них обоих не было. Эдди, был очень худым, что на фоне его высокого роста делало его похожим на ходячий скелет, и очень его портило. Плюс к этому, он носил ужасно уродливые очки в роговой оправе, в которых он совсем походил на зомби из низкопробных фильмов. А главное, Пауэлл уже четыре года был женат, в отличие от Тилфорда, и попасть в круг его ближайших родственников было невозможно. Алан, наоборот, был очень полный, даже толстый, с всклокоченными волосами и неухоженный бесцветной бородой. Вечно одевался в какие-то аляповатые футболки и бесформенные шорты, и выглядел еще неопрятнее Эдди. Но он был холост, что давало Эллис шанс, и немалый, на успех ее тайного предприятия.

Она нередко замечала, как он украдкой смотрит на неё из-за своего большого монитора, когда она заходила к ним в офис поговорить с Марком или решить какие-то вопросы. Она даже пробовала дразнить его, присаживаясь на краешек стола его соседа, так чтобы ноги чуть больше оголились. Или ставить руку на пояс, чтобы еще сильнее подчеркнуть грудь. А потом очень веселилась про себя, наблюдая как он густо краснеет, если она обращала внимание на его подглядывания. Но в этой игре она ни разу не перегнула палку, чтобы случайно не обидеть его. Да, заинтересовать Алана, или даже влюбить его в себя для Эллис не было проблемой. В успехе она была уверена.

Однако, объективно оценив всю имеющуюся у неё информацию по Алану и Эдди, Эллис решила, что кандидатом номер один в группу перспективных разработок будет именно Пауэлл. У него на три года больше опыта, недавно он прошел очередное повышение квалификации, и главное – он уже участвовал в подобном проекте в 2018 году. Бесспорно – он был оптимальный кандидат. И это было категорически плохо для Эллис, так как влиться в его семью невозможно. Так же она не видела никаких объективных причин для его добровольного отказа от участия в будущем проекте, чтобы уступить место Тилфорду. Эллис даже всерьёз задумалась о какой-либо «диверсии» против него. Например, подстроить критические ошибки в работе, или состряпать на него компрометирующие данные, или даже предъявить обвинения в харассменте по отношению к сотрудницам офиса. Это сработало бы, наверняка. Но тогда заставило бы ее выйти из «тени», а значит подвергнуться риску быть раскрытой в ее двойной игре. Такой вариант тоже не подходил. Несколько часов она не могла вырваться из этого замкнутого круга, и в итоге пошла поболтать с Марком, решив наводящими вопросами выведать у него что-нибудь полезное по этим двум субъектам.

Марк в этот день выглядел каким-то растерянным и диалог с ним никак не клеился. Он постоянно о чем-то задумывался и терял нить разговора, регулярно переспрашивая о чем речь, когда Эллис начинала его тормозить. Вот и сейчас, на ее очередной вопрос «знает ли он, почему Алан все еще не женат?» – Марк, помолчав несколько секунд, с видимым усилием постарался сфокусировать на ней взгляд, и ответил:

– ... знаю ли я, что Алан не женат? Конечно знаю! Я все знаю про моих людей. А почему ты спрашиваешь?

– Все, стоп! Марк, что с тобой сегодня происходит ты прямо сам не свой? У тебя все нормально? – искренне поинтересовалась она.

– Все нормально, Эллис. Разве что-то не так?

– Все нормально! – она даже повысила голос. – Да ты не услышал толком ни одного моего вопроса. А я ведь пришла не просто поболтать, а по делам, обсудить твоих людей. Давай колись, что у тебя произошло. Я же вижу, что ты не в порядке, – почти шепотом добавила она, придвинувшись к нему поближе.

– Значит Эдди, не смотря на мой запрет, уже обращался к тебе, раз уж ты стала интересоваться моими людьми, – сокрушенно сказал Марк. – Я разберусь с этим сам, Эллис, спасибо.

Эллис постаралась скрыть своё удивление услышанным. В голове вспыхнула мысль «Проблемы с Эдди. Неужели?»

– Нет, Марк, он не приходил ко мне и даже не звонил, – ответила она ему совершенно спокойно и искренне. – Но я слышала слухи, что у тебя в подразделении какие-то сложности с персоналом, и решила поговорить с тобой, – также спокойно соврала Эллис. – Ещё раз говорю – давай рассказывай, что у тебя там с Эдди? А я постараюсь помочь. Ведь мы друзья, – и ободряюще похлопала его по плечу.

Марк даже немного воспрял, и криво улыбнувшись сказал:

– Кристина, жена Эдди, забеременела. Они уже много лет пытаются, но ничего не вышло. У неё было четыре выкидыша и серьезные проблемы со здоровьем. Сейчас она снова беременна, только пятая неделя, но уже начались проблемы. Ей рекомендовано максимально себя оберегать и нужен специальный уход. Поэтому она требует, чтобы Эдди был постоянно с ней и днем и ночью. И теперь он обратился ко мне, чтобы я изменил ему рабочий график. А лучше, полностью перевёл его на удаленную работу, – переведя дыхание он тут же добавил. – А я никак не могу перевести его на хоум-офис, потому что два проекта, в которых он участвует, имеют статус закрытых, и организовать доступ из дома к их данным невозможно. Ведь даже во время весеннего ковидного локдауна руководство не разрешило уйти на удаленку его группе. Куда уж сейчас, после карантина.

– И в чем же проблема, Марк. Так это и объясни ему, у тебя есть все аргументы, – решительно заявила Эллис, а про себя подумала, – «вот это удача – само провидение выводит Эдди из игры».

– Я ему много раз говорил, но он ничего не слышит. Завёлся весь, даже поскандалил со мной, потом вообще заявил, что пойдет в HR жаловаться и требовать перевода.

Эллис погладила Марка по руке и с участливым лицом сказала: – пусть он приходит к нам, не препятствуй. В конце концов – это его право. А мы ему опишем все возможности и предложим варианты.

– Какие еще могут быть варианты? – вскинулся Марк.

– Во-первых, оставить все как есть. Так как ты ему это объяснил, – успокаивающе проговорила Эллис. – Во-вторых, мы можем ему предложить нанять специальную сиделку для жены, и даже частично взять расходы на компанию. Немного, процентов пятнадцать, но за то он сможет себя полностью посвятить своим проектам и не потерять свой заработок.

– Это я ему уже предлагал, – разочарованно произнёс Марк. – Он отказывается. Кристина давит на него, чтобы именно он был дома. Он даже маму свою привёз из Портленда, но она все равно требует его присутствия. Он уже заявил, что готов уволиться, если компания не пойдет ему на встречу. А мне в отделе он очень нужен. Такого программиста найти очень, очень нелегко, – сказал Марк и снова сник.

– В таком случае, если это ценный сотрудник, мы можем его временно перевести на другую должность, меньшую конечно же, но которая позволяет работать из дома. Так мы и его интересы учтём, и для компании сохраним опытного работника, – ответила она ему.

Марк задумался. По напряженному лицу было видно, как он рассматривает этот вариант со всех сторон.

– А ты всегда сможешь его подключить к решению прежних задач, тех которые не требуют специального доступа, разумеется, – быстро добавила Эллис, чтобы погасить возможно зарождающиеся у него сомнения.

– Но ведь он тогда потеряет в деньгах. А для него это сейчас важно, Эдди может не согласиться, – выдал Марк самое очевидное возражение.

– Конечно потеряет! Таковы правила игры, – учительским тоном произнесла Эллис. – Но если ему очень будут требоваться деньги, он может брать у тебя дополнительную работу по другим проектам. Или, например, периодические командировки по филиалам, – сказала она, в глубине души ожидая однозначного ответа.

– Нет, нет. Эдди даже раньше нелегко соглашался на командировки, а сейчас из-за Кристины, даже говорить об этом не станет.

Это было именно то, что она хотела услышать – проблема Эдди решилась сама собой, благодаря его жене и их совместной тяге завести детей. Она улыбнулась, внутренне радуясь такой удаче, и продолжила.

– В любом случае, Марк, это предложение самое оптимальное в сложившихся обстоятельствах. И если он его не примет, значит он идиот. А работники идиоты тебе не нужны, и тогда нечего его удерживать – пусть увольняется. Ведь я права, Марк?

– Да, конечно ты права.

– Вот видишь. Пришел бы раньше ко мне, давно бы все решили, а так зря мучился несколько дней. Не забывай, мы не просто друзья, но и коллеги по работе.

– Я это помню. Просто думал, что справлюсь с этим сам.

– Сам, в следующий раз. А в этот, присылай Эдди ко мне, чтобы мы оформили перевод, – победно закончила Эллис и поднялась, чтобы уходить.

– Спасибо тебе большое, ты меня действительно очень выручила. Я что-то не додумался до такого варианта, – смущенно и одновременно радостно сказал Марк, и даже пожал ей руку.

Эллис проводила его взглядом, когда он кинулся искать Эдди, и довольная отправилась к себе обдумывать план быстрого завоевания Алана. Действовать она решила уже многократно опробованным способом – сломала ноутбук. Не критично, а так, чтоб даже школьник справился. Мало ли что, вдруг Алан не сможет решить серьезную проблему и из-за этого побоится заводить с ней отношения. Осечки ей не нужны.

На следующий день, дождавшись когда Марк Хиллер отправится на совещание, Эллис с ноутбуком подмышкой пришла в его отдел. Походив минуту туда сюда, как бы в поисках Марка, и узнав от его людей, что он только ушел, она с расстроенным видом пошла обратно. Но тут же, «случайно» встретилась взглядом с Аланом и, поколебавшись мгновение, решительно свернула к нему. Поняв это, он моментально покраснел и сильно сторбившись уставился в свои мониторы.

– Здравствуй, Алан. Извини, что отвлекаю, – сказала Эллис, пытаясь придать своему голосу оттенок робости.

– Здравствуйте, мисс Стейт, – поздоровался он с ней, как с учителем в школе. – Вы меня совсем не отвлекли, мэм, – еще официально заявил Алан, и следом покраснел еще гуще.

– Я искала Марка, но нигде не смогла его найти. А потом вспомнила, что он очень высоко отзывался о тебе, как о профессионале в электронике. У меня проблема с ноутбуком, а он срочно нужен мне для работы – ты не мог бы помочь и посмотреть, что с ним случилось? Я была бы тебе очень, очень признательна! – сказала Эллис, присев на краешек его стола и еще ближе придвинулась к нему.

– Конечно, мэм, я посмотрю.

– Эллис! Зови меня просто Эллис, – поправила она его и нежно пожала его крупную, вспотевшую ладонь. – Я оставлю его у тебя. Ты же мне позвонишь, Алан, как все будет готово?

– Я обязательно позвоню, м... Эллис. Обязательно!

– Ну, тогда я жду звонка. Я тебя отблагодарю.

Все остальное было делом техники. Уже через час Алан позвонил, и еще через несколько минут, почти бегом, принёс ей исправный лэптоп. Эллис громко его благодарила и хвалила, а потом поцеловала прямо перед своими сотрудниками, в его раскрасневшуюся щеку. Сделала она это умышленно, зная, что девушки из отдела обязательно разнесут об этом слух. А самого Алана, не смотря на его препирательства, пригласила вечером в кафе на коктейль, в качестве благодарности. На следующий день все его коллеги завистливо подшучивали над ним, позволяя себе даже скабрёзные намеки. А девушки из отдела Эллис, весь день шушукались у неё за спиной. Далее на неделе у Эллис было три свидания с Аланом, на которых они уже признавались друг другу в любви. Весь следующий уикенд они провели вместе, и она даже ночевала у него. А еще через неделю, они официально съехались и стали жить вместе, в его квартире на бульваре Вашингтона.

Конечно, Эллис все это далось совсем не просто. Алан был очень стеснительным и неразговорчивым. Ей пришлось проявить все своё мастерство, чтобы разговор на их первых свиданиях не затухал, и не приходилось бесконечно говорить одной. А когда он, наконец-то, включался в разговор, ей нужна была вся ее выдержка, чтобы с улыбкой и восхищенным видом выслушивать бесконечные описания возможностей динамических баз данных, программируемых химических процессов и тому подобной ерунды. «Уж лучше бы он рассказывал о футболе или сериалах СайФай», – думала в эти моменты Эллис.

Квартира Алана оказалась настоящей собачьей конурой, такой же маленькой и такой же запущенной, впрочем, как и он сам. Жить там – уже было серьезным испытанием для девушки, а ведь ей еще пришлось спать с ним, чтобы закрепить результат своих завоеваний. Впрочем, как раз это не стало для неё большой проблемой, не смотря на общую неопрятность Алана и его лишний вес. Секс, если это можно так называть, у них был всего-то несколько раз, и дольше тридцати секунд ей ни разу не пришлось мучиться под ним, симулируя бурную страсть и яркие оргазмы. А больше он не предпринимал попыток сблизиться, показав принципиальное отсутствие интереса к этой теме. Ее это более чем устраивало и, при этом, не мешало иногда делать восхищенные намеки о его мужской силе среди коллег по работе.

Ещё почти полтора месяца Эллис играла с Аланом во влюблённую пару и даже пустила слух о помолвке, зная, что отбор в проектную группу начался, и что Эдди отказывается от участия. Марк все же проболтался. А это означало, что с большой вероятностью, место в группе предложат Алану. Теперь, уже ее Алану. Так и случилось через пару дней. Его задержали на работе, и домой она вернулась сама, с надеждой ожидая подтверждения своих предположений. Он вернулся очень поздно и выглядел одновременно и возбужденным и подавленным. Первые полчаса он молча просидел на кухне с бутылкой пива, и как Эллис ни ворковала над ним, не смогла вытянуть из него ни слова. И уже разозлившись и всерьёз пригрозив ему уйти от него, немедленно и навсегда, она вывела его из ступора и заставила рассказать, что же было на работе. Сбивчиво, и постоянно повторяя, что это секретная информация, Алан рассказал о предложении включить его в выездную проектную группу и на какое-то время отправиться в командировку в «закрытую» региональную лабораторию. Куда именно, он не знал, как и точную тему разработок, но он категорически не хотел уезжать из Бостона, из-за Эллис. Он расплакался прямо в ее объятьях и признался, что так же расплакался на встрече с руководством,

представив, что она уйдёт от него, пока он будет где-то в командировке. Ведь он ее так любит, что никак не может оставить одну. А ему даже не разрешат с ней общаться, так как она еще не его жена.

Здесь уже ей пришлось проявить весь свой артистизм, чтобы убедить его в бесконечности своей любви и верности к нему. И постоянно добавлять к своим словам аргументы про тройной размер гонорара, который они смогут потратить на их шикарную свадьбу и еще более шикарное путешествие медового месяца. А так же, про возможности карьерного роста, написания научных статей и тому подобную ерунду. В конце концов, она внушила ему, что он должен потребовать от Руководства разрешения общаться с ней, ведь он сирота и у него никого нет, кроме Эллис. В противном случае, он никуда не поедет, и даже готов будет уволиться из компании. А еще она убедила его, что готова будет уволиться вместе с ним, лишь бы быть вместе. Это была еще одна ложь с ее стороны, но угрызения совести ее не волновали – у неё была цель.

Сначала он воспринял такой вариант решения проблемы с огромным, почти революционным, энтузиазмом. Но потом испугался своего порыва, снова разрыдался и почти решился на увольнение без всяких условий. Эллис пришлось снова успокаивать и вдохновлять его, и так они просидели до самого рассвета. Этим же утром, усталый и не выспавшийся, но полный решимости, Алан пришёл к своему начальнику Марку Хиллеру, одной длинной скороговоркой выдал ему ультиматум, и умолк. Сколько Марк не топал вокруг него и не сыпал словами, Алан сидел закрывшись, как улитка в раковине, и только периодически говорил три зазубренных с Эллис слова «клянусь – я уволюсь».

Хиллер даже бегал к Эллис, а потом они вместе ходили на серьезный разговор к вице-президенту компании Девиду Херту, но она только говорила, что тоже очень любит Алана и никак не может на него повлиять. И одновременно тихонько плакала, пытаясь делать это как можно более несчастно, видя как это угнетает обоих мужчин. Ещё несколько часов продолжалось интенсивное обсуждение создавшейся ситуации и консультации со всеми участвующими лицами. Им даже предлагали срочно слетать в Лас-Вегас и пожениться там за один час. Но в итоге, точку в этом вопросе поставил Диего Санторо. На вопрос Херта о дополнительной проверке анкетных данных Эллис и Алана, он прямо заявил, что все данные уже проверялись и с ними все нормально. Но если решение «разрешить» или «уволить» по обоим участникам скандала не будет принято немедленно, то секретность формирования проектной группы будет утрачена, так как уже сейчас в офисе начались обсуждения слухов вокруг этой темы. Посидев несколько долгих минут в давящей тишине кабинета, Девид Херт, со свирепым видом, заявил Алану и Эллис, что даёт своё разрешение. И что у них есть два дня на то, чтобы решить все свои вопросы, до отъезда группы в командировку.

Вернувшись вечером домой, они не ужиная завалились спать, потому что дико устали и вымотались за этот день, полный нервотрепок. Но с утра, к большому удивлению Эллис, вместо сбора вещей и подготовки к командировке, Алан повёз ее за город в Уотертаун, где проверил свою секретную комнату с компьютером. Он попросил Эллис оплачивать счета за электричество и проверять его работу, и показал ей, как им пользоваться, если он понадобится. Оставшиеся полтора дня они посвятили походам по магазинам, покупая Алану новую одежду на все случаи жизни, и упаковкой чемоданов. Почти все это время он пытался держать Эллис за руку и смотрел на неё такими глазами, будто предчувствовал, что уже не вернётся.

Глава 8.

Очнувшись от пролетевших в его голове воспоминаний, Эллис достала свою специальную флешку, тщательно скопировала на неё все файлы «карамельной» папки, и спрятала ее в кармашек своей сумочки. Затем она поменяла свой статус в Фейсбуке, поставив иконку пиццы и добавив слова «Хочу Пепперони». Это был условный сигнал для ее европейских нанимателей, что у неё есть информация, которую нужно забрать. Они не доверяли ни электронной почте, ни мессенджерам, ничему другому, поэтому направляли к Эллис подставного доставщика из ближайшей пиццерии, который привозил настоящую пиццу и новую чистую флешку, а с чаевыми забирал флешку с данными. Она выключила компьютер и стала собираться домой, чтобы встретить курьера. Но перед выходом решила выпить воды и направилась на кухню. Почти переступив порог, она взглянула в окно, и сквозь давно не мытые стекла и разросшиеся кусты во дворе, увидела мужчину в чёрной кепке и очках, направляющегося ко входу в дом Алана. Второй мужчина, в похожем наряде, остался стоять у припаркованного автомобиля, внимательно смотря по сторонам.

В первое мгновение Эллис просто оцепенела, и даже боялась вздохнуть. В голове, как летучая мышь на чердаке, металась единственная мысль "Как они ее выследили?!". Мужчина подошел к дому, немного потоптался на скрипучем крыльце и дернул за ручку входной двери.

– Заперто, – громко крикнул он своему напарнику у машины. – Вся в пыли. Видно, что уже давно никто не открывал ее.

– Постучи, вдруг кто отзовется, – ответил второй. – Шеф сказал проверить этот адрес, как вероятный. И осмотри все вокруг, ее машина ехала в этот район.

Эти слова отрезвили Эллис. Даже если это полицейские, без сомнения, это люди Диего Санторо. Понятно, что они ищут ее, а не кого-то еще. Но так же понятно, что они не уверены, что она здесь, а значит можно попытаться незаметно выбраться. Она осторожно пошла назад, прислушиваясь к скрипу половиц. Когда мужчина стал стучать в дверь и громко произнес "Здравствуйте. Есть кто дома?", Эллис быстро метнулась к заднему входу, тихо выбралась на улицу и прямо за домом полезла сквозь кусты живой изгороди на соседний участок. Задний двор бабушкиного дома был очень запущен и зарос почти как джунгли, так что пробраться через него незамеченной было проще простого. А так как заборов между соседними участками не было, это она подметила еще в первый приезд в этот дом, то и особых препятствий для побега не было. Перемахнув через клумбу во дворе соседнего дома, она, так же не выходя на улицу, пролезла сквозь кусты и в следующий двор, бегом перебежала его и уже там, осмотревшись и поправив одежду, вышла на тротуар. На улице не было ни души, и она быстрым шагом дошла до следующего дома, повернула направо на параллельную улицу и за пару минут, не встретив ни одного прохожего, дошла до Уайт-авеню, где оставила свою машину.

Самым большим желанием Эллис в этот момент было сорваться с места на полном газу и не останавливаясь гнать куда угодно, лишь бы подальше от этого места. Но, сев за руль и заперев двери, она смогла взять себя в руки и подумать, как же ей действовать дальше. Самое главное правило, которое она переняла из всех шпионских фильмов, и о котором ей говорил Пьер – не привлекать внимания. И это действительно было самое трезвое решение в текущей ситуации. Нужно спокойно ехать домой, без спешки и суеты, и никак не выделяться из общего потока. Если потом ей будут задавать вопросы – у нее есть отличное объяснение – она ездила на кладбище навестить могилу бабушки Алана, а потом просто немного поехала по округе. Главное, без проволочек передать флешку "курьеру".

Эллис аккуратно выехала на дорогу, и прямо по ней поехала вниз до Мейн-стрит, а далее по Арсенал-стрит в сторону центра города. Так как из-за обилия светофоров и медленного трафика это был не самый популярный маршрут, она рассчитывала, что здесь ее не станут выслеживать люди в черных кепках. Успокаивая себя такими мыслями, Эллис аккуратно ехала всю дорогу за фургоном UPS, пока на перекрестке возле Уотертаун Молл не увидела огромный красный Кадиллак. Когда она проехала мимо, он свернул следом и пристроился через несколько машин за ней. Перепутать эту злосчастную машину ни с какой другой она не могла. Это был сам Диего Санторо, и он был здесь не просто так. Сердце Эллис бешено заколотилось, и она запаниковала. Не сумев подавить первое истеричное желание убежать, она придавила педаль газа и грубо подрезав машину в соседнем ряду обогнала и фургон и машину перед ним. Но сообразив, что привлекает к себе внимание этим маневром, опять встроилась в общий поток. В зеркало заднего вида она заметила, что красный внедорожник Санторо так же сделал рывок, опередив два автомобиля, и дальше продолжил ехать в общем потоке, поддерживая дистанцию до машины Эллис.

Здесь уже не могло быть никаких сомнений – Санторо следил именно за ней, а значит у него была на это причина. Прикрываться поездкой на кладбище потом будет совсем глупо, поэтому главное для нее – не попасться им в руки с той информацией, которая у нее на флешке. Первой мыслью Эллис было выбросить флешку в окно на ходу, но это означало потерю такой драгоценной информации, тем более, что дом с "карамельным" компьютером Алана они уже выследили. А без этой информации ей никогда не купить свой домик в Европе. Тут она вспомнила, что ее флешка разборная. Такую ей специально приносят "курьеры". И сама карта памяти, без корпуса, не больше ногтя мизинца. Если выбросить только корпус, а карту спрятать, то Санторо ни в чем не сможет ее обвинить. Решив так поступить, она прямо на ходу, посматривая в зеркало на красный Кадиллак, достала флешку из сумочки и стала ее разбирать, периодически выпуская руль из рук.

Наконец, ей это удалось, и приоткрыв окно, она выбросила сначала одну часть корпуса, а через пару сотен метров другую. Дальше, зажав в кулаке саму флешку, она стала лихорадочно думать, куда же спрятать карточку. Лифчик, трусы, носки – первое, что пришло ей на ум, она тут же отвергла, понимая, что в случае разбирательства, обыскивать ее будут так же, как наркокурьера на таможне. Проверят не только одежду, но и все внутренности – этого она насмотрелась в специальных репортажах CNN. "Не глотать же ее, в самом деле..." с отвращением подумала Эллис, вспоминая, как тяжело она глотает даже маленькие таблетки. Наверное, нужно засунуть ее куда-нибудь под сиденье, или в какую-нибудь щелку в обшивке салона, а потом достать оттуда, когда все разбирательства закончатся и ее освободят. Пока она решала, куда же девать эту злополучную карточку, весь поток автомобилей вместе с ее Хондой уже доехал до моста Север-Арсенал через реку Чарльз и встал в затор, так как на перекрестке у светофора один ряд был перекрыт ремонтными службами.

Стоя в этой пробке, она все свое внимание сконцентрировала на красном Кадиллаке и заметила, как ее водитель открыл окно и махнул рукой людям из соседней машины. Из нее вышли два человека, в черных кепках и солнцезащитных очках и, перейдя на тротуар, быстрым шагом пошли в сторону автомобиля Эллис. Это были именно те два типа, которых она видела около дома Алана. От испуга ее бросило в жар, и она лихорадочно стала пробовать затолкнуть флешку в какую-нибудь щель на приборной панели, но та не проходила ни на миллиметр. Проклятые японцы хорошо собирают свои машины! Два типа в кепках были все ближе, и в отчаянии Эллис решила проглотить карточку. Засунув ее в рот, она сделала огромное усилие, попытавшись проглотить этот маленький черный квадратик, но он стал поперек горла, впив-

пшись в него своими острыми гранями. Спазм от боли и страха, остановил ее дыхание и в глазах моментально потемнело. Судорожно вцепившись в руль, чтоб не потерять ориентацию, она так же судорожно наступила на педаль газа и ее машина, взревев двигателем, рванулась вперед, ударив стоящий впереди минивэн. С бешеным визгом дымящихся передних колес, она продолжила его толкать дальше и дальше.

– Она уходит! – крикнул первый из двух мужчин в кепке, шедших к ее машине, и бегом бросился к ней. Схватившись за ручку двери, он попытался открыть ее, но она была заблокирована. В этот момент, передние колеса машины Эллис повернулись, и ее помятая Хонда, оторвавшись от разбитого минивэна, почти прыгнула вправо на тротуар, перелетела через него и, пробив ограду моста, рухнула в реку.

Через два часа, на набережной у моста Арсенал-стрит, в ограждении полицейских машин, большой автокран медленно поднимал из воды покореженную Хонду. Сначала на поверхности показался багажник с открывшейся крышкой, оторвавшаяся выхлопная труба и покореженные колеса, затем задние двери с разбитыми стеклами, из которых хлынула мутная речная вода, а потом и весь автомобиль, подставляя зрителям на берегу свое днище. Оторвавшись от течения реки, машина завращалась на тросах крана и развернулась передом, в этот момент через разбитое лобовое стекло свесилось тело женщины с длинными светлыми волосами. Все зеваки на берегу одновременно ахнули.

Используя все свои прошлые связи в прокурорском ведомстве Бостона, заплатив немалые взятки всем следователям, и даже заместителю прокурора, Диего Санторо получил три часа времени и доступ к останкам автомобиля и телу Эллис Стейт, для проведения следственных мероприятий его службой безопасности. Они знали что искать! Вскрытие компьютера Алана показало всю информацию, которую он сумел передать, а главное то, что Эллис сумела ее скопировать. Люди Санторо обыскали весь автомобиль, каждый его сантиметр, все личные вещи Эллис, и даже просветили ее труп рентгеном. Найти флешку им не удалось. Водолазы со специальным оборудованием до самого вечера обыскивали дно реки, около злополучного моста и тоже ничего не нашли.

Безусловно, это было фиаско всей службы Санторо, и его личный провал. Успокаивал он себя только тем, что флешка безвозвратно утрачена – утонула, и утечки информации не произошло. С этой, не очень обнадеживающей мыслью, уже глубоко ночью он заходил на доклад в кабинет Тима Граббса, президента Ромер Медикал. Как и в самом начале этого проекта, там уже сидели вице-президент Дэвид Херт, АНБшная "шишка" из Вашингтона, имени которого Санторо в этот раз не смог вспомнить, и еще один безымянный человек из правительства, которого в принципе никогда не представляли. Все они напряженно уставились на него, из чего следовало, что Херт уже ознакомил их с ситуацией и последними подробностями, о которых шеф безопасности докладывал ему час назад по телефону.

– Что хорошего можешь сказать, Диего? – без предисловий начал Граббс. Его тон свидетельствовал о крайней степени раздражения, но уставший начальник службы безопасности не смог этого уловить, и решил начать так, как считал более безопасным.

– Утечки информации не произошло, сэр. Сейчас мои люди работают над установлением заказчиков мисс Стей...

– Не произошло?! – прокричал, внезапно вскочивший с места Тим Граббс. – Какая-то тупоголовая смазливая курица, которую вы вместе с Хертом, два идиота, пропихнули в эту программу, получает сверх секретную информацию, неизвестно сколько времени ей торгует

направо и налево, а ты мне говоришь "утечки не произошло". Идиот! Да это не утечка, а целый Ниагарский водопад. Вы так облажались, что Дисней наверняка уже снимает очередную страшную сказку для детей. Вы... – видимо не подобрав подходящего ругательства, Граббс на мгновение замолчал, чем воспользовался безымянный человек из правительства.

– Тим, присядь пожалуйста. Ситуация конечно непростая, но видимо твой шеф безопасности хотел сказать, что она уже находится под контролем.

– Каким, нахрен, контролем, Рэй. О чем ты говоришь? Если какая-то рядовая кадровичка смогла получить информацию из такого закрытого места, о какой вообще безопасности можно говорить. Через час об этом узнает босс и тогда я даже не берусь предсказать последствия.

– Мы не будем ему докладывать. Ни я, ни ты, ни Мартин, – кивнул он в сторону АНБшника. – И мои, и его специалисты подтвердили, что та информация, которая была получена вашей сотрудницей – это первая и единственная акция вашего программиста Алана Тилфорда. И, слава богу, эти данные не просочилась за рамки вашей системы безопасности. Видимо это и хотел сказать тебе твой шеф СБ.

– Да сэр, спасибо сэр, – с огромным облегчением произнес Диего, найдя неожиданного спасителя и союзника в лице этого Рэя из правительства. – Я хотел добавить, мистер Граббс, что это скорее всего самостоятельная акция мистера Тилфорда, спровоцированная, возможно, какими-то личными причинами, в которых мы еще разбираемся. Вся его деятельность купирована, и урона нам не нанесла. Далее мы будем решать вопрос о его отзыве из лаборатории и...

– Этим займемся мы! – прервал его "неизвестный" Рэй. – Все контакты с лабораторией теперь будут проводиться только через нас, – тихо и спокойно произнес человек из правительства. Но в его тихом голосе было столько скрытой угрозы, что никто не посмел возразить.

– А выяснением контактов и возможных заказчиков мисс Стейт займутся мои агенты, – сказал человек из АНБ. – Сейчас наиболее важно установить, как долго и на кого именно она работала.

– Да что тут выяснять, Мартин, – сокрушенно произнес Граббс. – Любой Китайский концерн, или Европейский, или даже наши, хотят разнюхать, чем мы сейчас занимаемся. Я больше бы хотел узнать, почему наша служба безопасности не выяснила это сразу, когда проверяли ее при приеме на работу? – сказал он, повысив голос, при этом испытующе взглянув не на Санторо, а на своего вице-президента.

Девид Херт, не проронивший за все это время ни единого звука, и тут не нашелся, что сказать, обреченно опустив плечи и сцепив пальцы на руках. Диего решил, что это его шанс вступить за своего шефа и даже возможно удержаться на своем посту.

– Мы тщательно проверяли ее, мистер Граббс, как и любого сотрудника компании. А так же проводили дополнительные периодические проверки, и с уверенностью могу утверждать, что ее завербовали совсем недавно. Как только ее интерес стал выходить за рамки ее непосредственных обязанностей, в том числе и личный, мы тут же взяли ее под особое наблюдение. Мистер Херт санкционировал эту работу и регулярно ее контролировал. Благодаря этому мы сумели предотвратить утечку информации.

– Так почему же вы не взяли ее раньше, а начали действовать только сегодня?

– Все потому, сэр, – уже более уверенно ответил Санторо, – что мы хотели, во первых – взять ее с доказательствами, а во-вторых – раскрыть все ее контакты, что еще более ценно. И мы бы это сделали, мистер Граббс, если бы не ее случайная и трагическая гибель.

– Да, жаль конечно, как я понял девушка она была хорошая. Родственники у нее есть?

– Мы их уже известили, Тим, – наконец-то собравшись с силами, сказал Девид Херт. – Она родом из Денвера, из большой семьи. Мы им оплатили перелет сюда, и сняли номер в Бостон Харбор. Так же возьмем на себя все расходы по организации похорон и бумажную

волокиту. Плюс проведем панихиду для сотрудников, чтобы снять все возможные вопросы и закрыть слухи внутри компании.

– Это правильно, Девид. Молодец! – сказал Граббс. – А вы, Санторо, займитесь дополнительной проверкой родственников всех участников проектной группы, чтобы не допустить повторения такой ситуации.

– Уже занимаемся этим, сэр!

– Хорошо, Диего, можете идти.

Выйдя из кабинета президента компании, Диего Санторо решил обязательно выпить сегодня, чтобы снять то напряжение, в котором он был последние несколько дней. Но уже дойдя до парковки и сев в свой роскошный Кадиллак он понял, как все-таки смертельно устал, и тихонько покатыл к себе домой с единственной мыслью "поспать".

Гарри Эрл дважды за день приезжал к дому Эллис, в форме доставщика пиццы. Но если в первый раз дверь ему так никто и не открыл, то во второй раз у входа он застал полицейских и еще каких-то людей в штатском, что ясно давало понять – их агент раскрыт. Однако, переодевшись и потолкавшись среди зевак, он выяснил, что Эллис погибла, разбилась на машине, и что до дома она так и не добралась. Это означало, что еще есть шанс получить то, зачем он сюда пришел. Подергав кое-какие "ниточки", Гарри узнал, что дело все же не такое простое, и кроме дорожной полиции им занимаются и прокурорские, и ФБР, и еще какие-то "частники". Его многолетний опыт контрабандиста, а с недавнего времени агента неких Европейских нанимателей, подсказывал ему, что все это серьезно повышало его риски снова загреметь за решетку или даже умереть, но одновременно с этим и поднимало цену его работы. Очень сильно поднимало!

В итоге, его контакт в полицейском департаменте подтвердил, что и федералы, и прокурорские, и частники, все что-то искали у погибшей, но ничего не нашли ни дома, ни в машине, ни на дне, ни даже на трупе. Труп девушки передан в городской морг, и завтра родственники приедут забирать его. Это стоило Гарри пятнадцати сотен долларов, но информация стоила того. Договорившись с нужными ему людьми в Нью Ингланд Баптист Хоспитал, он этим же вечером приехал в морг. Представившись сотрудником ФБР и предъявив все нужные бумаги (это тоже стоило ему довольно дорого), забрал труп на дополнительную проверку на магнитно-резонансную томографию.

– Зря стараетесь, агент. Ничего нового вы там не увидите. Вся верхняя часть тела, шея и голова просто испещрены осколками стекла и пластика, – говорил уставший патологоанатом, показывая ему рентгеновские снимки трупа. – Уж не знаю, что вы там пытаетесь найти, но ничего инородного, кроме стекла и пластика в ней нет.

– Я не очень разбираюсь в этом, Док. Мне эта возня со жмуриками тоже не доставляет удовольствия. Но начальство приказало, нужно везти, – умело разыграл Гарри недовольство идиотскими приказами.

– Понимаю, агент. Понимаю, – с ухмылкой ответил врач. – Когда привезете назад?

– Надеюсь быстро, через пару часов.

– У меня будет перерыв, в это время. Решите все с моим напарником. Я его предупрежу.

– Конечно, Док. Все сделаем как нужно, – ответил Гарри и дал помощникам знак вывезти тележку с трупом в фургон.

В клинике, за еще одну не малую сумму, труп Эллис поместили в МРТ и через час поисков, среди всего обилия инородных частиц, врач обнаружила микрофлешку, застрявшую в гортани. Еще через час, вернув тело в морг и сунув второму патологоанатому сотню "за беспокойство с оформлением бумаг", расплатившись со своими помощниками, Гарри рванул в аэропорт Логан, и этой же ночью вылетел в Европу ближайшим рейсом на Франкфурт.

Глава 9.

Бостон, США, 08.06.2020

В специальном кабинете связи в подвале Ромер Медикал, напротив монитора связи, сидели президент компании Тим Граббс и его доверенный человек из правительства – Рэй Хикс. Ни Санторо, ни его людей, в этот раз не допустили к участию, и настройкой оборудования занимались люди Рэя, которых он привез с собой.

– Долго еще, Джон? – спросил он у своего человека.

– Подключение уже идет, сэр. Мы проверяем шифрование. Еще максимум минута, – ответил Джон и вернулся к своему оборудованию.

Рэй взглянул на сидящего рядом с ним Граббса, снова обратил внимание на его напряженную спину, но все же решил не вмешиваться в предстоящий разговор, предоставив ему право вести разговор с его людьми. Экран засветился, на мгновение потух и снова осветился, показав изображение руководителя лаборатории Чарльза О'Браена и, сидящего рядом с ним, профессора Дэна Махера. Оба выглядели очень озабоченно, если не сказать испуганно, и увидев перед собой президента и представителя правительства, непроизвольно отпрянули от экрана.

– Здравствуйте Чарльз, здравствуйте Дэн, – холодно произнес Граббс. – Мы вынуждены были организовать экстренный сеанс связи, потому что у нас сложилась чрезвычайная ситуация. Я не вижу МакКалмана. Где он?

– Здравствуйте, сэр, – по очереди сказали они в ответ. – МакКалман сопровождает груз из аэропорта, и будет только через пару-тройку часов, – продолжил О'Браен. – А что у вас произошло?

Граббс заметно дернулся при словах "у вас", но смог взять себя в руки и продолжил с морозом в голосе:

– Из вашей лаборатории, Чарльз, произошла утечка информации. Умышленная! И эта акция была проведена одним из ваших сотрудников. Мы сумели ее пресечь на нашей стороне и обеспечили безопасность. Однако, это не уменьшает масштабов проблем сложившейся ситуации, учитывая, что у этого человека на нашей стороне был сообщник, который наверняка работал на конкурирующие структуры... или даже государства, – добавил он, взглянув на сидящего рядом Рэя. – Это ваш ведущий программист Алан Тилфорд. Его нужно немедленно отстранить от работы, а Барри МакКалману передать инструкции, как его изолировать без лишнего шума.

Оба собеседника одновременно открыли рты, но ни Граббс, ни Рэй не обратили на это внимания, и президент продолжил.

– Так же распорядитесь, чтобы МакКалман со своими людьми проверил все личные вещи, компьютеры и вообще все, с чем работал и соприкасался Тилфорд. Вдруг он у вас действует не один, или внедрил в систему какие-то жучки.

– Барри знает, как с этим работать, – Рэй все же вмешался в разговор. – А позже, мы отдельно поговорим с ним о том, как решить проблему содержания арестованного.

– Да, и еще! – все же не сдержавшись, почти пролаял Граббс. – Пусть кто-нибудь из людей МакКалмана немедленно приведет этого сукиного сына Тилфорда сюда, я очень хочу посмотреть ему в глаза.

Чарльз и Дэн испуганно переглянулись, и Махер чуть отодвинулся в своем кресле назад, как бы выдвигая вперед О'Браена. Тот угрюмо взглянул на профессора, глубоко вздохнул, и чуть-чуть приблизился к камере.

– Все дело в том, сэр... мистер президент, что у нас тоже случилась чрезвычайная ситу... в общем проблема в том, что Алан Тилфорд сегодня... покончил собой! – выдохнул наконец главный руководитель проекта. – Он повесился у себя комнате.

По обе стороны монитора воцарилась такая мертвая тишина, что зазвенело в ушах. Тим Граббс почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове. Рэй Хикс стал считать удары своего сердца, надеясь, что гул в голове – это не инсульт. Дэн Махер дрожащей рукой снял с себя очки и прикрыв глаза замер в своем кресле. И только О'Браен сидел совершенно спокойный и просто молчал, так как самое сложное и страшное он уже сказал, и понимал, что ничего хуже уже произойти не может.

– Вот теперь мы в настоящем дерьме, Тим, – медленно по слогам произнес Рэй. – Оба участника "взлома" мертвы. Шансы доказать, что они были одиночками и действовали самостоятельно, по крайней мере Тилфорд, почти испарились. Значит Мартин вынужден будет начать расследование и доложить наверх, чтобы прикрыть свою задницу, а это значит сворачивание всей операции. Что мы тогда скажем шефу? Он ведь положил на это всю свою карьеру. Это может стоить нам головы, Тим. По настоящему! – тихо добавил он, и глазами показал своему помощнику Джону, следящему за аппаратурой, вместе с остальными выйти из комнаты. – Мне нужно подумать, Тим. А ты пока расскажи нашим коллегам, – и он ткнул пальцем в экран, – что у нас тут стряслось. Чтобы они были в курсе всего этого дерьма.

Тим Граббс коротко пересказал события последних дней и печальный итог операции по поимке Эллис Стейт, стоившей ей жизни. А Рэй Хикс встал и некоторое время молча походил по комнате, засунув руки в карманы брюк, потом вернулся в свое кресло и придвинулся ближе к монитору.

– Значит действовать будем так, – решительно сказал он. – Вы Граббс, вместе с вашим фокстерьером Санторо, своими силами успокоите всю местную шумиху с утонувшей девушкой. Фактически, это всего лишь несчастный случай, и никакого отношения к Тилфорду, и нашему проекту, не имеет. Тем более, что официально они не были женаты. Сейчас и без этого полно тем для обсуждения из-за недавних погромов в городе. Мартин говорил, что среди задержанных активистов ВЛМ были два ваших сотрудника. Пусть Санторо договориться с прокурором, чтобы их побыстрее выпустили. Они наверняка добавят альтернативных тем, для обсуждения внутри компании. Мартину понравится такой расклад.

– Да, Рэй, это мы сделаем без проблем. Херт уже второй день занимается этим, и Санторо тоже максимально вовлечен, – немного облегченно сказал президент Ромер Медикал, чувствуя, что вырисовывается план исправления ситуации.

– Теперь вы О'Браен, – обратился Рэй в камеру. – Сколько человек знают о вашем ЧП?

– Да почти все, сэр. Даже местный персонал. Его напарник по комнате, как только обнаружил труп, тут же побежал сообщить это сотрудникам медблока и нам, – ответил Чарльз, не понимая куда ведет Рэй.

– Ладно, понимаю, – ответил он быстро. – Как бы там ни было, до выяснения всех обстоятельств, будем так же считать это несчастным случаем. Например, случайно споткнулся, упал,

запутался в проводах и погиб от асфиксии. Так как рядом никого не было, в этот момент, никто не смог оперативно помочь. А главное, никто не сможет опровергнуть эту версию.

Хикс замолчал, прикрыл глаза и медленно потер переносицу.

– Передайте МакКалману, – продолжил он, – чтобы сам решил как поступить с телом, и сразу же занялся тотальной проверкой всех вещей и оборудования, о которых вам говорил Тим. И еще, проверьте всю вашу аппаратуру спутниковой связи, так как Тилфорд сумел передать информацию именно через нее. На всю проверку даю двадцать четыре часа. Когда закончите – все результаты оперативно доложить нам.

– Конечно, мистер Хикс.

– Теперь вы, профессор. – переключился Рэй на Дэна Махера. – Отсутствие Тилфорда повлияет на график вашей работы?

– Безусловно повлияет, – оживился Махер. – Цифровые модели синтеза белка, которые создавал Алан, невозможно повторить без него. Он настоящий уникам, гений, и заменить его кем-то из имеющихся людей, совершенно невозможно.

– И что это означает, Дэн? – осторожно спросил Граббс.

– Как что? Это означает, что все те многочисленные эксперименты, которые мы проводили в цифровом формате, добиваясь промежуточного положительного результата, теперь мы вынужденно будем проводить *in vitro*. А это намного дольше, так как неудовлетворительный результат синтеза становится понятен далеко не сразу. И то, на что мы тратили несколько часов, теперь займет несколько дней или даже недель. А в итоге, это еще и менее достоверно, – расстроено ответил профессор.

– На сколько это задержит получение финального образца, доктор Махер? – снова вмешался Рэй. – Ведь первоначальный срок завершения исследований прошел четыре месяца назад. Мы уже дважды продлевали сроки командировки вашей группы, а результата все еще нет. Теперь же вы заявляете, что без Тилфорда вообще все остановится, – произнес Рэй, и осуждающе посмотрел на Граббса.

– Что? Я не говорил остановится, – повысив голос, ответил Махер. – Я говорил, что без цифровых моделей синтеза наша работа замедлится. У нас случилась такая ужасная трагедия, а вы опять завели свою старую шарманку про сроки, – Дэн поправил свои очки и вновь отодвинулся от монитора. – Мы тут не порошки смешиваем, как древние аптекари. Это генная терапия, – он ткнул пальцем куда-то в потолок, и раздраженно продолжил. – Это вам не таблетки из мела лепить. Вы вообще представляете себе, что это такое и насколько это предельно сложно? – не унимался профессор. – Мы создаем живые клетки со специальной генетической конструкцией, которые после введения в живой организм должны на клеточном уровне и с максимальной, небывалой до этого точностью, уничтожать злокачественные и пораженные клетки, а на их месте выращивать здоровые новые. Именно так нас за миллиарды лет эволюции создавала сама матушка природа, а вы хотите за несколько месяцев получить инструмент, сравнимый практически с рукой Бога! Здесь все трудятся на пределе своих сил, денно и нощно. Все предельно утомлены и находятся на грани нервного срыва, как Тилфорд, а вы только и можете что подгонять, – уже размахивая руками продолжал Махер.

– Вы не..., – попытался вклиниться О'Браен.

– И вообще, если вы не довольны моей работой, можете уволить меня. Я с удовольствием покину это адское место, и вернусь назад в цивилизацию, – резюмировал он, и отвернулся от экрана.

– Дэн, успокойся, – снова вступил в разговор Граббс. – Никто тебя ни в чем не обвиняет. Ты же знаешь, что это не только наш проект, и в него завязано много очень важных людей, и еще больше финансов. Поэтому с нас постоянно спрашивают результат и сроки его получения. Чего ты кипятишься, как старая домохозяйка?

– А почему я должен постоянно оправдываться, будто я здесь не работаю, а на курорте отдыхаю. Вы же знаете, где мы находимся, – так же рассерженно ответил Махер, но все же повернулся к экрану.

– Мы знаем, профессор, где вы находитесь и чем занимаетесь, – опять заговорил Рэй Хикс. – Но, как только что заметил мистер Граббс, мы тоже должны отчитываться перед вышестоящим руководством. И постоянное откладывание итоговых результатов очень нервнует это самое руководство. Тем более, что у вас были рабочие формы препарата, которые уже давали положительный эффект, ради которого все это затевалось. Почему вы перестали их использовать?

– Ну опять вы об этих формах, – сокрушенно сказал Махер. – Да, у нас были рабочие формы, и они у нас все еще есть. Никто от них не отказывался. Но генная терапия – это не только создание клетки "скорой помощи". Самое сложное в этом деле – сделать так, чтобы она попала по назначению, и собственный иммунитет организма не убил ее, прежде чем она начнет там действовать. Для этого мы используем вектор, такой специально модифицированный вирус, который уже не будет например гриппом, оспой или холерой, а станет своеобразным такси, поскольку только вирусы могут внедрять свои гены в геном человеческого организма. И вот когда наша рабочая генная структура помещается в вектор, она перестает работать как надо, или вообще отказывает. Пока мы не смогли решить эту проблему, – совсем расстроено закончил профессор, и стал протирать свои очки явно для того, чтобы незаметно вытереть рукой выступившие на глазах слезы.

– Но ведь был положительный результат, Дэн, – заметил замешательство профессора Рэй, – кажется номер 695 или 965...

– 834, – устало ответил Махер. – Да, он был ближе других к тому, что мы пытаемся создать, но все равно работал не так как надо. Вы же не хотите, чтобы вместо больной печени у вас выросли две или три, или того хуже – желудок, или сердце. В конце концов, вы же знаете, где мы берем исходный генный код! – одновременно зло и испуганно ответил профессор. – Поэтому перестаньте нас подгонять, если не хотите чтобы все это закончилось новой трагедией.

– Хорошо, Дэн, мы постараемся больше не поднимать эту сложную тему, – сказал Тим Граббс, – но и вы не расслабляйтесь. Работайте... И вы, мистер О'Браен, продолжайте делать свою работу.

– Хорошо, мистер Граббс, – ответил Чарльз. Махер лишь молча кивнул.

– Передадите все наши инструкции МакКалману, и пусть он сразу начинает действовать. Дополнительный сеанс связи назначать не будем, но по итогам ваших с ним проверок встретимся в стандартное время, чуть меньше чем через тридцать часов. Прощайте! – закончил Рэй, и раздраженно отодвинулся от экрана.

Глава 10.

Марсель, Франция, 14.06.2020

Патрик Дидьен и Пьер Жене никогда не доверяли секреты своей совместной работы никакой системе безопасности, даже самой современной и навороченной. Особенно Пьер, который почти половину своей жизни занимался тем, что всячески взламывал или обходил эти хитроумные системы. Поэтому, когда им нужно было обсудить и согласовать секретные вопросы стратегического развития, они действовали старым и проверенным способом – собирались на большой яхте катамаране Жене, или на частном реактивном самолете Дидьена, где под шум моторов в окружении только нескольких, особо верных и проверенных людей, могли спокойно поговорить, не опасаясь жучков, удаленной прослушки, случайных свидетелей и пре-

дателей. Вот и сейчас, сидя на задней палубе его роскошного Тритона с бокалом хереса, Пьер внимательно наблюдал за приближающимся от берега катером, который должен был доставить посетителя. Сегодня утром, отойдя от Марселя они несколько часов бороздили море, подальше от берега, чтобы подвести итоги его американского расследования и наметить следующие шаги. А к обеду бросили якорь недалеко от Пуант-Руж, куда должен был прибыть майор Коттен, чтобы обсудить их будущую работу. Рядом с Жене стоял Дидьен, который через бинокль рассматривал визитера, сидящего в катере

– Знаешь, Пьер, я представлял себе его старше, учитывая как давно он покинул Легион, – сказал Дидьен, не отрываясь от бинокля. – Даже не верится, что это именно тот человек, который так эффективно решил нашу проблему в Кении.

– Ему всего лишь сорок семь, Патрик. И по-моему, он выглядит соответствующе, – ответил Пьер, сделав глоток из бокала. – А то, что он в тридцать пять уже был майором, заслуга его боевых успехов. Он очень быстро продвинулся по службе, и все звания получал досрочно. Если бы не его радикальные взгляды, мог бы продолжать службу и через пару лет стал бы генералом.

– Он действительно такой нацист?

– Ну, не нацист, а скорее националист. Солидарен с политикой Ле Пен, даже сотрудничал с ее партией. Его антипатия распространяется в основном на черных из Африки. Всякие там арабы, китайцы и все остальные ему индифферентны, а вот африканцы заставляют закипать его эльзасскую кровь. Особенно хлынувшие сюда мигранты нелегалы.

– Глупо, конечно, из-за этого загубить свою перспективную карьеру, – сказал Дидьен, усаживаясь на диванчик напротив Жене. – Хотя, надо признать, что последний парад Легионеров, который я видел, навел меня на схожие мысли. Почти четверть солдат, если не больше, были черными. Прямо сенегальские батальоны.

– Расплата за наше колониальное прошлое, – бесстрастно ответил Жене.

– Ты уже сообщил ему детали, Пьер?

– Только то, что можно было сказать по телефону, плюс примерные сроки. Все особые детали и бюджет будем обсуждать сейчас. Пойду встречу его, – сказал Пьер, ставя бокал на стол, и направился к трапу, следом за подошедшим стюардом.

Катер подошел вплотную к яхте и легонько ткнулся бортом в блестящие направляющие трапа. Стюард рукой ухватился за поручни катера, останавливая его и Венсан Коттен, взяв свою сумку, одним легким движением перепрыгнул на палубу яхты. Отпустив поручень, стюард махнул рукой водителю и, взревев двигателем, катер направился обратно к берегу.

– Добрый день, майор. – сказал Пьер, пожимая руку Коттену, – Рад, что вы быстро добрались.

– Благодарю, месье Жене, – ответил он на пожатие руки, и кивнул головой стюарду.

– Поднимайтесь сюда. Месье Дидьен уже ждет вас.

Венсан Коттен был высоким крепким мужчиной, с коротко стриженными темными волосами, и такой же короткой, тщательно ухоженной бородой. Хоть он уже пять лет не служил в легионе, характерная строевая выправка выдавала в нем бывшего военного. Примерно семьдесят лет назад, их семья обосновалась на окраине Обани, когда после второй мировой войны переехала из разоренного Эльзаса. Его отец работал в частной автомастерской деда, которая после его смерти перешла к нему. Мать работала медсестрой в местной больнице, а вся ее родня были рыбаками из Марселя, откуда она уехала выйдя замуж. Никто в семье Венсана и среди его родных никогда не служил в армии, но он еще с самого детства мечтал о военной карьере, а точнее о Французском иностранном легионе.

В Обани, недалеко от дома где он жил, располагался центр предварительного отбора в Легион. Туда каждый день, и даже по ночам, приезжали и приходили мужчины, французы и иностранцы, чтобы записаться на военную службу. Часто Венсан с мальчишками бегал к их воротам смотреть на проходящих, а особенно на выходящих обратно. И их любимой забавой было угадывать, кто же сегодня вернется назад, не пройдя строгий отбор в Легион. Венсан всегда угадывал больше всех, за что его в шутку стали звать капралом, а он всерьез задумался о своей мечте, читая книги про подвиги легионеров и их командиров. Позже, выяснив, что из рядовых легионеров невозможно дослужится до офицера, он наперекор матери и отцу, сразу после выпуска из школы, поступил в национальное военное училище в Ла-Флеше. А через год, с особой рекомендацией командования, перевелся в Сен-Сирскую специальную военную школу сухопутных войск в Коэткидане, которую через четыре года покинул в звании лейтенанта. Сразу же после выпускной пьянки, Венсан подписал контракт с Легионом и летом 1996 года поступил на службу во 2-й иностранный парашютно-десантный полк на Корсике.

Уже через месяц он с избытком хлебнул боевого опыта в Сомали, где в составе миротворческих сил ООН пытался прекратить гражданскую войну. А по факту, его рота легионеров, нарядившись в голубые каски, почти безвылазно сидела в окружении нескольких противоборствующих военизированных группировок, стреляя во всех и каждого, и никогда не выясняя, на чьей стороне были те или иные мужчины с Калашниковыми в руках. А часто и без оружия. А нередко и старики, и женщины и даже дети. Потом были Босния и Косово, Ирак и Афганистан, ЦАР и Мали. Были специальные операции без флага в Ливии, Тунисе, Эфиопии и Марокко. Снова Ирак и Афганистан. Военные кампании в Судане, Заире и Йемене. Были Намибия и Руанда, Мозамбик и Чад, Египет и Алжир, Сирия и Ливан. Девятнадцать лет войны! Сначала война стала его делом, а потом и жизнью. Из года в год, где бы он не находился, везде была война. Менялись только пейзажи, а война вокруг всегда была прежней – дым, кровь и отчаяние.

Он быстро научился не разделять местных на мирных жителей и боевиков. Какие могут быть вокруг мирные жители, если ты приехал к ним в страну с автоматом в руках? Каждый встречный – твой враг. Поэтому всегда и везде действовал предельно жестко и безжалостно, чем заслужил у руководства Легиона репутацию образцового и успешного командира. У него и в самом деле было несколько успешных боевых операций, которые определенно можно было занести в учебники оперативно-тактической подготовки для курсантов. Много лет подряд командование во всём ставило его в пример, и в его роту, а потом и в батальон, стремились попасть все легионеры, и новички и ветераны. А потом начались проблемы.

Впервые это случилось в Заире, когда двое его бойцов, угрожая оружием своему лейтенанту, отказались исполнять приказ зачищать деревню, так как были родом из этого района. Их разоружили и доставили к Коттену, который был так взбешен этим обстоятельством, что самолично избил обоих, причинив тяжкие увечья и сделав одного из них инвалидом. Это было вопиющим нарушением устава Легиона, но учитывая его былые заслуги и непростой политический фон всей Заирской кампании, дело по тихому замяли, ограничившись отзывом приказа о присвоении капитану Коттену звания майора. Его это конечно задело, но не очень сильно, так как мало майоров оставались в боевых частях. Обычно, после повышения, их переводили на штабную службу, а он хотел продолжать воевать. Но определенный след этой ситуации, акцентированный на расовой принадлежности бунтовщиков, в его памяти остался.

В конце девяностых и в начале двухтысячных годов, очень большую часть Легиона составляли белые выходцы из восточной Европы и бывшего Советского Союза. Русские, Поляки, Литовцы, Белорусы, Украинцы, Сербы, Казахи, Киргизы, Немцы, и еще много кто из

стран бывшего социалистического лагеря. Все они, до поступления в Легион, служили в своих национальных армиях и были классными бойцами. По уровню боевой подготовки они наголову опережали и азиатов, и латиноамериканцев, и даже французов. Не говоря уже о всяких африканцах. Образованные, дисциплинированные, сплоченные – они с первых дней получали преимущество над остальными поступившими добровольцами, а потом так же быстро получали младшие командирские звания. Каждый офицер Легиона хотел побольше таких бойцов в свое подразделение. Но после большого расширения Евросоюза на восток в 2007 году, поток добровольцев из этих стран стал стремительно падать, всего за пару лет превратившись в едва заметный ручеек. И чтобы компенсировать такой серьезный недостаток в добровольцах, вербовщики Легиона стали набирать на службу все больше африканцев, а потом и вообще всех подряд без разбора, потому что рекрутов не хватало. В некоторые месяцы доходило до того, что из каждых ста прибывших добровольцев, только человек двадцать–тридцать, максимум, были белыми. В итоге, за пять последующих лет, Легион сильно окрасился в черный цвет, и еще сильнее потерял в своем качестве.

Не смотря на то, что Коттен продолжал служить так же усердно, и через два года после Заирской операции все же получил звание майора, командование уже не видело в нем того героя командира, которого всем ставило в пример. Его стали обделять в выборе свежих рекрутов, отдавая ему всех тех, от кого открестились остальные командиры. И при этом, стали направлять на самые сложные и опасные боевые задачи. Сначала это привело к снижению дисциплины, потому что несколько белых офицеров и сержантов уже с трудом справлялись с целыми отделениями черных бойцов, которые еще совсем недавно жили как дикари, и с трудом понимали французский язык. Далее, это сказалось на качестве боевой подготовки. А потом привело и к настоящим проблемам в реальных боевых операциях. Трое его бойцов погибли при десантировании, захватывая в январе 2013 аэропорт столицы Мали – разбились, не сумев раскрыть парашюты. Как выяснилось потом, из-за неправильной укладки. Через полтора месяца, на границе с Чадом, целое отделение его батальона, вопреки приказу, самостоятельно выдвинулось на позиции противника и попали в засаду – четверо погибли, семеро были серьезно ранены. При разбирательстве выяснилось, что без капрала, который перед этим подорвался на противопехотной мине, остальные не смогли разобраться со сложной радиостанцией и не поняли приказа.

Все это вынуждало Коттена еще больше муштровывать своих бойцов, чему они неявно, но активно сопротивлялись, как выяснилось позже. И финальной проблемой, поставившей крест на его карьере, стало дезертирство одного легионера его батальона, который с напарником из батальона Чадских военных, летом 2014 года перешел на сторону группировки "Боко Харам". Была организована операция, которая через три дня увенчалась относительным успехом. Два пикапа террористов были обнаружены и обстреляны вертолетом Легиона. Боевики, бросив обе машины, попытались скрыться пешком, но уже через час были окружены, и после скоротечного ожесточенного боя, оставшиеся в живых сдались. Были ранены трое легионеров Коттена. Среди сдавшихся боевиков оказался их бывший сослуживец, сбежавший три дня назад, и разъяренный Коттен, не дожидаясь трибунала, прямо там на месте лично расстрелял его.

После такого ЧП его отстранили от командования батальоном, и отозвали во Францию для расследования. Больше трех месяцев его держали под домашним арестом, регулярно таская к командованию на громкие разбирательства и угрожая трибуналом. Однако, серьезное раздувание этого дела было совсем не нужно ни Легиону, ни тем более Франции, и поэтому в декабре 2014 года майор иностранного французского легиона Венсан Коттен был тихо уволен со службы по истечению срока контракта.

– Здравствуйте, майор, – приветственно сказал Патрик Дидьен, протягивая руку Венсану. – Проходите в кают компанию, там уже накрыли для нас обед. Сегодня повар приготовил фаршированных кальмаров и пирог с осьминогом. Уверен, вы оцените. У месье Жене лучший повар во Франции.

– Благодарю, месье. – ответил Коттен и пригнувшись шагнул в дверь помещения. Дидьен кивнул Пьеру Жене и, легко похлопав его по плечу, прошел следом за майором.

– Передайте капитану, что мы готовы отплыть. Маршрут пусть выбирает сам из ранее оговоренных, главное через четыре часа прибыть в Марсель, – сказал Жене стюарду. – И можете подавать обед.

Кают компания на яхте Жене была размером с гостиную хорошей Парижской квартиры, а по убранству не уступала хорошим ресторанам. Как только мужчины сели за стол, моторы низко заурчали и яхта, плавно набирая скорость, направилась в сторону открытого моря. Два матроса тут же стали подавать блюда, а Пьер сам разлил по бокалам вино, саморучно откупоренной бутылки.

– Мы работаем с Пьером уже много лет, и я ему абсолютно во всем доверяю, как самому себе, – сказал Дидьен обращаясь к Коттену, и кивнул в ответ на благодарственный кивок Пьера. – Поэтому, он всегда сам организовывал все наши стратегические дела, и я не никогда не влезал в этот процесс. В том числе и в решение нашей проблемы в Кении, где вы, майор, сработали так эффективно.

– Я бы даже сказал – эффектно! – хохотнул Жене.

– Но дело, которое мы обсуждаем сегодня, настолько неординарное, – продолжал Дидьен, – что я пожелал лично присутствовать при сегодняшнем разговоре, так как осуществление всего задуманного нами, будет на века определять будущее компании, и даже всей медицинской отрасли. Или погубит нас в одночасье!

Венсан покосился на матросов, раскладывающих кальмаров по тарелкам и вопросительно посмотрел на Жене.

– Капитан и оба матроса, люди из моего ближайшего окружения и мои личные телохранители, – сказал Пьер в ответ на немой вопрос Венсана. – Все вопросы в их присутствии можно обсуждать открыто.

– Понятно, – ответил Коттен, хотя озабоченность осталась на его лице.

– Для начала я хотел бы спросить вас, майор, на сколько крупной структурой вы обладаете для участия в этом деле? – спросил Дидьен, приступая к еде.

– Во-первых, ваш повар готовит отменных кальмаров, – ответил Венсан, и немного помолчал, провожая взглядом выходящих из кают компании стюардов. – Во-вторых, те дела, которыми я занимаюсь, не требуют какой-то определенной структуры. Тем более крупной. Мы же не армия. И если называть все своими именами, то я работаю один.

– Как один? – воскликнул Дидьен и удивленно посмотрел на Жене? Пьер усмехнулся и ответил вместо Венсана.

– Майор Коттен, месье, имеет в виду, что он работает без секретарей, бухгалтеров, маркетологов и тому подобных, привычных нам специалистов. Все переговоры, взаиморасчеты, организационные вопросы и, вообще, все дела он ведет сам. Я прав, Венсан?

– Да, месье. Все так! А что касается ответа на вопрос месье президента, то скажу, что у меня есть пятнадцать человек бойцов, каждый из которых высококлассный специалист в своей области. Все они живут, в общем-то обычной жизнью, и из них я набираю требуемую мне команду на каждое дело, в зависимости от обстоятельств и поставленной задачи. Еще у меня есть примерно тридцать человек второстепенного состава, которых можно быстро привлечь,

если операция должна быть более масштабной, и несложной, вроде охраны какого-нибудь танкера или нефтяной скважины.

– А как же оружие, амуниция и все необходимые вам аксессуары? – все так же удивленно спрашивал Дидьен.

– Ну как вам сказать, месье. . . Оружие, тем более такое, какое используем мы, в принципе нельзя иметь по закону любой цивилизованной страны. Поэтому, мы его не имеем, и нигде не храним. Тем более, что все дела, в которых мы участвуем, организуются далеко за рубежом, и просто полететь туда со своим оружием не возможно. Для решения этого вопроса у меня есть целая сеть поставщиков, которая в любой части мира оперативно предоставит мне все необходимое. Это намного проще, безопаснее, и даже не намного дороже, чем пытаться все тащить с собой. По крайней мере, мы работаем именно так, – сказал Коттен и вопросительно посмотрел на Дидьена и Пьера.

– Рассказывай дальше, Венсан, – ухмыльнувшись сказал Жене. – Просто месье президент очень далек от этой темы, и у него появился шанс послушать настоящего профессионала, а не такого самоучку, как я.

– Да ладно тебе, Пьер, – сказал Дидьен. – Я помню, как ты все это мне рассказывал. И знаю все твои достоинства. Просто очень интересно послушать это от непосредственного участника. Кстати, майор, у вас есть какое-то имя?

– Имя? – переспросил Венсан.

– Ну да, название. У всех известных частных военных компаний есть свое имя, вроде Академи, Кастэрс или Сильверкорпс.

– Аха-ха-ха, – неожиданно и громко рассмеялся Коттен. – Сильверкорпс. . . – продолжал смеяться он. – Аха-ха-ха. . .

– А что не так, Пьер? Я что-то неправильно сказал? – спросил Дидьен у своего компаньона.

– Не знаю, Патрик, – ответил он. – Думаю, майор сейчас все объяснит.

Венсан вытер, выступившие от смеха слезы, и сделал несколько больших глотков из своего бокала, пока стюарды меняли блюда.

– Прошу прощения, месье президент, просто сравнение нас с Академи или Кастэрс выглядит несколько странновато, так как это практически полицейские компании, занимающиеся только охраной объектов или разных там политических шишек. А сравнением с Сильверкорпс вы меня на самом деле рассмешили. Ведь это же настоящие клоуны. Цирк шапито, а не ЧВК.

– Как же так, майор? Ведь недавно они так прогремели, участвуя в попытке военного переворота в Венесуэле. Писали, что это команда элитного американского спецназа, и у них контракт с правительством США, больше чем на двести миллионов долларов. И все сорвалось только потому, что русские вмешались, и помогли Венесуэльцам справиться с ними.

– Все это ложь и газетные утки, месье, – ответил Коттен. – Знаю я этих придурков из Сильверкорпс, пересекался с ними в Ираке. Никаким спецназом там никогда и не пахло, тем более элитным. Из армии их сразу выставили за пьянки и другие прегрешения, и тогда они, набив себе крутых спецназовских тату, сколотили свою фирму неудачников с громким названием. Этакая голливудская "Команда А". Стали красивыми фотками пиарить себя в Фейсбуке и Твиттере, в реальности ничего из себя не представляя. И таким образом привлекли внимание разных простаков.

Майор сделал еще один глоток и отставил бокал.

– Я столкнулся с ними в Киркуке. У них там был их первый большой контракт на охрану какого-то местного курдского нефтяного барона, который был аннулирован сразу же, как этого

курда, прямо в его постели, шлепнули конкуренты из соседней деревни. А его крутые американские бодигарды из Сильверкорпс, в это время пьянствовали и трахали местных девок. После такого фиаско им не доверяли даже охрану склада металлолома. Поэтому они обосновались в Колумбии, и охраняли там плантации коки от местных вороватых крестьян. Вот там их завербовали "типа" Венесуэльские повстанцы, с огромными связями и миллионами долларов. И они с ними вместе, а еще с мешком марихуаны и ящиком виски, поплыли на лодке свергать президента Мадуро. Финал очевиден! – Венсан откинулся на спинку своего кресла и продолжил. – А захватили их не какие-то там страшные русские, а местные венесуэльские пограничники, когда лодка этих повстанцев без управления заплыла на территорию Венесуэлы, потому что они все валялись пьяные и под кайфом.

– И что же, получается у американцев нет серьезных структур специального назначения? – удивленно спросил Дидьен.

– Почему же нет, конечно есть, и очень даже серьезные, – ответил Венсан. – Только все они не имеют громких названий и никак себя не афишируют. Это действительно крутые ребята. Больше убийцы, чем солдаты. А главное, все они действуют под патронажем ЦРУ, АНБ или других правительственных структур. Частными они называются только для американских налогоплательщиков и статистики боевых потерь. Но, отвечая наш первый вопрос, месье, – продолжил Коттен, – у меня есть официальная частная охранная фирма "Системная безопасность", зарегистрированная в Канаде. Этим официальным статусом мы пользуемся для легализации своей деятельности, и иногда, под этим именем берем простенькие контракты на охрану или сопровождение, если нет настоящих дел.

– Спасибо, Венсан, – включился в разговор Жене. – На этом моменте, очевидно, нам пора переходить к нашему настоящему делу. Время не ждет.

– Да, пора, – подтвердил Дидьен.

– Внимательно вас слушаю, – сказал Коттен.

– Итак, я еще раз повторю все данные по нашей ситуации и те детали, которые не мог сказать по телефону, – начал Жене. – В прошлом году из разных источников мы стали получать информацию, что американцы ведут разработку революционного онкологического препарата. Как мы выяснили, все разработки сконцентрированы в фармацевтической корпорации Ромер Медикал, а все работы перенесены в засекреченную региональную лабораторию, во избежание утечек информации. У нас был свой агент в этой компании, которая добыла информацию по этой лаборатории, увы, ценой своей жизни. К большому сожалению, флеш-карта с данными дважды подверглась облучению в рентгеновском аппарате и в томографе, и более 90% данных на ней были утеряны. Мои специалисты неделю работали над этим, и сумели восстановить только три файла. Это файл со схемами пожарной эвакуации помещения, файл со списком всего персонала лаборатории, и самое ценное – короткий, всего на пятьдесят секунд, видео файл с фрагментом подключения станции космической связи, на которой видны координаты места их расположения. И это, как я вам уже говорил, территория Северной Кореи!

– Вы все так же уверены в этом, месье Жене? – с нажимом спросил Коттен, сделав акцент на слово уверены.

– Да, майор, уверен.

– Но как это может быть правдой, если США и Северная Корея самые враждующие между собой государства? Как американцы организовали секретную лабораторию там? – так же напряженно продолжил Коттен.

– Как они это сделали, я не знаю. И поверьте, очень хочу узнать, – ответил Пьер. – Но вынужден признать, что это поистине гениально, именно там спрятать лабораторию. Потому что ни у кого из нас даже мыслей не было искать ее там.

– И все же, месье, – настаивал Венсан, – Это может быть ошибкой, неверной интерпретацией данных, или даже заведомой дезинформацией, чтобы повести вас по ложному следу. Согласитесь, что Северная Корея, в данном конкретном случае, звучит абсурдно.

– Я думал об этом, – после долгого молчания ответил Жене. – Очень много думал, и советовался с месье президентом. В конечном итоге моя уверенность только укрепилась. Все дело в том, что для проведения перспективных исследований в этой области, требуются очень крупные и специально оборудованные лаборатории. Почти целые научные центры. Во всем мире их всего несколько десятков. Конечно, можно попытаться сократить масштаб и самой лаборатории, и количество персонала, и объем необходимого оборудования, если работать только над какой-то узкоспециализированной задачей, но все равно, это не возможно сделать совсем незаметно. В любом случае, для этого нужны большие помещения, расположенные вдали от жилых домов или даже районов. А специальные системы вентиляции и оборудование очистки, для поддержания стерильности хотя бы части помещений, выпускается только несколькими производителями, и его не купишь в строительном магазине. Поэтому, организовать такую лабораторию и не оставить следа практически невозможно. Мы перепроверили все подобные лаборатории по всему миру, которые нам были известны. Потом перепроверили все потенциальные места расположения таких лабораторий, а потом и самые невозможные варианты. Проверили всех поставщиков специального оборудования и географию их поставок за последние три года. Мои люди прочесали каждую страну, включая даже острова Микронезии и самые пустынные районы Сахары. Нигде не было такой лаборатории! Единственное место, которое мы не проверяли, потому что не было ни мыслей об этом, ни ресурса для проверки – это Северная Корея.

– Давайте посмотрим видео, из этой лаборатории, – вступил в разговор Дидьен, – И вы увидите, майор, на чем основана наша уверенность. В конечном итоге, самый неоспоримый факт – это то, что лаборатория существует на самом деле.

– Конечно, господа, для этого я сюда и прибыл, – ответил Венсан, придвигаясь ближе к экрану ноутбука, который раскрыл перед ним Жене.

Видео включилось, и несколько первых секунд показывало только серый экран, а потом скачком переключилось на изображение небольшой комнаты, и заполнилось шумом работающей аппаратуры и голосами людей. Судя по картинке, это была съемка с камеры внутреннего слежения, которая висела в углу помещения под потолком. Пол, стены и потолок комнаты были сделаны из серого бетона, и все пространство было забито шкафами с электроникой, громко гудящей и моргающей разноцветными индикаторами. На полу, на стенах и даже на потолке, лежали и висели десятки метров разных кабелей и проводов. И среди всего этого машинного и электронного хаоса, спинами к камере, напротив своих мониторов сидели четыре человека в одинаковых черных футболках.

– Внешний контроль подтверждает, что антенна выдвинута, зафиксирована штатно, и готова к ориентации. – сказал один из этих людей, самого низкого роста, как показалось Коттену.

– ОК, принял, – ответил его сосед. – Томас, запускай процедуру ориентации на спутник. До сеанса восемь минут.

Человек, сидящий ближе всех к камере, встал со своего места и принялся что-то переключать на блоках ближайшего к нему шкафа с аппаратурой, комментируя каждое нажатие кнопки словом "готов". После этого он сел за свой компьютер, и стал забивать какие-то цифры в большую таблицу на его экране.

– Опорные координаты антенны введены. Система к ориентации готова, – сказал он.

– ОК, наблюдаю вращение антенны, – снова ответил самый низкий из них, – проверить парамет...

На этом видео обрывалось.

Еще несколько мгновений в кают-компании висела тишина, нарушаемая только плеском воды, и Пьер Жене произнес:

– Как вы видели, Венсан, самый крайний из них вносил координаты того места, где они находятся, чтобы правильно сориентировать антенну на их спутник связи. Мы обработали изображение, и вот что нам удалось прочесть.

Он открыл новый файл, на котором было сильно увеличенное изображение монитора крайнего человека, говорившего про координаты. Экран, почти на две трети, был перекрыт стойкой аппаратуры, стоящей рядом справа, и видны были только часть интерфейса программы ориентации и первые цифры координат широты и долготы. Среди множества полей и символов, выделялись две цифры: 39 в строке широты, и 126 в строке долготы. Остальная часть координат была скрыта аппаратной стойкой.

– Что можете сказать, майор? На что обратили внимание? – спросил Дидьен, всматриваясь в лицо Коттена.

– Немного, увы. Видео не выглядит поддельным, хотя ничего в нем не подтверждает, что это та лаборатория, которую вы ищете. Помещение похоже на какой-то бетонный подвал или бункер, потому что не видно окон, и очень низкий потолок. Люди на видео говорят, как американцы, но это тоже ничего не доказывает. На самом деле, это может быть чем угодно, хоть серверной комнатой какого-нибудь Амазона, или коммерческой радиостанции. И главное, на видео нет реальных координат места, только намеки на них.

– Вы абсолютно правы, майор. – улыбнулся Дидьен. – Все тоже самое я говорил месье Жене, и он сумел меня убедить, что это та самая лаборатория, и что она находится именно там, где он говорит. Пьер, повтори свои аргументы Венсану.

– Значит так, хм..., – Пьер Жене откашлялся и продолжил. – То, что это действительно та лаборатория, я убежден по совокупности фактов и факторов. Во-первых, данные мы получили от нашего проверенного агента, а не скачали с ЮТуба. Во-вторых, вместе с видео удалось восстановить список персонала, и это не какие-то случайные люди, а известные нам американские ученые, и сотрудники Ромер Медикал, за деятельностью которых мы наблюдаем. В-третьих, схема пожарной эвакуации показала нам, что здание действительно является каким-то подземным бункером, как вы правильно заметили, Венсан. И последнее, пожалуй самое главное – координаты! Под эти данные могло попасть очень много мест по обе стороны экватора, и мы проверили их все.

– Признаюсь, – немного задумчиво сказал Жене. – Первым делом, я и сам предположил, что это где-то в Калифорнии. Но в районе этих координат нет ничего, кроме воды, ближайшая суша в тридцати километрах. Бесконечные десятки и сотни миль воды во все стороны. Мы даже предполагали, что это могла бы быть плавучая лаборатория на каком-нибудь большом корабле. Но это технически очень сложно осуществить, а уж бетонные стены помещения на корабле совсем обнуляли такую теорию. Если же рассматривать эти координаты с привязкой к южному полушарию, – ткнул он пальцем в карту мира, висящую на стене. – То это могла быть южная оконечность Австралии, или район Тасманских островов. Но ничего похожего в тех районах мы не нашли, а искали мы очень тщательно. И в итоге, остался только один район с такими координатами, который мы не могли тщательно проверить – Северная Корея.

– Поверьте, Венсан, – продолжил Жене. – К версии с Кореей я сам относился наиболее критично, и пытался всячески ее опровергать. Но чем больше я старался, тем больше был уверен, что это единственный верный вариант.

– Хорошо, господа, – встряхнувшись ответил Коттен, – Я не до конца убежден вами, но допустим, что альтернативы этой версии не существует. Однако, Северная Корея – это не

маленькая деревня в Африке, а целая страна. И такие приблизительные координаты, очевидно, занимают немалый ее кусок. Где именно вы предполагаете ее искать и как?

– Действительно, этот вопрос оказался проблемой, – нахмурившись ответил Пьер Жене. – Северная Корея одно из самых закрытых государств в мире, и традиционными способами получить нужную нам информацию невозможно. Мои связи в разведслужбах тоже ничего не дали, потому что ни Франция, ни другие европейские страны, не занимаются разведкой этой территории. У нас и у НАТО даже нет специалистов такого профиля. Нужные нам данные, наверняка, есть у Американцев, но попытки получить такую информацию тут же их насторожат. Я уверен, что это дело находится под контролем ЦРУ, и любые запросы по этому региону вызовут ненужную реакцию с их стороны. Еще Израиль следит за Северной Кореей, потому что корейцы тесно сотрудничают с Ираном. Но израильяне так же используют информацию, получаемую от Американцев, и находятся у них под колпаком. Наш интерес к этой теме, даже через Тель-Авив, так же заставит их реагировать.

– Может это даже к лучшему? – произнес Коттен. – Если бы они забеспокоились, что кто-то ищет именно то и именно там, они бы свернулись в Корею и переехали в другое, скорее всего, более доступное для нас место.

– Увы, майор, – ответил Дидьен. – Так как в этот проект включены ЦРУ, АНБ и другие государственные структуры США на самом высоком уровне, они сначала заинтересуются теми, кто ищет их лабораторию, а не кинутся сворачивать ее. Тем более, что они ее так искусно спрятали. А нам, ни в коем случае, нельзя засветиться и показать свой интерес, потому что тягаться со всей госструктурой США нам не по силам. Особенно, принимая во внимание то, что все правительство Франции и Евросоюза у них на коротком поводке. Они уничтожат нас за неделю, и никто даже не заикнется об этом. Поэтому, мы должны действовать максимально тайно.

– И как же в этом случае вы будете искать лабораторию, если вся разведывательная информация под колпаком у Американцев?

– Действительно, Пьер! – сказал Дидьен. – Ты мне уже вторую неделю обещаешь ответить на этот вопрос. Как будем решать эту проблему?

– У меня есть план, друзья. Я думаю, хороший план, – сказал Жене. – Очень сильные разведчики по этому направлению есть у русских. Они много раз переигрывали даже американцев, и у них есть специалисты нужного нам профиля. Вчера мне передали данные по одному человеку, которого мы можем попытаться, скажем так, уговорить поработать на нас. Поэтому, завтра я лечу в Москву, чтобы лично этим заняться. После этого, я передам его в твоё распоряжение, Венсан, чтобы он под твоим контролем занимался поиском этой лаборатории. Я уверен, так будет и быстрее, и безопаснее.

– Как неожиданно, Пьер! – восторженно сказал Дидьен. – Ты, как всегда, меня удивил. Русский разведчик – какой нестандартный ход. Если это действительно тот человек, что нам нужен, договорись с ним обязательно, любой ценой! И возьми с собой Клару, она очень тебе в этом поможет.

– Благодарю, Патрик, – с довольной улыбкой ответил Пьер. – Я как раз собирался просить у вас отпустить ее со мной.

– Вот и отлично! Обставь это, как официальную проверку нашего представительства, чтоб они там не задавали ненужные вопросы, особенно друг другу. Да и встряска им давно не помешает, а то уже совсем расслабились за время карантина. Можете вместе с Klarой устроить кому-нибудь хорошую выволочку, для демонстрации серьезности наших претензий, – ухмыльнулся Дидьен.

– А какова вероятность, что этот русский именно тот, кто нам нужен, и что он согласится с нами сотрудничать? – спросил Коттен, скептически глядя на восторг Дидьена.

– Я понимаю твою озабоченность, Венсан. Операция в Северной Корее – это не прогулка по Парижу, поэтому мы обеспечим тебя самой достоверной информацией в том объеме, в каком это будет необходимо, и в принципе возможно, – сказал Жене. – Я сделаю все возможное и невозможное, чтобы этот человек работал на нас, и я верю в успех. А то, что он именно тот, кто нам нужен, нет никаких сомнений, так как мои источники информации самые надежные.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Коттен.

– Хорошо, майор. Тогда перейдем к обсуждению этапов предстоящей операции, чтобы согласовать основные вопросы и бюджет, – открывая блокнот, сказал Жене. – Вы подумали над тем, как можно будет попасть на территорию Северной Кореи, и какая команда вам понадобится.

– Конечно. После вашего первого обращения я неделю прорабатывал варианты, и в итоге склоняюсь к двум из всех возможных, но окончательно решу только тогда, когда узнаю точное месторасположение лаборатории.

– И что это за варианты? – спросил Жене.

Коттен достал из сумки свои записи, развернул несколько листов с картами и схемами, и продолжил:

– Вообще-то, попасть в Северную Корею не так уж много способов. Официально можно заехать как турист, но получить визу, быстрее чем за полгода, не получится, если вообще получится. При этом, организовать группу, да еще получить необходимое снаряжение и оружие, будет вряд ли возможно. Не та страна, для черного рынка вооружений. Да и регулярных авиарейсов у них почти нет. Поэтому остается три, равнозначно сложных, но теоретически возможных пути. Первый – тайно перейти границу и демилитаризованную зону со стороны Южной Кореи. Второй – морем проникнуть на их территорию со стороны Китая или Японии, в зависимости от расположения объекта. Нужно придумать как добираться до берега и высаживать десант, но это уже детали. Третий – по воздуху, на самолете пересекать границу Северян, а потом прыгать над их территорией.

– И к чему же вы склоняетесь, майор? – спросил Дидьен.

– Я еще не решил, – ответил майор. – Это будет зависеть от очень многих факторов, и их понимание придет только тогда, когда мы получим точные координаты объекта. Единственное, что можно сказать наверняка – если объект находится в глубине страны, то придется лететь по воздуху. Иначе до лаборатории не добраться незамеченными.

– Не понимаю, майор. Если вы говорите, что у них нет ни своих рейсов, ни международных, ни транзитных, на чем же вы полетите туда? – спросил Жене.

– А вот здесь, как раз, много вариантов, – ответил Венсан. – Можно взять любой легкомоторный самолет или вертолет, и попытаться пройти их ПВО ниже уровня радаров. Можно зафрахтовать какой-нибудь чартер, и ошибочно, вроде как случайно отклониться от курса. И пока они не начнут стрелять ракетами, прыгнуть над их территорией, а самолет сразу же уйдет из их зоны контроля. Можно даже, в конце концов, под видом каких-нибудь террористов, угнать любой транзитный гражданский лайнер. Японский, например, и немного залететь на нем в Корею. Это будет намного сложнее и существенно дороже, но зато более правдоподобно.

– Но ведь они могут сбить самолет! – беспокойно воскликнул Дидьен. – Все еще помнят несчастный малазийский Боинг.

– Вам важен результат, месье, или то, какие заголовки будут в новостях? – холодно спросил Коттен, глядя в глаза пожилому президенту Зенери Фарм.

– Конечно результат, майор. Конечно. Но все же..., – Дидьен не нашел слов для продолжения и замолчал, ссутулившись в своем кресле. При этом, он даже стал выглядеть немного старше, осознав всю серьезность намерений Коттена.

– Я понимаю ваши опасения, поэтому повторяюсь, что еще не решил, как именно мы это сделаем. Тем более, мне пока не хватает точных данных, чтобы я мог подробно обсудить все это со своими специалистами, – постарался смягчить паузу майор. – В любом случае, это не первостепенный вопрос. Самое главное сейчас – согласовать все бюджетные вопросы и начать подготовку.

– Правильно, Венсан, давай обсудим бюджет. Уверен, что остальные вопросы мы решим позже, – сказал Пьер. – Сколько по твоим расчетам это будет нам стоить?

– За всю работу я возьму девять миллионов долларов. Вы понимаете, что это не Ангола и не Кения, и за меньший гонорар такую операцию организовать невозможно.

– Хорошо, это приемлемо, – ответил Жене, кивком подтвердив Дидьену, что учитывал такие суммы.

– Завтра переведете деньги на мой счет в Первом Карибском банке на Британских Виргинских островах, – продолжил Коттен. – Со своими людьми я расплачусь самостоятельно, когда определюсь с полным составом группы. Кроме этого, мне понадобится дополнительный анонимный счет на три миллиона долларов в Ситибанке, с которого я могу снимать наличность в любой стране. Он мне будет нужен для расчета со своими подрядчиками за оружие, обеспечение и сопровождение. Этим счетом я намерен воспользоваться уже завтра.

– ОК, Венсан, это мы тоже оперативно организуем. – ответил Пьер, делая записи в своем блокноте.

– А так же, вы должны быть готовы по первому требованию оплатить расходы на транспорт, каким бы вариантом мы не воспользовались. Здесь пока ничего не определено, поэтому порядок цифр может быть любой, как и способ оплаты.

– Хорошо, Венсан, договорились, – ответил Жене. – Все это мы организуем в течение суток, и передадим тебе все данные. Проблем, быть не должно. Ты знаешь как мы работаем.

Пьер ощутимо расслабился, услышав от Коттена суммы, не выходящие за рамки бюджета, который он предполагал. Откинувшись на спинку дивана, он решил немного сменить направление беседы, чтобы взбодрить Дидьена, еще выглядевшего озабоченным.

– А теперь расскажи, что ты решил по поводу своей команды, Венсан?

– Учитывая то, куда мы отправляемся, группа будет небольшая, максимум шесть-семь человек. Я отобрал самых лучших и самых проверенных. Лишних вопросов никто задавать не будет, и не будет никаких ниточек с вами, если что-то пойдет не так.

– Это действительно важно для нас, майор, – сказал Дидьен, снова включившись в разговор. – А что вы решили по поводу нашей просьбы включить в группу лабораторного специалиста.

– Ваш специалист мне не понадобится. У меня есть такой человек, – уверенно заявил Коттен. – У него медицинский диплом, четыре года практики в хирургии и опыт работы лаборантом. Он наверняка среди всех пробирок сможет отыскать именно то, что вам нужно. А для меня главное то, что он отличный боец!

– Они все французы? Ваши бывшие сослуживцы?

– Нет, у меня сборная команда. Главное – они лучшие в своем деле. И французы среди них тоже есть.

– Спасибо, Венсан. Я знал что мы можем полностью на тебя положиться, и ты не подведешь, – сказал Жене. – Если потребуется, мы готовы организовать для твоего специалиста специальную экскурсию в лабораторию, чтобы потренироваться, так сказать.

– Этого не потребуется, месье Жене, – ответил Коттен. – Тем более, что я не хочу засвечивать своих людей. А вот что мне действительно очень нужно – это ваш русский, на которого вы делаете ставку. На среду я планирую заезд на временную опорную базу в Литве, где мы

сможем подготовиться к операции без лишних глаз. И мне нужно, чтобы не позднее пятницы он был у меня.

– ОК! Я сделаю все возможное и невозможное. Не переживайте, майор, – ответил Жене. – А почему для базы вы выбрали Литву, а не что-то ближе к Корее?

– Вообще-то, Литва ближе к Корее, чем Франция, – решил пошутить Венсан, широко улыбнувшись.

– А если серьезно, то нигде рядом с Кореей базу организовать в принципе не получится. Группа белых мужчин, да еще и с оружием, в любой из близлежащих стран будет привлекать внимание, не смотря на всю конспирацию. Особенно сейчас, когда почти везде в том регионе все еще действуют жесткие пандемийные ограничения. Некоторые страны до сих пор не открыли границы, и туда никак не попасть. А в Литве сейчас никто не задает лишних вопросов, потому что они живут за счет военных НАТО, которые дислоцируются по всей стране. Плюс к этому, сейчас у них там готовятся несколько боевых групп из Польши, чтобы поддержать протесты на президентских выборах в Беларуси. Мы замаскируемся под одну из таких групп, и не будем отвешивать. И с обеспечением там намного проще, чем в Азии.

– Ну хорошо, Венсан, – сказал Пьер. – Я постараюсь в ближайшие дни решить все вопросы с разведчиком, и сразу же отправлю его к тебе. Будь на связи, чтобы мы организовали всю логистику. По всем остальным вопросам держи связь только со мной. В этот раз никаких коммуникаций через моих помощников не будет. Только через меня!

– Хорошо, я понял.

– И еще! На следующей неделе я постараюсь заехать к тебе на базу, чтобы утрясти некоторые детали.

Мимо них, встречным курсом, промчалась небольшая парусная яхта, и только сейчас Дидьен заметил, что они уже давно повернули к берегу, и движение вокруг стало более интенсивным. За таким непростым разговором несколько часов пролетели незаметно, и на горизонте, вместо бескрайних морских просторов, уже виднелись пляжи Марселя. А слева по курсу высились скалистые Фриульские острова, со знаменитым замком Иф. Пьер Жене и майор Коттен еще уточняли какие-то детали, склонившись друг к другу и делая пометки в своих бумагах. Но Патрика Дидьена уже больше волновала мысль о том, что они ввязались в слишком серьезную для них игру, которая, возможно, будет им не по силам, и может стоить ему не только потери бизнеса и всего состояния, но даже и жизни. Он налил себе еще хереса, и дружелюбно кивнув своим занятым собеседникам, поднялся на верхнюю палубу. Стоя рядом с капитаном, рассматривая море и смакуя его соленый аромат, смешанный со вкусом любимого вина, он пытался отогнать от себя эти дурные мысли. Раньше это всегда срабатывало, и в этот раз он надеялся, что получится и сейчас.

В порту Марселя майор Коттен сухо распрощался с Дидьеном и Жене, быстро сел в такси и укатил в неизвестном направлении. А они, сев в личный самолет президента Зенери Фарм, к вечеру долетели до Парижа. Все три часа полета Дидьен высказывал свои сомнения по поводу их затеи, но Жене всегда убеждал его в обратном. И самым ощутимым аргументом было то, что все затраты на данную операцию составляли лишь малую долю тех огромных денег, которые Зенери Фарм ежегодно тратит на исследования, и почти всегда безрезультатно. Поэтому, даже если операция в Корее по какой-либо причине провалится, они потеряют бюджет максимум одного месяца исследований. А других издержек быть не должно, так как никто и никак из исполнителей не будет связан с корпорацией. Ну, а если все получится, то они, почти что даром, получат такой революционный препарат, который перевернет весь мир. После этого Дидьен наконец успокоился.

Следующим утром, в новейшем аэробусе Эйр Франс, Патрик Жене вместе с Кларой Марсен летел в Москву. Официально, Клара была штатным психологом HR департамента Зенери Фарм. Неофициально, она была личным помощником Патрика Дидьена и его живым детектором лжи. Кроме своего профессионального образования и громадного практического опыта работы психологом, Клара владела уникальным даром буквально читать мысли людей. По выражению их лиц, по интонации голоса, по позам и движениям, она могла не только легко определить, лжет человек или нет, но даже угадать, о чем он думает в этот момент. И сейчас, уединившись в салоне первого класса, они перечитывали все данные, которые были у Пьера на русского кандидата. Используя эту, с огромным трудом и за огромные деньги, добытую информацию, Клара прямо на ходу составила первоначальный психологический портрет этого человека, и уже набрасывала себе список тем и вопросов, которые по ее мнению должны были заставить его нервничать и ошибаться. Как всегда, она рассчитывала вывести человека из равновесия, что позволит найти его болевые точки, давая на которые они склонят его работать на них.

– Я думаю, что это будет не очень сложно и не затратно по времени, Пьер, – улыбаясь, сказала она Жене, откладывая в сторону папку с бумагами. – Вы же дадите мне время погулять по Москве, может заглянуть в пару-тройку магазинов. Я ведь ни разу не была в России! Представляете, Пьер, ни разу.

Клара была тайным козырем Патрика Дидьена, и он всегда брал ее с собой на важные деловые переговоры в качестве секретаря, чтобы она условными знаками подсказывала ему намерения противной стороны. Много раз она выручала его своими подсказками, и он никогда не жалел тех денег, которые тратил на нее и ее странные прихоти. Однажды убедив себя, что у каждого одаренного человека может быть любая странность, уравновешивающая его талант, Патрик перестал обращать на это внимание, просто оплачивая все, невзирая на суммы. Но это стало дополнительной проблемой Пьера Жене.

Странностью Клары было воровство в магазинах. Посещая фешенебельные брендовые бутики, или маленькие частные магазинчики, супермаркеты или даже аптеки, Клара везде пыталась что-нибудь украсть. Зачастую, это была какая-то дешевая безделушка, но иногда она воровала вещи подороже перчаток и духов. Несколько раз она даже похищала драгоценности в ювелирных магазинах. Почти всегда это обнаруживалось, за чем неминуемо следовал скандал и разбирательство с персоналом, учиняемые самой Кларой. Ведь именно этого она добивалась, пытаясь выкрутиться из проблемы, используя свое профессиональное мастерство первоклассного психолога. Именно этот процесс доставлял ей истинное удовольствие.

Поэтому, за семнадцать лет работы Клары у Патрика Дидьена, Жене занимался решением возникающих при этом проблем. Со всеми магазинами, ресторанами и даже жандармами в районе офиса Ромер Медикал и квартиры Клары, где она чаще всего "развлекалась", Жене уже решил все вопросы, щедро заплатив всем за молчание и гарантируя тройную компенсацию за все похищенные товары. Но в других местах, а особенно за границей, это было совсем не просто. Приходилось постоянно приставлять к ней человека, который незаметно следил за ней, и если требовалось – вмешивался, пытаясь "нейтрализовать" Клару до совершения кражи. А уж если не получалось, то всячески договориться и откупиться от проблемы. Самым главным, было не допустить огласки, потому что это очень серьезно ударило бы по Дидьену и по всей корпорации.

Вот и сейчас, услышав от нее пожелание пройтись по магазинам, Пьер внутренне напрягся, обдумывая, как в такой непонятной для него стране, как Россия, решать специфические проблемы и не допустить огласки. Придется отвлечь на это нескольких агентов, а у него и так очень мало людей для осуществления задуманного плана. Значит, нужно будет привлекать местный непроверенный персонал, чего Жене очень не любил, и из-за этого напрягался еще больше. Впрочем, без Клары у него было мало шансов получить русского агента в свои руки, а значит придется включить развлечения Клары в общий план действий. Сделав в уме пометку о том, что по прилету в Москву нужно будет дать распоряжения своим людям на этот счет, Пьер постарался расслабиться.

– Конечно, Клара. Я уверен, что мы сможем выделить немного времени для твоего похода по магазинам. Наверняка у них есть, что-то интересное, чего ты еще не встречала.

– Спасибо, Пьер. – сказала Клара, обворожительно улыбнувшись.

– Я даже постараюсь выделить тебе в помощь человека, чтобы он переводил с русского и помогал ориентироваться в городе, – предложил Пьер, уже прикидывая кого из своих людей приставить к Кларе в этот раз.

– О, это было бы просто супер, Пьер. Из русского я знаю только "Спасибо" и "Путин", – хихикнула она.

– Ну и прекрасно, – ответил Жене. – А сейчас давай еще раз пройдемся по досье этого Юрия.

Глава 11

Москва, Россия, 16.06.2020

Судьба нередко подкидывала Юрию сюрпризы, и не всегда приятные. Поэтому он, в некотором смысле, считал себя "тертым калачом", способным справиться с любыми трудностями. Однако, та ситуация в которой он оказался к началу лета двадцатого года, всерьез поколебала его чувство уверенности в своих силах. Казалось, буквально шесть-семь лет назад, все были уверены в том, что Юрия Фадеева ждет блестящее будущее. Будучи выходцем из обычной Ярославской семьи, где папа работал простым инженером на судостроительном заводе, а мама инспектором отдела кадров в аэропорту Ярославля, он сумел сам, без протекций, поступить в престижный МГИМО. А после его окончания, с отличием, получил предложение от министерства иностранных дел, и сразу же попал на консульскую работу за границу. Карьера, молодая красавица жена, перспективы. Но обстоятельства сложились иначе! Всего одно происшествие на службе, и он лишился всего: из МИДа уволили, жена бросила, устроиться на работу по специальности не было никакой возможности. И будущее окрасилось в гнетущие темные тона.

Но он никогда не унывал, и работал везде, где мог – переводчиком, репетитором, помощником юриста, менеджером по продажам, даже администратором в гостинице. В этой своей новой жизни он встретил свою настоящую любовь, и обзавелся семьей. Жизнь стала налаживаться. Осенью 2019 года, с двумя давними приятелями, Юрий открыл собственную фирму – международный таможенный брокер, где они работали все вместе. Там он сумел, наконец-то, использовать и опыт работы в консульстве и свои обширные знания, полученные в МГИМО. Решился, и в ипотеку купил квартиру в Новых Черемушках, и вновь стал думать о будущем в радужных тонах. Видимо, в этот момент судьба решила, что жизнь Юрия становится слишком скучной и однообразной, и подбросила ему очередной сюрприз.

Грянула пандемия, границы закрылись, никакие грузы не ввозились и не вывозились из страны. Для новой фирмы Юрия Фадеева, только что заключившей несколько контрактов и начинавшей вставать на ноги, это стало настоящей катастрофой. Работы в одночасье не стало, денег не было, а его товарищи, которых он искренне считал друзьями, быстро вышли из бизнеса, забрав свои доли и даже часть мебели из офиса, оставив Юрия один на один с проблемами. С трудом, в условиях начинающегося карантина, он сумел "заморозить" фирму, распродал остатки офисного барахла и закрылся с семьей в квартире, прячась от страшного коронавируса. Если бы не заработок жены, работавшей логопедом в интернате для детей с отклонениями, и не дополнительные субсидии государства на детей, которые они получали на ее сына от первого брака, они не смогли бы ни прокормить себя, ни тем более платить по ипотечным долгам.

Юрий пытался всеми силами поддержать семью, опять занявшись переводами и онлайн преподаванием английского, но таких как он, в эти карантинные месяцы, было полно, и зарабатывать не особо получалось. Как выяснилось, даже в такси или курьером на доставку еды, устроиться было невозможно. В июне ограничения стали снимать, рынок стал оживать, но границы оставались закрыты и работы для фирмы Юрия все ещё не было. Как не было ее и у множества других компаний. Безработица не отпускала его из своих цепких лап. Никаких подходящих вакансий нигде не появлялось, откликов на резюме тоже не было ни одного, и он уже был на грани отчаяния, готовый пойти простым работником в ближайшую автомойку, когда раздался этот неожиданный звонок.

– Юрий Николаевич, здравствуйте. Меня зовут Ирина, я специалист по подбору персонала компании Зенери Фарм Рус. Мы увидели ваше резюме. Вам еще актуальна тема поиска работы?

– Да, я еще рассматриваю предложения, – максимально спокойно постарался ответить Фадеев, хотя сердце уже бешено колотилось.

– У нас открылась вакансия специалиста по государственной регистрации лекарственных препаратов, и ваши скилы нам показались подходящими. Вам была бы интересна такая вакансия?

Первой у Юрия промелькнула мысль – "сколько денег?", но он тут же отогнал ее, боясь ляпнуть это вслух, и отпугнуть потенциального работодателя. А сосредоточился на том, чтобы показать себя максимально компетентным. Никогда в своей жизни он не имел дела с фармацевтикой, и не представлял себе, что такое регистрация лекарств. Но приставка Рус в названии компании говорила, что это западная структура, и платить там должны хорошо. А уж слово государственная, означала нашу чиновничью бюрократию, а с этим он точно умел работать.

– Непосредственно в этой должности я не работал, – сказал он очень ровно. – Однако, у меня богатый и результативный опыт работы с государственными структурами, и ваша вакансия мне будет интересна.

– Отлично, Юрий Николаевич. Вы можете проходить собеседование на английском языке?

– Да, конечно. У меня свободный уровень владения английским.

– Отлично, – так же машинально ответила специалист Ирина, очевидно помечая что-то в своем перечне вопросов. – Завтра в 12.00 вам было бы удобно пройти собеседование?

"Конечно же", – хотелось выкрикнуть Юрию, который уже начал вырываться из паутины отчаяния. Но взяв себя в руки он спокойно произнес: – подскажите Ирина, где находится ваш офис, чтобы я мог распланировать свой завтрашний график?

– Тверская улица, дом 22. Здание гостиницы "Интерконтиненталь". В 12.00 вам будет удобно?

– Да, конечно, я буду вовремя, – сделав небольшую паузу, будто распределяет свой график встреч, ответил Юрий.

– Отлично, – опять как робот ответила девушка. – Юрий Николаевич, ждем вас завтра в 12.00 в нашем офисе. С собой обязательно возьмите паспорт и трудовую книжку. На ресепшн скажете, что вы на собеседование к Ирине Аверьяновой. До свидания.

Весь вечер и половину ночи Фадеев просидел за компьютером, изучая все, что есть в интернете про Зенери Фарм, и про государственную регистрацию лекарственных препаратов. Когда у него, от обилия информации и незнакомых терминов, уже начала кружиться голова, а внутренний голос настойчиво стал его уговаривать не ввязываться в эту авантюру, он пошел спать. Все это было вчера. А сегодня, в своем лучшем парадном костюме, он уже полчаса прогуливался по Пушкинской площади, наслаждаясь июньским солнцем и собираясь с мыслями перед предстоящим интервью.

Ровно в 11.50 он зашел в офис Зенери Фарм, представился секретарю и присел на диванчик ожидать встречи. Офис выглядел современно и роскошно. Высоченные потолки, футуристические светильники, живые растения, стены кабинетов, сделанные из зеленого матового стекла, и дорогие ковры на полу. За спиной секретарей был встроен огромный аквариум, в котором плавали крупные золотые рыбы. Редкие сотрудники, пробежавшие по коридору, ступали по коврам совершенно бесшумно, и во всем офисе висела почти абсолютная тишина. Юрию показалось, что лица у всех увиденных им сотрудников, выглядели несколько напряженными. И пока он раздумывал над тем, всегда ли они такие, или сегодня особенный день, к нему подошла девушка, на вид чуть старше двадцати, которая так же напряженно улыбнулась, представилась Ириной и повела его за собой. Пройдя несколько поворотов по коридору, на стенах которого висели красивые картины, девушка завела его в одну из стеклянных комнат, усадила за стол, на котором стояли бутылки минеральной воды, сказала "ожидайте здесь, сейчас к вам придут" и, с видимым облегчением на лице, почти выбежала назад в коридор. Такое поведение удивило Юрия, но он заставил себя расслабиться, готовясь к собеседованию.

Через пару минут в кабинет вошла высокая брюнетка в синем классическом платье, выпирающие скулы которой подчеркивали дорогую пластику ее лица. А следом за ней прошла блондинка в строгом сером костюме, ростом пониже, а возрастом постарше. Брюнетка была заметно напряжена, а блондинка, напротив, выглядела очень расслабленно.

– Здравствуйте, Юрий Николаевич, – сказала брюнетка, садясь за стол напротив него. – Меня зовут Анастасия Капп, я директор по персоналу российского представительства Зенери Фарм, и буду проводить с вами интервью. Напоминаю, что интервью будет на английском языке. А это Клара Марсен, представитель головной компании из Парижа. Она будет присутствовать на интервью.

– Бонжур, – сказала блондинка, и протянула ему руку для рукопожатия.

Юрий привстал, пожал руку сначала блондинке Кларе, потом брюнетке Анастасии, которая явно не ожидала от него такого поступка, сел и ещё раз постарался расслабиться, понимая что легкого собеседования не будет.

Анастасия разложила перед собой резюме Фадеева, передала копию Кларе, и сразу на английском начала разговор.

– Для начала, Юрий, расскажите о своем последнем месте работы, и назовите причину, почему вы покинули его.

– Моим последним местом работы была компания BLS – Брокер Лоджистик Сервис, где я был совладельцем бизнеса, и исполнял обязанности генерального директора. Говоря по суще-

ству, я все еще числюсь генеральным в этой компании, хотя ее деятельность мы вынужденно свернули, из-за пандемии и закрытых границ. Поэтому я ищу новую работу, где смогу эффективно применить все свои навыки и немалый опыт работы с государственными структурами.

– Так вы еще официально трудоустроены? – нахмутив брови сказала Анастасия.

– Да.

– И как быстро вы сможете завершить эту деятельность и официально уволиться?

– Это не будет проблемой. Если потребуется, приказ о своем увольнении и запись в трудовую я могу внести хоть сегодня.

– Хорошо. Тогда расскажите, каким был круг ваших обязанностей, ваши достижения и неудачи, – произнесла Анастасия, сделав какие-то пометки в его резюме.

– Наша компания была совсем небольшой, всего три человека. И кроме обязанностей непосредственно Генерального директора, я занимался там почти всем. Вёл переговоры с потенциальными клиентами и заключал договоры. По заказам наших клиентов, осуществлял сопровождение грузов. Еще у нас был свой логистический подрядчик, и коммуникации с ним тоже были на мне. Ну и главное – я проводил таможенную очистку товаров, так как это самая трудоемкая часть всей работы. Нужно собрать невероятное количество документов на грузы, получить лицензии и сертификаты, заполнить огромное количество бланков и форм, и в конечном итоге отстоять очередь на таможне, чтобы сдать все эти бумаги. Если кратко обобщить, то я занимался сокращением издержек клиентов на общение с бюрократическим аппаратом. Коммерсанты это очень не любят.

– Понятно. И какие достижения и неудачи вы можете привести в пример?

Юрий ненадолго задумался, взглянул в глаза обеим женщинам и решил ничего не выдумывать, а говорить так как есть.

– Самым большим своим достижением я считаю то, что из пяти заказов наших двух клиентов, мы без каких-либо проволочек и дополнительных издержек, своевременно доставили и растаможили все пять. Это были два больших груза из Китая, и три груза из Европы, а именно из Германии. А самой большой неудачей я считаю то, что мы не смогли предугадать наступления пандемии и последующих ограничений, которые в конечном итоге и убили наш бизнес.

– Пандемию не смог предугадать никто, – с пониманием ответила Анастасия. – У нас тоже были серьезные трудности с импортом товара, которые мы еще не до конца смогли преодолеть. Конечно жаль, что ваш бизнес не перенес ограничений, но зато вы здесь, и у вас есть шанс получить работу в одной из крупнейших фармацевтических компаний.

– Спасибо, я тоже на это надеюсь, – с искренней улыбкой ответил Фадеев.

– А теперь, Юрий, расскажите про предыдущее место работы, до вашей собственной фирмы.

– Минутку, – прервала разговор Анастасии француженка. – У меня есть один вопрос. А чем занимались два ваших партнера в вашей фирме, если у вас был такой широкий круг обязанностей?

От взгляда Фадеева не скрылось то, как сильно напряглась местная директриса, когда француженка вклинилась в разговор. Она даже руки убрала под стол. Изначально было понятно, что она здесь со стороны головного офиса компании, а значит из начальства. Но такая реакция явно дала ему понять, что он присутствует как минимум на экзамене, который сдает Анастасия, а Юрий всего лишь ее экзаменационный "билет".

– Один мой партнер занимался финансами, фактически вел всю бухгалтерию. А второй партнер решал все офисные задачи, но в большей степени отвечал за ИТ сопровождение. В принципе, обязанностей у всех было немало.

– Спасибо, Юрий, – ответила Клара. – Скажите, а что вы знаете о нашей компании?

– Признаться, не очень много, – смущенно улыбнулся Фадеев. – Лишь то, что можно узнать из открытых источников. Знаю, что основателем вашей компании был Артур Дидьен, а его сын Патрик Дидьен руководит ею сейчас. У вас очень обширный портфель лекарственных препаратов, которые вы сами разрабатываете и производите. У компании более восьмидесяти представительств по всему миру, и вы входите в десятку крупнейших фармацевтических компаний мира. Увы, но до вчерашнего дня я практически не соприкасался с фармацевтическим рынком, и это почти все, что я смог узнать, кроме непосредственно огромного списка ваших препаратов.

– Похвально, месье Фадеев, – как добрая учительница сказала Клара. – Даже во Франции мало кто знает имя основателя компании. Похвально!

– Продолжайте, Анастасия, – добавила она следом, – извините что вмешалась.

– Все хорошо, мадам Марсен, – скомкано выдавила из себя персональщица, и на несколько мгновений замолчала уставившись в резюме Фадеева.

– Мое предыдущее место работы – Министерство иностранных дел, – прервал паузу Юрий.

– Ах, да, – сказала она очнувшись. – Скажите, Юрий, у вас высшее образование, диплом МГИМО, а вы выбрали для своего бизнеса направление логистики и таможни. Почему?

– Во-первых, потому что именно это направление было основным профилем моей учебы в МГИМО. Ведь этот институт готовит не только послов и журналистов, там много профессий. Просто на старших курсах была стажировка в МИДе, и меня направили департамент экономического сотрудничества, который занимается именно внешнеэкономической проблематикой. Там был великолепный коллектив, который заботливо меня принял. Коллеги объясняли всю специфику их работы, и даже допускали меня к настоящим делам, а не только разносить бумаги между отделами. И после выпуска я распределился на службу именно в ДЭС. А чтобы эффективно заниматься всеми внешнеэкономическими вопросами, нужно самому быть профессионалом в этой отрасли, к чему я и стремился. Поэтому, когда я завершил государственную службу и пошел на вольные хлеба, так сказать, то решил продолжить заниматься именно тем, что умею лучше всего.

– Я вижу вы проработали в МИДе чуть более трех лет, с июля 2011 до ноября 2014. Почему ушли с этой работы?

Это был сложный вопрос на всех собеседованиях, на который ему приходилось отвечать. И все потому, что в ответ на него он никогда не мог сказать правду, и вынужден был использовать выдуманную историю. Хотя, за несколько лет поиска работы и огромного количества собеседований, он отшлифовал ее до совершенства и повторил столько раз, что уже не испытывал никаких угрызений совести, произнося ее вновь. Как казалось Юрию, она подходила абсолютно для всех кадровых служб, затрагивая струны любой человеческой души, хотя бы единожды в своей жизни столкнувшейся с несправедливостью. А главное, ее правдоподобность было невозможно проверить, потому что МИД не делился ни с кем внутренней служебной информацией.

– Распределение в МИД и в ДЭС мне объявили еще за несколько дней до вручения диплома МГИМО, это привилегия выпускников красnodипломников. На следующий день я подписал контракт государственного служащего на пять лет, и сразу вышел на работу. Службу в департаменте начал в отделе по странам СНГ, и уже через четыре месяца был назначен заместителем начальника отдела, из-за чего у меня начались трения с одним коллегой, который тоже метил на это место. Он поступил на службу на год раньше меня, но не смотря на то, что его папа тоже служил в министерстве, из-за нескольких серьезных ошибок получил взыскание непосредственно от первого заместителя Лаврова, и поэтому на должность утвердили меня. Его это очень задело и, будучи в моем подчинении, он стал мелко вредить, затягивая

согласование некоторых важных документов, распускать разные лживые слухи, обсуждать с другими подчиненными мою работу и тому подобное. Я сумел справиться с этой ситуацией, и мы в принципе научились работать вместе, но напряжение между нами всегда оставалось. Иногда это выливалось в серьезную конфронтацию, которая становилась предметом обсуждений у начальства. В конечном итоге, его отец сумел устроить ему перевод на должность заместителя в другом отделе департамента.

Фадеев остановился и сделал пару глотков воды. Потом глубоко вздохнул, пытаясь показать, что ему нелегко вновь вспоминать этот эпизод жизни и продолжил.

– А дальше, у нас в департаменте прошла реорганизация, итогом которой стало слияние нескольких отделов ДЭСа в одно большое управление. А там, с протекцией своего папы, этот человек теперь стал моим руководителем, и сразу же начал строить козни, всячески вредя моей работе. Полгода я это терпел, так как ожидал назначения на должность атташе по экономическим связям, и направления в трехлетнюю командировку в одну из стран. Но, он сумел добиться того, что меня исключили из состава этой делегации, заменив другим сотрудником, и тогда я принял решение уволиться со службы.

– Понятно, – сочувственно сказала Анастасия. – Не жаль карьеры?

– Конечно жаль, – искренне ответил Юрий. – Я к этому долго стремился, и много трудился, чтобы достичь результатов и в учебе, и на службе. Но все сложилось так, как сложилось. В конце концов, никакая карьера не стоит такого постоянного стресса.

Все время, что Юрий говорил, француженка не сводила с него глаз, как ему показалось, внимательно прислушиваясь к словам. Он даже подумал, что быть может она не разбирает его акцент, и стал тщательнее проговаривать английские слова. Но после слова «стресс», она гаденько улыбнулась, и стала что-то быстро строчить в своем блокноте, громко скрипя карандашом по бумаге. Анастасия тоже заметила это "конспектирование", но очевидно приняв это на свой счет, опять заметно напряглась и начала листать резюме Фадеева вперед и назад, выискивая что-то важное. Потом она наконец собралась с мыслями, и стала монотонно выспрашивать про все детали его МИДовской работы, и всех подработок после его увольнения. Почему пошел туда, чем там занимался, какие были успехи и какие неудачи, кто это может подтвердить и нет ли у него рекомендательных писем.

Собеседование продолжалось уже почти тридцать минут, и было заметно, что она выдыхается, повторно возвращаясь к уже заданным вопросам, но никак не может остановиться, постоянно оглядываясь на французскую начальницу. Поэтому, уловив момент, когда ее телефон завибрировал, принимая сообщение, и она на мгновение отвлеклась, переключив внимание на экран, Юрий решил перехватить инициативу.

– Если вам потребуются все подробности, Анастасия, я вам максимально подробно их расскажу позже. А сейчас, могли бы вы мне немного рассказать о вашей вакансии? Каков круг обязанностей, полномочия, какие стоят первоочередные задачи?

Бросив едва заметный взгляд на француженку, Анастасия попыталась дружелюбно улыбнуться, что у нее не очень получилось, и сказала:

– Вас интересует что-то конкретное из круга обязанностей?

– Вообще-то, мне хотелось бы узнать все возможное, так как по телефону мне не сказали никакой конкретики кроме названия должности, а на вашем сайте в разделе вакансий есть только медицинские представители.

Анастасия опять на мгновение зависла, а потом, нахмурившись, повернулась к Кларе с явным вопросом на лице. Та в ответ лишь заулыбалась, всем своим видом говоря "давай, милочка, выкручивайся сама". И у Фадеева опять на душе заскребли кошки.

Пересилив себя, брюнетка напряженно посмотрела на Юрия, и сжав в руке карандаш, которым она дела пометки, стала говорить.

– У нас открыта вакансия менеджера по регистрации лекарственных препаратов. Это новая штатная единица, которая вводится в связи с тем, что требования к регистрации значительно усложнились. Но так как у нас уже есть полностью укомплектованный отдел по регистрации, то данная вакансия пока конфиденциальна, и не публикуется нигде, чтобы не провоцировать различные кривотолки.

Она быстро глотнула воды из своего стакана, и ровным голосом, как робот, продолжила.

– Круг обязанностей стандартный. Согласно требований Минздрава, собирать всю документацию на подлежащие регистрации препараты, в том числе запрашивая их у головной компании, и передавать их в департамент на проверку. Работа не обременительная, но требующая внимательности и навыков работы с документами. Окончательный уровень дохода будет обсуждаться с успешным кандидатом. Все! – добавила она, и глотнула еще воды.

Внимательно рассмотрев Анастасию, француженка опять, с хитрым выражением лица, что-то записала в своем блокноте. От этого Фадееву стало еще больше печально, так как все очевиднее становилось, что идет фактическая проверка этой кадровички, а он здесь присутствует просто в качестве лабораторной крысы, и мечты о трудоустройстве так и останутся мечтами. Но крысы тоже умеют кусаться, поэтому он решил «показать им зубы», и подпортить аттестацию, в которую его так нагло и бесцеремонно втянули.

– Это как-то очень размыто и поверхностно. Я понимаю, что директор по персоналу не может и, наверное, не должен детально разбираться во всех бизнес процессах компании, но вы наверняка можете более точно определить хотя бы рамки заработной платы, которая у вас обсуждается с успешным кандидатом.

Француженка что-то быстро записала в своем блокноте, а Анастасия, злобно сверкнув глазами, опять взялась за его резюме.

– Тот уровень дохода, который указан в вашем резюме, Юрий, находится в рамках запланированной заработной платы.

– И все же, – не останавливался Фадеев. – Это фиксированный оклад, или есть какая-то мотивационная схема? И если есть, от чего зависит премиальная часть?

Директор по персоналу сжала зубы, так что ее скулы выделились более обычного. Но как только она открыла рот, и стала произносить первые звуки своего ответа, снова вмешалась Клара.

– Месяе Фадеев, уровень дохода на должности, о которой мы сегодня говорим, начинается от десяти тысяч Евро в месяц, и может быть существенно увеличен. Но эти вопросы, как и более детальная конкретика ваших будущих обязанностей, будет обсуждаться завтра. А сегодня, нам еще нужно разобраться в некоторых вопросах вашей биографии, так как работа подразумевает доступ к нашей конфиденциальной информации.

Юрий быстро думал. С одной стороны, упоминание про завтрашнее продолжение, плюс такой фантастический уровень дохода, давали понять, что это все же собеседование с ним, а не только внутренние проверки службы персонала. Но, с другой стороны, он уже столько

им рассказал про свои прошлые трудовые заслуги, что большего из его небольшой трудовой биографии было не выжать. И это его искренне удивило.

– И что же еще, из моей биографии вы хотели бы узнать, дамы? – обратился он к обеим сотрудницам Зенери Фарм.

Анастасия удивленно взглянула на француженку, но то ли не смогла, то ли не решилась задать вопрос Кларе, и беспокойным взглядом снова уставилась в резюме Фадеева. Мадам Марсен несколько брезгливо взглянула на нее, чуть отодвинулась от стола, и стала говорить.

– Для начала, Юрий, я бы хотела вернуться к вашей самой большой, по времени и опыту, работе в Министерстве иностранных дел. У вас в резюме указано, что вы владеете английским, итальянским и корейским языками, но работать почему-то пошли в департамент по странам СНГ. А как я знаю, в странах СНГ, где у нас тоже есть представительства, никто не говорит ни на корейском, ни на итальянском. Да и с английским, кстати, там тоже не очень.

– Здесь нет никакого секрета, – ответил Фадеев. – Все выпускники МГИМО, поступающие на службу в МИД, должны свободно владеть двумя или тремя иностранными языками. Это обязательное условие работы в МИДе, потому что большая часть работы – переводы всевозможных документов. Те из выпускников, кто владеют редкими языками, типа Пушту, Суахили или Зулу, сразу получают распределение в соответствующие департаменты и отделы. Там всегда есть вакантные места. А все, кто владеет массовыми языками, типа меня, могут получить назначение только на имеющиеся свободные должности. А в ДЭСе, когда я шел на службу, были вакансии только в отделе по странам СНГ?

– Ну, с массовым английским, понятно. Даже итальянский, в некотором роде, можно считать таковым. А вот корейский язык – я не думала, что он тоже относится к массовым. И почему вы вообще решили изучать именно этот язык?

– Да, у меня тоже был такой вопрос! – вставила свое слово Анастасия. Но Фадеев уже понял, кто реально проводит собеседование, и только скупо кивнул ей в ответ.

– Что касается массовости, то на корейском разговаривают, без малого, восемьдесят миллионов человек. А на итальянском чуть более шестидесяти миллионов. Так что корейский даже более массовый, – с улыбкой ответил Юрий. – А заинтересовался этим языком я еще в детстве, потому что у нас по соседству жил кореец. Их семейство уже несколько поколений живет в России, и ментально они уже совсем русские. Его зовут Виктор, жену Елена, а их дочку Тамара. И на русском они говорили получше некоторых коренных жителей России. А вот внутри семьи они общались на корейском, чтобы поддерживать традиции. Так как мы были соседями, а стены у нас в доме были тонкие, это всегда было слышно. А их дочка научила меня нескольким словам и фразам на корейском, например Аньенхасейо – это Здравствуйте. Им было очень приятно, когда я при встрече обращался к ним на их языке. А когда я поступил в МГИМО, и нужно было выбирать, какие языки изучать кроме английского, я конечно выбрал корейский.

– Тогда почему Итальянский?

– Сразу нужно было выбрать три языка, чтобы отсеять один, если не будет особых успехов. Я решил изучать еще один европейский язык, и хотел пойти на испанский, так как он более распространен, но свободные места на тот момент были только в группе итальянского языка. Поэтому пошел изучать его.

– Какой же язык, по вашему мнению, сложнее?

– Конечно корейский! Во-первых, это сложная письменность, которая частично заимствована из китайских иероглифов, а потом переделана под местные особенности произношения. Вдобавок, они еще разбавлены множеством японских слов. И если не освоить письменность, то язык практически нереально выучить. А во-вторых, нужно иметь хороший слух,

чтобы отличать произношение и интонации одних и тех же звуков, потому что от это влияет на смысловую нагрузку.

– Получается так, Юрий, что потратив усилия на многолетнее изучение такого сложного языка, вам он совсем не пригодился в вашей работе в СНГ? – с некоторым сочувствием в голосе, произнесла Клара.

– Почему же не пригодился? – совершенно искренне ответил Юрий, и постарался максимально непринужденно выдать очередную ложь. – Например, в Казахстане одна из самых больших корейских диаспор на территории бывшего Советского Союза. И среди них немало чиновников из правительства Казахстана. Поэтому, когда я был в командировках на экономических конференциях, и мы пересекались на посольских встречах, я старался общаться с ними на корейском, чтобы расположить к себе. Да и на последней работе переговоры с корейскими логистическими компаниями проще было проводить на их родном языке, потому что английским они владеют очень посредственно.

Конечно же, это была только подготовленная и отрепетированная легенда. На самом деле, корейский язык Фадееву понадобился совсем для другой деятельности. Сразу после успешного завершения первой летней сессии, по рекомендации куратора их курса, Юрий поступил на военную кафедру, на специализацию военного переводчика. Там он быстро проявил себя. Все преподаватели отмечали его способности и старания как на языковом направлении, так и на кафедре безопасности и обороны, на что и обратили внимание спецы из СВР. После окончания одного из занятий, в коридоре учебного корпуса к нему подошел незнакомый мужчина, представился сотрудником деканата, и попросил пройти за ним для конфиденциального разговора. В читальном зале библиотеки, где они расположились, он рассказал кто он и откуда, чем занимается его организация, и почему они предлагают Юрию поступить к ним на службу. На следующий день ему устроили небольшую закрытую экскурсию в СВР, где он побеседовал еще с несколькими людьми, и отправился обдумывать предложение. Три дня Фадеев в одиночестве «пережевывал» все увиденное и услышанное, взвешивал все за и против, и никак не мог принять окончательное решение. Спросить совета ни у кого он не мог, потому что дал подписку о неразглашении. Посещение церкви так же не принесло ему успокоения. И только случайно напоровшись на телевизионные новости, в которых сообщалось о высылке из Британии двух российских дипломатов, подозреваемых в шпионаже, Юрий решил согласиться на службу. Решил доказать, в первую очередь самому себе, что сможет служить без таких громких «проколов».

Следующие три с половиной года Фадеев фактически учился в академии СВР, а его учеба в МГИМО оставалась лишь только «легендой» для родственников, друзей и официальной публичной бюрократии. Выпустившись из академии, и одновременно получив диплом МГИМО, летом 2011 года он был назначен на официальную «бумажную» должность специалиста в департаменте экономического сотрудничества МИДа. А уже в сентябре, в качестве нового сотрудника российского посольства в Корейской Народно-Демократической Республике, он полетел в Пхеньян, где в ранге атташе приступил к службе в должности помощника Советника по внешней политике. Непосредственным начальником Юрия стал Сергей Дмитриевич Шаров, который помимо своей официальной должности Советника посла, был профессиональным разведчиком. За время своей службы в СВР он поработал во многих странах, но особенно эффективен оказался именно в Северной Корее, где проработал без малого одиннадцать лет.

В такой закрытой, мононациональной и идеологически стойкой стране, которая многие десятилетия находится под тотальными экономическими и политическими санкциями, получить какую-либо информацию, кроме официальных новостей из местных газет, было прак-

тически невозможно. Все предшественники Шарова, не добившись никаких успехов, заменялись почти ежегодно. Купить у местных информацию за деньги было не возможно, потому что лишние деньги здесь, в принципе, некуда было применить, а их появление вызвало бы вопросы. Найти идеологического предателя родины и партии было так же нереально, ибо все граждане с самого детства искренне и преданно, почти религиозно, любили своих вождей и идеи Чучхе. Попытаться что-то выяснить самостоятельно было так же не осуществимо, из-за тотальных ограничений на перемещение иностранцев по стране, и постоянным контролем за ними со стороны местных спецслужб. Ну а все модные приёмы из шпионских боевиков, типа наклеивания бороды, переодеваний в местных жителей, поездки в багажниках, лазанья по стенам и ныряния с аквалангом, выглядели бы откровенным идиотизмом. Даже Южная Корея, по сути являющаяся второй половиной некогда единого государства, не смогла внедрить на Север своих агентов или заполучить местных коллаборационистов.

Только Шарову удалось сделать невозможное – постоянно добывать достоверную и проверенную информацию по внутренней и внешней политической активности, развитию военного потенциала, и состоянию экономики. Быстро осознав бесперспективность всех классических методов, он стал собирать, анализировать и перепроверять на местах всю внешнюю информацию о стране, вплоть до слухов, которая публиковалась большинством стран западного блока, и которую для него добывали наши разведчики в этих странах. Сергей Дмитриевич был добродушным и мягким человеком, с лица которого почти никогда не сходила улыбка, что помогало ему легко располагать к себе самых разных людей. А его голова, совершенно белая от седины, сразу же вынуждала корейцев проявлять к нему подчеркнутое уважение, как к старшему. Такая седина заметно выделялась среди темноволосых корейцев, даже на фоне местных стариков, поэтому в любой компании он автоматически становился самым старшим и самым уважаемым, хотя ему было всего лишь немногим больше шестидесяти. Такая особенность внешности, которой Шаров эффективно пользовался в своей работе, позволила ему значительно расширить круг своих знакомств среди местных служащих и даже простых граждан, а затем получить и более свободный режим перемещения по стране. Теперь и Фадеев, которому предстояло в будущем стать сменщиком Шарова, старался влиться в этот круг знакомств, чтобы по крупицам собирать любую полезную информацию.

– У вас были значимые успехи на вашей работе, которые вы можете привести в качестве примера? – спросила Клара, прервав его невольные воспоминания.

– В рамках тех должностных обязанностей, которые были на меня возложены, я выполнял свою работу на отлично, – немного задумавшись, ответил Фадеев. – Чего-то действительно знакового, что могло бы прогреметь на весь мир, в тех документах и мероприятиях, которые мы готовили, конечно не было. Разве что, мы окончательно сумели согласовать со всеми членами СНГ алгоритмы обмена данными всех таможенных операций. Это серьезное достижение нашего департамента, которое позволило России, и всем соседним государствам, ощутимо снизить объем контрабандных перевозок и фальсификата. – Кстати, – добавил Юрий, взмахнув указательным пальцем. – В первую очередь, это касалось как раз лекарственных средств.

– Похвально, месье Фадеев! – сказала Клара, все так же делая записи в блокноте. – И все же я не понимаю, зачем было оставлять такую перспективную профессию, в которую вы вложили столько усилий, из-за банального рабочего конфликта?

– Я уже объяснял, что вынудило меня уйти из МИДа! – со вздохом ответил Юрий. – Даже не знаю, что еще можно к этому добавить?

Но помолчав несколько мгновений, он все же продолжил.

– Это правда, что я стремился к успешной карьере, и интересная дипломатическая работа была моей мечтой. Но переступить через себя, даже ради карьеры, это не в моем характере. Это даже не в характере русского человека. У нашего классического писателя Грибоедова есть такая крылатая фраза, ставшая практически народной – «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Увидев замешательство на лице француженки, Юрий понял, что до нее не дошел смысл этой фразы, дословно переведенной на английский язык.

– Смысл этой цитаты в том, что я отказываюсь служить, так как от меня ждут не хорошей работы, а раболепия. Но я не лакей у сынков влиятельных папаш.

– Можно же было перевестись куда-нибудь в другое подразделение? Почему вы решили уйти, а не обратиться с жалобой к вышестоящему руководству? К министру Лаврову, в конце концов!

– Министр не занимается такими делами, – ответил Юрий. – А обращения к руководителям отдела и департамента были бы безрезультатны, так как он и его отец, были с ними в дружеских отношениях.

– И вы даже не пытались добиться справедливости? – откинувшись на спинку стула, сказала Клара. – Разве чиновники в России настолько несправедливы, даже по отношению к друг другу? – И тут же, придвинувшись к столу, с той же неприятной улыбкой произнесла. – А может вы чего-то не договариваете, Юрий?

Этот странный вопрос неприятно удивил, Фадеева. Он не ожидал от французской начальницы такой откровенной провокации, хотя и знал, что стресс-интервью – это норма для западных рекрутеров.

– Чиновники в России такие же люди, как и все вокруг. Не роботы. И у них тоже есть личные черты характера, которые оказывают влияние на работу. В данном случае, на моем профессиональном пути оказался некомпетентный, завистливый и злой человек, который волею обстоятельств был наделен большей властью. Если бы сейчас был восемнадцатый век, я конечно бы вызвал его на дуэль, и пронзил шпагой. Но в двадцать первом веке, в России, это не практикуется. Вы это хотели услышать? – задал вопрос Фадеев, сделав акцент на слове «это».

– Хорошо! Оставим эту тему и не будем к ней больше обращаться, – как ни в чем не бывало сказала Клара.

– Спасибо, – ответил Юрий.

– Если у Анастасии нет вопросов по этому блоку, тогда мы продолжим, – сказала француженка, не дожидаясь реакции местной кадровички.

– У вас в резюме указано, что вы женаты. Скажите, Юрий, у вас есть дети? – спросила Клара.

– Да, мальчик одиннадцати лет. Это сын моей жены от ее первого брака.

– А вы уже были женаты, когда работали в министерстве?

– Был, но на другой женщине. У меня это тоже второй брак. Со Светланой мы поженились только четыре года назад. Над ее сыном от первого брака я оформил опеку.

– Собственных детей вы еще не завели?

– Пока еще нет, – ответил Юрий.

– А дети от первого брака?

– С первой женой мы не завели детей.

– Почему? – спросила француженка, пристально смотря в глаза Фадееву.

– Почему? – удивился вопросу Юрий. – А какое отношение это имеет к теме нашего собеседования?

– Видите ли, Юрий, вы рассматриваетесь на довольно ответственную должность, которая кроме допуска к конфиденциальным данным, подразумевает большое количество контактов с внешними структурами, государственными в том числе, которые не всегда к нам дружелюбны, – сказала Клара, вновь отодвинув кресло. – А таких кандидатов мы оцениваем, в том числе, по их личностным характеристикам. И в первую очередь, по их семейным отношениям. Это показатель искренности, и мотивации. Поверьте, у многих великолепных специалистов, которые могли бы достичь выдающихся результатов в разных областях бизнеса, отношение к семье были их слабым местом, которое вынуждало их совершать или ошибки, или должностные преступления. А некоторые, на самом пике, вообще бросали работу и карьеру.

– Моя семья не представляет никаких проблем для работы, – спокойно ответил Фадеев.

– Мы оцениваем не вашу семью, а ваше отношение к семье, – сказала Клара. – Это общепризнанная практика, используемая во всех отраслях и в большинстве стран. И в России так же, на сколько я это знаю. Ведь так, Анастасия?

Анастасия, которая от фактического исключения ее из диалога совсем ушла в себя, услышав свое имя, все же сумела вынырнуть из транса. И на мгновение зажмурив глаза, смогла выдать из себя адекватный ответ.

– Конечно же, – сказала она. – Оценка личностных мотиваций каждого кандидата и каждого сотрудника компании очень важный фактор оценки эффективности всего персонала, и проводится у нас регулярно.

Француженку, похоже, удовлетворил быстрый и внятный ответ, потому что она благодарно улыбнулась директору по персоналу, и победно Фадееву.

– Ну-у ОК, я не против, – сказал Юрий, хотя по-прежнему думал, что обсуждать такие вопросы на собеседованиях – это уже слишком!

– И почему же вы не завели детей со своей первой женой. Какие-то проблемы со здоровьем? – вновь спросила Клара.

– Нет. Просто как-то не сложилось. Мы поженились в две тысячи десятом, когда мы оба еще были студентами. Сначала не хотели торопиться, чтобы уверенно стать на ноги, обустроить жизнь, пожить немного для себя. А потом... потом, уже было не до этого. Развелись.

– И сколько же вы были женаты?

– Четыре года.

– Значит жена ушла от вас сразу, как вы прекратили работу в МИДе? – спросила Клара, одной рукой облокотившись на стол.

– Я не сказал, что она ушла. Я сказал, что мы развелись, – ответил Юрий, подавив в себе зачатки раздражения. – Это было наше обоюдное решение. Мы решили не осложнять друг другу жизнь ложными надеждами.

– Это как-то было связано с вашими проблемами на работе?

– Нет.

– Возможно, вашей жене не нравилось, что вы ездите в командировки? Может ей просто не хватало вашего внимания?

– Нет. Просто мы были очень молоды и неопытны, когда поженились, и не смогли закрепить наши отношения на бытовом уровне, – сказал Фадеев, чувствуя что обсуждение этой темы ему все больше и больше не нравится.

– Это странно, месье Фадеев, – сказала француженка. – Ваше отсутствие из-за командировок жену не волновало, как вы говорите. Ваши карьерные сложности с начальником-абьюзером тоже. Это явно ненормальная реакция! Она означает, что у вас с самого начала были сложные и неравноценные отношения, либо там было замешано что-то или кто-то еще. Вы любили ее?

– Хм, я как будто на приеме у семейного психотерапевта из кино. Вы еще спросите, регулярно ли мы занимались сексом? – с усмешкой ответил Юрий, попробовав шутливым замечанием перескочить с этой темы.

– Слава богу, молодой человек, я специалист другого уровня, и мне не приходится выслушивать бытовые драмы из семейной постели, – холодно улыбнувшись, ответила Клара. – И все же, Юрий, то что вы мне сказали, заставляет меня подозревать или скрытые психологические блоки, или сомневаться в искренности ваших слов.

– Даже так? И что же вам показалось не искренним? – спросил Фадеев, тоже придвинувшись к столу.

– Я подозреваю, что в ваших семейных отношениях были посторонние люди, – отчетливо произнесла Клара. – Возможно, вмешательство родителей. А возможно, посторонняя женщина или посторонний мужчина. Даже скорее второе. Это принесло конфликт и безразличие в семью, а так же наложило отпечаток вашу на работу, которую в итоге пришлось бросить. Если предполагать дальше, то можно сказать, что этим мужчиной, например, мог быть ваш начальник, который и испортил вам карьеру и семейную жизнь, ибо ваш рассказ о его комплексах и личной неприязни к вашей персоне, выглядит каким-то искусственным. А вот его участие в любовном треугольнике, делает все события хоть и неприятными, но логичными. Что скажете?

Такое заявление, своей наглостью и бестактностью, на мгновение оглушило Юрия. Впрочем, и не его одного. Потому что Анастасия, сидящая напротив него, даже открыла рот от неожиданности, и попыталась немного отодвинуться от французской начальницы. С другой стороны, он бывал на собеседованиях и похуже, и вопросы там задавали еще более провокационные, так что для него это не было за гранью. Просто неожиданно. А помня то, как отчаянно он нуждается в работе, Фадеев твердо решил продолжать игру.

– Моя жена не была знакома с моим начальником, – как можно спокойнее произнес Юрий. – И никаких других мужчин, насколько я знаю, у нее не было. У меня тоже не было никаких связей на стороне, если вы это предполагали. Мы любили друг друга и полностью доверялись во всем. Поэтому, наши семейные отношения никаким образом не отражались на моей работе, или наоборот. На работе я был хорошим работником, дома я был хорошим мужем.

Все это время, пока он отвечал на вопрос, Клара таким внимательным взглядом всматривалась в его лицо, что на мгновение он вспомнил полковника Бутусова, психолога из службы внутренней безопасности СВР, который, после срочного отзыва Фадеева из Пхеньяна, с точно таким же выражением лица задавал ему практически те же самые вопросы. И тут Юрию стало не по себе от шальной мысли о том, что француженка могла знать о нем несколько больше, чем было написано в резюме. С большим усилием он заставил себя нейтрально улыбнуться, и сосредоточился на ее лице. Но подсознание уже вовсю переключилось на вскрытие ящичков с воспоминаниями о том периоде его жизни, который он сейчас тщательно от всех скрывал.

Со своей будущей женой Фадеев познакомился на втором курсе. Хоть он уже перешел на обучение в Академию СВР, он продолжал посещать некоторые лекции МГИМО и встречаться с сокурсниками. А те, в свою очередь, продолжали таскать его с собой на их совместные вечеринки. На одной из таких тусовок он познакомился с Юлией. Она была настолько ослепительно красива и раскованна, что Фадеев влюбился в нее с первого взгляда. И активное внимание ее персоне со стороны абсолютно всех мужчин на этой вечеринке его никак не смущало. Отцом Юлии был заслуженный дипломат Владимир Зайцев, который всего лишь год назад оставил должность посла в Нидерландах, и сейчас был на временной кабинетной должности в

министерстве, ожидая нового перспективного назначения. Юлия, хоть и числилась студенткой первого курса МГИМО, была избалована роскошной жизнью в Москве и за границей, любила деньги и развлечения, и категорически отказывалась учиться, как папа ее не уговаривал. Она была уверена, что папа просто подарит ей диплом, поэтому сама продолжала наслаждаться жизнью золотой молодежи.

Юрий старался не обращать внимания ни на разгульный образ ее жизни, ни на статус ее отца, и всячески добивался ее расположения, хотя ему было очень сложно соответствовать запросам Юлии Зайцевой. Ведь сам он был из простой семьи, жил в общежитии института, и на всех вечеринках, которые устраивали его сокурсники, чувствовал себя не в своей тарелке. Все его приятели были детьми дипломатов или, далеко не рядовых, сотрудников МИДа и других центральных министерств. Они жили в загородных особняках, ездили на дорогих иномарках, и вечеринки устраивали в пафосных и дорогих клубах. Для того чтобы вписаться в этот круг общения, Юрию приходилось ежедневно подрабатывать репетиторством у школьников, переводами для нерадивых сокурсников, и даже ночным сторожем в круглосуточной аптеке, рядом с общежитием. Все эти деньги позволяли ему выглядеть так же, как его окружение, и тратить их на то же, на что тратили его приятели.

А главное – эти деньги позволяли ему делать дорогие подарки Юлии, которая охотно их принимала, и только тогда отвечала ему взаимностью. В эти периоды Юрию казалось, что они самая счастливая пара на свете. У них был потрясающий секс, они засыпали и просыпались обнявшись, гуляли по улицам, держась за руки, улыбались друг другу и всему миру. Правда, эта идиллия быстро заканчивалась, потому что ей хотелось новое украшение, платье или сумочку, и настроение ее радикально менялось. Фадееву приходилось снова идти на ночные дежурства и ежедневно заниматься с отстающими школьниками, чтобы заработать денег на очередной подарок своей любимой, а главное на несколько новых дней счастья.

Увы, но отношения Юрия и Юлии, как и их социальный статус, и уровень образованности, и многое другое, были совсем не равны. Он безоговорочно ее любил, потакая всем ее желаниям, и прощая любые капризы. Юлия, напротив, поддерживала с ним совершенно равные отношения, основанные на своем эгоизме и меркантильности. За два года знакомства, она периодически держала его на дистанции, демонстративно предпочитая общество других мужчин, и дважды отвергала его предложения замужества. Во второй раз, даже публично и очень грубо. Именно это, в итоге, вынудило Фадеева признаться ей, и только ей, что обучение в МГИМО всего лишь ширма, а на самом деле он сотрудник СВР и в скором времени отправится за границу, под прикрытием посольской работы. Однако, по правилам службы, на такую работу не отправляют не женатых людей. А так как его обучение заканчивается через год, он будет вынужден, пусть и формально, найти себе жену, чтобы подтвердить необходимый статус. С таким ультимативным предисловием Юрий сделал третье и окончательное предложение Юлии выйти за него замуж. Она сказала «подумаю».

Юлия Зайцева, не смотря на всю внешнюю беззаботность ее праздного образа жизни, была отнюдь не глупой и очень расчетливой девушкой. Она быстро смекнула, что простой Ярославский мальчик, которого она держала рядом с собой для развлечения, оказался более перспективным претендентом в мужья, чем многие остальные из их тусовки. Все ее знакомые абсолютно не блистали в учебе, и не проявляли никакого рвения к построению будущей карьеры. И хотя все они имели влиятельных родственников, это не давало никаких гарантий их перспективного и обеспеченного будущего на ниве дипломатической службы. Как говорил ее папа «... в подавляющем большинстве случаев, всех родительских связей твоих болванов друзей, если

они не возьмутся за голову, хватит только на какую-нибудь рядовую должность в канцелярии МИДа, или, в лучшем случае, помощника младшего редактора во второсортной газетенке». Перспектива иметь такого второсортного мужа совсем не устраивала Юлию, и услышав признание Юрия, она сразу оценила выпавший ей шанс. Фадеев был в нее беспросветно влюблен, а значит им всегда будет легко манипулировать. Сейчас не Великая Отечественная, значит быть женой «Штирлица» ей не придется. А так как шпионят в основном за потенциальным врагом, то очевидными направлениями его будущей работы будут США или Европа. И платили в СВР, по слухам, намного больше чем в МИДе. Специально выдержав недельную паузу, чтобы еще сильнее подогреть переживания Фадеева, Юлия дала свое согласие.

Через полгода, которые Фадеев провел на бесконечных подработках, чтобы скопить денег, в последний теплый день Бабьего лета, они отпраздновали шикарную свадьбу на Москве реке. Арендванный для этого самый большой прогулочный теплоход специально «переименовали» в Ю+Ю, оформив огромными серебряными буквами борта и корму корабля. Почти сутки сто человек гостей, большую часть из которых Фадеев видел впервые, безостановочно веселились, расположившись на всех палубах судна. Двое особо «горячих» гостей даже выпали за борт, и команде корабля пришлось их спасать, на потеху всем остальным. Родители Юрия, выложившие на эту свадьбу все свои сбережения, чувствовали себя неуютно в кругу больших чиновников и московских богатеев, и постоянно повторяли Юрию, что «тебе нужно быть сильным, сынок». Родители Юлии, напротив, были расслаблены и довольны организацией мероприятия, в которое они вложились многократно больше четы Фадеевых, и знакомя Юрия с очередными гостями, всегда приговаривали «как же нам повезло». Как только корабль пришвартовался у причала Речного вокзала, Юлия буквально стащила Фадеева на берег, где они уселись в ожидавшее такси, и помчались праздновать первую брачную ночь в их новую квартиру, подаренную Зайцевыми.

Потом начались будни, быстро обесцветившие яркие краски брачного торжества. Юлия была очень расстроена тем, что из-за учебы Фадееву не разрешили взять отпуск, и они никуда не слетали в медовый месяц. Да и вообще, вся бытовая рутина совместной жизни ввергала ее в уныние, которое она пыталась преодолевать шопингом, встречами с подружками, и периодическими тусовками с их прежней компанией. Юрий же был поглощен учебой. Пятый курс, дипломная работа, стажировка, итоговые экзамены – нужно было без пробелов закончить академию, чтобы получить хорошее распределение. Поэтому у него катастрофически не хватало времени на все развлечения, в которых участвовала его красавица жена, но он ее любил, и разрешал ей почти все. Даже странных гостей, периодически появлявшихся и задерживавшихся в их доме.

Первый серьезный скандал у них произошел в тот день, когда Фадееву объявили, что после окончания обучения и положенного отпуска, который он сможет провести только в России, он отправляется служить в КНДР. Сам он давно был готов к этому, так как понимал, что с его корейской специализацией его не пошлют в Лондон или Берлин. Но для Юлии это оказалось настоящим шоком. Она долго и громко проклинала тот день, когда с ним познакомилась, а потом ушла из дома так хлопнув дверью, что треснуло зеркало в прихожей. Три дня она провела неизвестно где, не появляясь ни у них дома, ни у родителей, ни у подруг. Из-за этого, Фадеев пропустил собеседование со специалистами кадровой службы и службы внутренней безопасности, в котором должна была принимать участие его жена, и его утверждение на должность в посольстве повисло в воздухе. Через три дня Юлия вернулась и, после непродолжительного разговора и пары извинений, согласилась пойти с ним на собеседование и показать примерную жену. За эти дни она все же решила, что Северная Корея – это только старт

их семейной карьеры. Потом, наверняка, будет Южная Корея, с шикарными мегаполисами и инфраструктурой, а она давно мечтала побывать в Сеуле. А там рядом и Япония, и Сингапур, и Австралия. Юлия сумела нарисовать себе красивую будущую жизнь и убедила себя не бросать Фадеева прямо сейчас. Правда, она так и не сказала ему, где и с кем провела эти три дня, но Юрий решил не копаться в этом. Главное, что все вернулось на круги своя, а к капризам жены он привык давно, еще до свадьбы.

А дальше, Фадеев один, так как Юлия формально перешла только на пятый курс и не могла учиться заочно, улетел в Пхеньян на службу, и его жизнь разделилась на две части. С одной стороны, он был очарован удивительной страной, в которую попал, ее самобытностью и огромными возможностями для «открытий». Его новый начальник, полковник СВР Шаров, оказался настолько опытным разведчиком и великолепным учителем, что за несколько первых недель Фадеев освоил столько специального материала, сколько не смог за три года изучения в академии. Он был по настоящему счастлив, с профессиональной точки зрения, о чем постоянно, чуть ли не ежедневно, рассказывал своей жене, в письмах или звонках. С другой стороны, Юлия совершенно не разделяла его радости, нейтрально реагируя на его «я тебя люблю» и «я скучаю», и открыто показывая свое раздражение от его рассказов об этой «депрессивной территории», как она называла Северную Корею. Но Юрий терпел, потому что у него была цель – стать полноценной заменой Сергею Дмитриевичу Шарову, которому уже пора было собираться на пенсию, и даже превзойти его. Откровенно говоря, Юлия Зайцева тоже терпела всю эту ситуацию, так как совсем не рассчитывала остаться на целый год одна, а потом еще ехать в какую-то богом забытую дыру, за колючей проволокой. Но она старалась, и терпение обоих было вознаграждено.

После получения Юлией диплома МГИМО, Фадеева на месяц отпустили в отпуск в Москву, где они вместе провели великолепные несколько недель. А потом, так же вместе, как семья, полетели в Северную Корею, куда Юлию распределили как жену сотрудника посольства, на должность помощника атташе по культуре. Как это не удивительно, но Северная Корея произвела на Юлию яркое впечатление, и первое время она наслаждалась новизной ощущений от пребывания в такой необычной стране. Она с удовольствием ездила на все разрешенные официальные экскурсии, посмеивалась над простецкой модой корейянок, и обсуждала свои наряды и украшения с местными женщинами из посольства. Им даже удалось, хоть и под присмотром сотрудников госбезопасности КНДР, на три дня съездить на шикарный местный морской курорт Маджон, поплавать в Японском море и поесть осьминогов. А еще, они договорились со своим корейским гидом о посещении зимой горнолыжной базы Масикрэн, которая по описаниям легко «утирала нос» и Розе Хутор и Куршевелю. Пожалуй, это было самое счастливое время, которое они провели вместе. Но уже через месяц ей наскучило однообразие их ограниченной жизни. Выйти из посольства без разрешения и сопровождающего от корейского МГБ было нельзя. Когда было можно, сходить все равно было некуда. В кино крутили только местные патриотические фильмы, в магазинах абсолютно нечего было купить, кроме сладостей и газировки. Клубов и дискотек не было в принципе, а просто так ходить по улицам с сопровождающим за спиной тоже было неинтересно. Чтобы поехать в путешествие по стране, его нужно было согласовывать чуть ли не с самим Ким Чен Ыном. И к Юлии быстро вернулась хандра бытовой неустроенности и отсутствия перспектив. Она стала скандалить, сначала с мужем, потом с сотрудниками посольства, и в конце концов, ее отправили назад в Россию.

После этого, отношения Юрия со своей женой совсем разладились. Она перестала отвечать на письма, а потом даже перестала их читать. Созвониться с ней удавалось в лучшем случае раз в несколько месяцев, и то лишь для того, чтобы услышать «да, нормально, понятно,

пока». А когда Фадеев сумел на несколько дней вырваться на Новый 2013 год в Москву, выяснилось, что Юлия поменяла замки в их квартире, а сама она предпочла провести праздник со своими друзьями и без него. Поэтому он был вынужден поехать в новогоднюю ночь в Ярославль к своим родным, которые, впрочем, были искренне рады его появлению. И только в день его вылета обратно в Пхеньян, Юрию удалось встретиться с ней в кафе в центре Москвы. Она была так же ослепительно красива, но теперь ее глаза были холодными и колючими, и впервые в жизни Юрий почувствовал, что уже не любит эту женщину. Юлия же, молча выслушав его вопросы и предложения, совершенно без прелюдий огласила ему ультиматум «пока он не переведется в нормально место, достойное ее, никаких отношений между ними не будет». Потом бросила на стол деньги, впервые заплатив за себя в его присутствии, молча встала и ушла.

Чтобы справиться со своими переживаниями, Юрий полностью погрузился в работу. Все время, с утра до вечера, он проводил в их с Шаровым кабинете за спутниковыми снимками, которые Юрий научился расшифровывать. А потом ездил на все встречи и мероприятия, в которых участвовали сотрудники их посольства, чтобы подтвердить свои разведывательные данные, так сказать на натуре. Он очень преуспел в этом, и даже вскрыл несколько очень секретных корейских ракетных баз, за что получил высокую оценку не только от Шарова, но и из Москвы. Кроме этого, он сумел зарекомендовать себя хорошим посредником между некоторыми корейскими госструктурами и их коллегами из России, что дало ему возможность более глубокого «погружения» в народное хозяйство КНДР и широкого перемещения по стране. Летом 2014 года Сергей Дмитриевич объявил ему, что подал рапорт на его назначение на свою должность, и если все пойдет как надо, то на Новый год Шаров отправится в Россию на пенсию, а Фадеев займет его место.

Все эти воспоминания вспышкой молнии пронеслись в сознании Юрия, и стали катализатором его серьезного волнения. Ему потребовалось немало сил, чтобы сохранить видимое спокойствие и перед лицом француженки скрыть охватившее его напряжение. Он уже понял, что именно в этом была ее цель, выбить его из равновесия, и решил не поддаваться на провокации. Правда, в ее поведении было что-то еще, беспокоящее его подсознательную осторожность, но пока он не смог разобраться в этом.

– Какие-то еще вопросы, о моей личной жизни, мадам? – вынырнув из воспоминания, спросил Фадеев.

– Да, Юрий. Скажите, как зовут вашу жену?

– Бывшую или настоящую?

– Настоящую, – сказала Клара, что-то отметив в своем блокноте. – Ту, ребенка которой вы усыновили.

– Мою жену зовут Светлана, сына зовут Рома.

На слове «сын» француженка слегка дернула бровью, и опять что-то пометила в своем блокноте.

– Как вы сами оцениваете, Юрий, ваши отношения с новой женой отличаются от отношений с бывшей?

– Конечно! Новая жена – новые отношения.

– Жена новая, но вы то прежний, – холодно улыбнулась Клара. – Не опасаетесь, что отношения опять пойдут по прежнему сценарию?

Конечно, Фадеева зацепила очередная бестактность француженки, но он уже понял ее намерение вывести его из равновесия, и поэтому старался не реагировать на ее слова.

– Наши отношения со Светланой прекрасны, пропитаны доверием и любовью. И никакие призраки прошлого не смогут их испортить, – ответил он максимально спокойно.

– Это хорошо, Юрий. А как ваши взаимоотношения с пасынком?

– Все отлично. Мы относимся друг к другу как отец и сын, как мне кажется. Я надеюсь, что Рома это чувствует так же.

– А как ваша семья отреагировала на ваши бизнес проблемы? Это же наверняка повлияло на качество их жизни?

– Они на это отреагировали с пониманием, – сказал Юрий, и внутренне очередной раз с теплотой поблагодарил свою жену, которая стойко восприняла все проблемы, свалившиеся на их семью, а дальше, почти в одиночку, тянула на себе их финансовые вопросы. Он знал, что несмотря на прежние улыбочку и нежность, это очень нелегко ей дается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.